

НАТАЛИ НАТАЛИ

СОКОЛІА
ВИДНО ПО ПОЛЁТУ

Лорд Орлиного Гнезда Роберт Аррен — вспыльчивый и раздражительный одиннадцатилетний мальчик. У него скверный характер и приступы трясучки. Знаменосцы дома Арренов недовольны своим скудоумным и физически слабым сюзереном, и ропщут. Однако причина проблем Роберта не в дурной наследственности или чрезмерной материнской опеке. Она — итог хорошо продуманной партии хитрого и безжалостного «дракона», который уже побил «слона» и почти скинул с доски кайвассы этого маленького беззащитного «ополченца»...

Фанфик по "Игре престолов" про лорда Орлиного Гнезда Роберта Аррена. Без попаданцев и оживления уже умерших на начало саги героев. Без батальных сражений и магии.

Натали Натали

Сокола видно по полёту

Роберту было страшно. Настолько, что иногда его тошнило и потом он спал в собственной рвоте. От ужаса и беспомощности у него путались мысли, стучали зубы, а ладони противно потели. И иногда тёплое текло по ногам.

Свирепый воин, огромный и сильный, выдернул его из мягкой постели, кинул на плечо, словно он был новорождённым ягнёнком, а не самым могущественным лордом Долины, и унёс в неизвестность. И этому не помешали ни толстые крепостные стены, ни многочисленная охрана. Но прежде, чем провалиться в спасительное забытье, Роберт успел увидеть горящий ненавистью взгляд.

Похитители ничего не объясняли, сколько бы Роберт ни приставал с расспросами. Они только насмешливо скалились, щедро отвешивая затрешины, от чего у него звенело в ушах и по щекам катились слёзы. В самом начале Роберт постоянно плакал — громко, навзрыд, скуля и причитая. Лишь позже к нему пришло понимание, что слёзы влекут за собой новые побои. И тогда он изо всех сил сжимал зубы, задерживая рваное дыхание, стараясь не проронить ни одного всхлипа.

Роберт то кричал и угрожал, как обычно поступал дома, пытаясь добиться желаемого. То говорил спокойно и рассудительно, как это всегда делал его дядя Петир Бейлиш, снисходительно улыбался и приводил разумные доводы. И снова угрожал. До визга, летящих изо рта слюней и конвульсий. Но все гневные вопли и льстивые увещания всегда заканчивались одинаково — его избивали. Чаще обходились несильной зуботычиной, просто чтобы замолчал. Но иногда так, что потом он с трудом мог двигаться.

Часто Роберт мечтал, как его обидчики будут умолять о пощаде, жалобно выть и призывать своих богов. Ведь совсем скоро сюда придут воины в серебристых кольчугах и бело-голубых плащах, с белым соколом и луной на небесно-синих знамёнах — самые сильные и храбрые рыцари во всей Долине. Они убьют заговорщиков, насадят их головы на пики, расчленият их жён и детей, а дома превратят в руины. После чего здесь останется лишь чёрное пепелище. Нужно только немного подождать.

Однако шли недели и месяцы, но никто не спешил ему на помощь...

Глава 1. Роберт болеет и капризничает

Лизе Аррен не нравились сегодняшние гости. Они были не только незванными и нежеланными, но ещё и привезли дурные вести: её старшую сестру Кейтилин Старк, племянника Робба и его молодую жену убили прямо за свадебным столом в Близнецах, а их с Кэт младшего брата Эдмара Талли взяли в плен.

Здоровенная белобрысая девица, больше похожая на гвардейца Королевской Гвардии, чем на леди, гневно таращила голубые глаза и хмурила белёсые брови, рассказывая об этом. Она бурно негодовала, возмущаясь поступком семейства Фреев, нарушивших законы гостеприимства, и Лиза согласно кивала головой, показывая, что разделяет её негодование.

— Я поклялась леди Кейтилин защитить её дочерей, — пошла девица на второй круг, — поэтому взяла на себя смелость привезти вашу племянницу в Орлиное Гнездо, миледи. Санса замужем. Она в безопасности, в Королевской Гавани. Но Арье нужна помощь. Винтерфелл захвачен. О Бране и Риконе ничего не известно... говорят, что они умерли. А Джон далеко на Севере.

— Вам не нужно оправдываться, леди Тарт, — остановила её Лиза со скорбной улыбкой. — Вы правильно поступили. И мы с моим сыном, лордом Долины, благодарны вам и вашему оруженосцу за всё, что вы сделали. — Лиза положила ладонь на руку сидящего рядом болезненного мальчика, и тот важно кивнул. — Вас проводят в Палату Полумесяца, где вы сможете омыть с дороги лицо и руки и немного подкрепиться хлебом, вином и сыром. А пока вам приготовят комнаты. Обед будет через два часа.

Застенчивый темноволосый парень, которого Бриенна Тарт представила как своего оруженосца Подрика Пейна, интереса не вызывал, а вот присутствие последней из этой троицы — Арьи Старк, младшей дочери сестрицы Кэт и, по слухам, неуправляемой дикарки — не на шутку встревожило хозяйку Орлиного Гнезда. Она посмотрела на Арию и подчёркнуто ласково улыбнулась:

— Ты дома, дитя. Я уверена, с твоими братьями всё в порядке и вы вернёте себе Винтерфелл. Но ты можешь жить в Орлином Гнезде столько, сколько пожелаешь.

Дикарка ничего не ответила, лишь недобро зыркнула из-под свисающей грязными сосульками чёлки и шмыгнула носом.

В последнее время на Лизу навалилось предостаточно забот и без проблем осиротевшей племянницы. Ей было недосуг вникать в чьи-то душевные переживания. Однако старый Хостер Талли некогда упорно вбивал в головы своих отпрысков девиз отчего дома, и Лиза старалась по возможности не пренебрегать фамильным долгом перед теми, кто носил имя Аррен, Талли и Старк.

За судьбу брата она не переживала. Эдмар теперь муж одной из дочерей Уолдера Фрея, и этот плен чистое лицемерие — в его освобождении в ближайшее время Лиза не сомневалась. И убиваться из-за смерти Кейтилин тоже не собиралась, очень уж много обид накопилось у неё на сестру с самого детства. Да и притворяться было не перед кем. Не особо расстраивалась и из-за зятя с племянником — чуть ранее первый поплатился за собственную непомерную гордыню, и вот теперь второй за непростительную глупость. Её даже не сильно беспокоила смена хозяев в Винтерфелле, в конце концов, Болтоны исправно платили по счетам Орлиного Гнезда.

Тем не менее свои обязанности перед семьёй Лиза намеревалась выполнить. Потому что: «Семья, долг, честь». Именно в таком порядке. Она даст Арье еду и кров, обеспечит её безопасность и будет нести сие бремя, сколько понадобится. При условии, что это не повредит Роберту. Потому что: «Семья, долг, честь». А семья, в первую — и главную — очередь, это Роберт. Отдав распоряжения приготовить гостевые комнаты, Лиза поручила сына заботам старой Гретчель и спустилась на кухню, чтобы лично проследить за обедом.

В течение нескольких следующих дней Лиза присматривалась к Бриенне, размышляя над возникшей проблемой, обдумывала пути её решения, взвешивая все за и против. Зная замок так, словно родилась тут, она подглядывала за своей гостьей и подслушивала, сама оставаясь незамеченной. И её вполне удовлетворяло то, чему она стала свидетелем. К концу недели Лиза нашла ответ на не дающий ей покоя вопрос и пригласила Бриенну в малую горницу для приватной беседы.

— Я хотела бы узнать о ваших дальнейших планах, леди Тарт, — сказала она без обиняков. — Что вы намерены делать теперь, когда выполнили своё обещание, данное моей сестре?

— Знаю, мы злоупотребляем вашим гостеприимством, миледи, — Бриенна ожидаемо сконфузилась, — но у Подрика не до конца зажила рана на ноге. Мейстер Колемон осмотрел её и наложил мазь. Он сказал, что нужно ещё время...

— Мы с лордом Робертом не гоним вас, — перебила её Лиза. — Напротив, мы предлагаем вам остаться в Орлином Гнезде. — Она сделала паузу, выжидая, глядя на свою собеседницу, и, убедившись в её заинтересованности, закончила: — Я бы хотела, чтобы вы поступили к нам на службу и стали личным телохранителем моего сына.

Лиза была уверена, что Бриенна с радостью ухватится за такую возможность. Но нескладная дылда вдруг заартачилась.

— Я думаю, что моё присутствие будет ему только во вред, — сказала та.

Такого ответа хозяйка Орлиного Гнезда не ждала, но Бриенна на все дальнейшие расспросы отвечать отказывалась, при этом упрямо стоя на своём.

— Вы несколько раз беседовали с Робертом, — показала Лиза свою осведомлённость, после чего одобрительно кивнула: — Сын поделился со мной, что вы рассказали ему про лошадей. Ему понравилось. А мне нравится, что в ваших глазах я не вижу того, что замечаю порой у других людей. Знаете, как они обычно смотрят на Роберта, когда думают, что я не вижу?

Бриенна молча мотнула головой.

— С жалостью, смешанной с презрением, — с горечью сказала Лиза. — Все они считают, что Роберт не достоин своего великого отца, что он будет плохим правителем Долины... Или вы тоже его презираете, а я просто ослепла?

— Конечно же, нет, миледи! — воскликнула Бриенна с жаром. — Мне тоже жаль милорда, он слаб здоровьем... но нет, я не презираю его. Просто... — она снова замаялась, — он мальчик... будущий мужчина... а вокруг него только женщины... вы и старая служанка, которая рассказывает ему сказки. Нет ни наставника-мужчины... ни мальчиков-ровесников для игр... и даже оруженосца нет! А теперь здесь ещё и кузина. И вы хотите, чтобы его телохранителем была я? Своих детей у меня нет, миледи. И я ничего не смыслю в их воспитании. Но я считаю, что вы поступаете неправильно. Если у милорда есть недоброжелатели, будет им лишний повод насмеяться, что лорд Долины воспитывается одними женщинами. — Прямой и честный взгляд Бриенны встретился с внимательным,

изучающим взглядом Лизы.

Откинувшись в кресле, Лиза устало прикрыла глаза. Свечи постепенно оплывали, натекая в розетки тяжёлых серебряных канделябров, падали жирными кляксами на круглый стол. Бриенна смотрела, как мягкий свет маленьких огоньков мерцает в его полированной поверхности, заставляет поблёскивать серебряные нити в гобеленах и обивке мебели, и в замешательстве молчала. Она сказала всё, о чём отказывалась говорить до этого, больше сказать ей было нечего.

Сжав пальцами виски, Лиза потёрла их и поднялась, прошла по небольшой зале, задевая подолом обтянутые бело-голубым шёлком кресла, обогнула стол и в раздумье остановилась около буфета из тёмного дерева. Бремя забот давило на плечи, но она не могла поделиться этим бременем ни с кем. Особенно с жителями Долины. Особенно с мужчинами. Они просто посчитают её взбалмошной истеричкой. Наконец решившись, Лиза взяла с буфета графин с вином и налила в два бокала.

— Мне нужна ваша помощь, леди Бриенна, — сказала она твёрдо, протягивая ей бокал. — Роберту нужна ваша помощь. Я думаю, сама Матерь направила вас к нам... — Лиза снова села в кресло и предупредила: — Разговор будет долгим.

Когда Бриенна покидала горницу, на небе уже зажглись первые звёзды. Она согласилась служить лорду Долины. В спальне Лиза медленно снимала перед зеркалом серьги, кольца и тяжёлое серебряное кольцо со вставками из лунного камня, складывала украшения в тёмно-синюю чашу в виде сокола и довольно улыбалась своему бледному отражению.

Бриенна рано поняла, зачем родилась — защищать тех, кто нуждается в защите, спасти тех, кому грозит беда. А совсем не для того, чтобы иметь лорда-мужа и выводок детей. Только выходило у неё скверно. Не смогла она уберечь Ренли, не успела помочь и Кейтилин. Тот страшный день у Близнецов Бриенна запомнит навсегда.

Когда они с Подриком подъехали к замку, лагерь перед ним уже полыхал вовсю, а вооружённые воины с вышитыми на груди двумя синими башнями на серебристо-сером поле гнали копьями людей с изображением лютоволка на щитах словно стадо овец. Вдали слышался вой, и от этого звука у Бриенны судорогой сводило горло. Она опоздала. Бриенна видела это, чувствовала каждой клеточкой своего огромного тела, от чего ей хотелось присоединиться к жуткому стенанию лютоволка.

— Арья, стой! — раздался грубый окрик, и Бриенна метнулась на голос, решительно сжимая в руке Верный Клятве. А увидев, как тот орущий здоровенный мужик бьёт по голове щуплого оборванца и хватает его, оттаскивая в сторону, кинулась в атаку.

— Это Арья Старк? — на всякий случай всё же спросила она, приставив меч к горлу верзилы с обожжённым лицом и, не дожидаясь ответа, приказала: — Отпусти её! Иначе...

Чудом Бриенна тогда не убила Сандора Клигана — буквально в последний момент Арья крикнула, что он защищает её. И с огромным трудом уговорила принять их с Подриком помощь. Далее они продолжили путь вместе — Клиган вёз девочку в Орлиное Гнездо, рассчитывая, что тётка её выкупит. Но, когда на горизонте замаячили Кровавые Врата, вдруг передумал и без пояснений повернул Неведомого назад.

Бриенне мнилось, что теперь, когда она доставила в целости и сохранности младшую дочь Кейтилин Старк в самое неприступное место во всём Вестеросе, её сердце должно успокоиться — обещание исполнено, и отныне прекрасный Верный Клятве из валирийской стали, что вручил ей на прощание Джейме Ланнистер, можно носить по праву, без

смущения. Однако она бродила по замку как неприкаянная, поражаясь царящей в нём тишине, и никак не могла понять, что же гнетёт её с каждым днём всё сильнее, стискивая грудь необъяснимым беспокойством.

Никогда Бриенна не видела столь величественного и безжизненного замка. Ей он казался красивее, чем Красный замок в Королевской Гавани, но даже у них на Тарте в Закатном было многолюдней и веселее — во дворе постоянно кто-то шумел, ржали кони, лаяли собаки, бряцало оружие. В этих же великолепных и пустынных чертогах не только старые слуги неслышно ступали, но и шаги часовых звучали странно глухо. Гости сюда навевались нечасто, и все говорили тихими голосами, чтобы не потревожить болезного лорда. Только ветру никто не мог запретить метаться и завывать между башен, да слышался шум Слёз Алиссы.

Во дворе тоже царило безмолвие — не было ни конюшен, ни псарни, ни птичника. Не резвились на траве дети мастеров и садовников, не сплетничали судомойки, не бухал молот по наковальне и рыцари не упражнялись, звеня доброй сталью. А покрытая мхом каменная скамейка у маленького горного озера, к которому толстый поварёнок бегал с вёдрами, всегда пустовала. Первый раз Бриенна встретила Роберта Аррена именно там. Закутанный в бледно-голубой бархатный плащ, он меланхолично швырял камешки в воду.

— Ты леди? — спросил Роберт, косясь исподлобья на её доспех и меч.

— Когда-то была, — ответила Бриенна, церемонно поклонившись.

— А сейчас? Почему ты одета как рыцарь?

— Я мечтала быть рыцарем с самого детства. И очень жалела, что родилась девочкой. А вы хотите стать рыцарем, милорд?

Худенькое личико напряглось, взгляд беспокойно забегал.

— Нет, — наконец сказал Роберт. — Им нужно постоянно биться мечом... а он очень тяжёлый... и я не люблю лошадей. Они кусаются. — Он подумал и добавил: — Чтобы они слушались, их нужно больно бить. Ты знала об этом?

— Это вам, наверное, мужчины такие глупости наговорили? — спросила Бриенна и заговорщицки понизила голос: — Но я открою вам секрет. Лошади понимают человеческую речь. И если вы будете разговаривать с ними ласково, они вас послушаются. Бить их необязательно.

— Ты надо мной подшучиваешь? — с подозрением спросил Роберт.

— Нет, милорд. У меня был один друг, у которого есть конь — большой и сильный. И чёрный, словно беззвёздная ночь. Он никого не подпускал к себе, только своего хозяина. Остальных лягал и кусал. Но я с ним подружилась.

— Как? — покрасневшие глаза Роберта удивлённо распахнулись.

— Я угощала его сладкой осокой. Когда я была такого же возраста, как вы, мы часто бегали из замка с одним моим другом играть на озеро. Дёргали там осоку и ели белые сладкие корешки. Иногда у нас даже животы болели. — Роберт неуверенно хихикнул, а Бриенна продолжала: — Сначала тот чёрный конь воротил от меня морду, но потом привык ко мне, стал брать из рук осоку и позволял себя гладить. Лошади любят сладкое, их можно соблазнить кусочком сахара. Тогда у меня не было сахара, но и осока сгодилась.

— Правда? — спросил Роберт недоверчиво и шмыгнул носом. — Я хочу проверить, но... я не спускаюсь вниз.

— Почему не спускаетесь? — удивилась Бриенна. — До Небесного замка путь непростой, но ради лошадок мы можем с вами это сделать. Наберём полные карманы сахара

и спустимся!

— Я не могу, — помотал головой Роберт. — Матушка говорит, за стенами Орлиного Гнезда мне грозит опасность.

Бриенна с сочувствием посмотрела на лорда Долины. В свои одиннадцать лет он выглядел максимум на восемь — невысокий, тоненький и слабый, с тёмными нездоровыми полукружиями под слезящимися глазами и сопливым носом. «У м'лорда трясушка, — сказала ей толстая Мадди, застилая в гостевой комнате постель и взбивая подушки, — потому говорить с ним надо ласково и не спорить. И он шум не любит». В первое утро, ещё не зная об этом, гости взялись за мечи — Бриенна хотела продолжить обучать Подрика искусству боя, несмотря на его не до конца зажившую рану. Но мейстер Колемон поспешно выбежал во двор и попросил прекратить, очень уж лязг оружия пугал юного лорда.

Сама Бриенна всё же посетила Небесный замок — не только, чтобы проверить, хорошо ли смотрят за их лошадьми, но и чтобы отвлечься от тяжёлых дум. И несколько сот футов, которые нужно было пройти пешком внутри горы по трубе со ступеньками, её не остановили. В день приезда они так устали, что сил глазеть по сторонам у них не осталось, сейчас же замок Бриенну разочаровал. Он состоял лишь из прилепившейся к скале высокой стены, казармы и конюшни. Стену, сложенную полукругом из необтёсанных камней, покрывал слой наледи, в некоторых местах с неё свисали длинные сосульки. В обустроенной в скальном отверстии за замком казарме расположился небольшой гарнизон латников, а конюхи жили в крохотном домике при конюшне, в которой содержались лошади. Но уходом за животными Бриенна осталась довольна.

В остальное время она чистила свои доспехи и обувь, латала прохудившуюся в путешествии одежду. Однако никакие привычные дела не смогли унять тревогу, поселившуюся в её душе с того самого дня, как они с Подриком приехали в Гнездо.

Трапезы в Утреннем чертоге проходили уныло и иногда заканчивались припадками Роберта, после чего слуги уносили его в постель. Гости от этого чувствовали себя неловко, отводили взгляд, благодаря за угощение, и разбредались потом по замку, стараясь не попадаться хозяевам на глаза.

В следующий раз Бриенна столкнулась с Робертом через пару дней, когда немного заплутала в пустынных коридорах и, спустившись по одной из крутых лестниц, попала в узкую галерею, сложенную из местного серого гранита. Заметив в нише окна тщедушную фигурку, она остановилась.

— Что вы здесь делаете, милорд? — спросила Бриенна, внимательно всматриваясь в заплаканное бледное лицо. — Тут прохладно, а вы так легко одеты...

— Арья толкнула меня, — плаксиво пожаловался он, и уголок его губ задёргался от нервного тика. — Я хотел посмотреть её меч, но она не дала и толкнула меня. Она злая! — крикнул он. — Я прикажу кинуть её в Лунную дверь!

— Вы не можете сделать этого, милорд, — сказала Бриенна.

— Почему? — хлопнул носом Роберт.

— Она ваша гостья, а законы гостеприимства запрещают такое делать. Арья пришла к вам за помощью и защитой. Вы не можете обидеть того, кто доверился вам.

— Но она первая меня обидела! Она злая! — снова крикнул Роберт и топнул ногой.

— Совсем недавно она лишилась родителей. Её старшего брата убили, другой стал дозорным на Стене, а остальные пропали. Их дом в руках врагов, — терпеливо урезонивала

его Бриенна. — Арья не злая, просто она очень напугана. Не знает, что ей делать и кому можно верить. Она обычная слабая девочка, которая спряталась у своего могущественного кузена, лорда Долины. Только вы можете спасти её, милорд. Вы ведь защитите Арию, правда?

Большие карие глаза Роберта, сейчас некрасиво опухшие, вспыхнули сначала от гордости, а затем от восторга. Он обрадованно кивнул. Но потом губы опять задёргались, их изогнула плутоватая улыбка, и Роберт хитро прищурился, словно раскусил коварный ход.

— Но тогда придётся в Лунную дверь скинуть тебя, — сказал он торжествующе.

— Меня тоже нельзя, — с видимым сожалением развела руками Бриенна.

— А тебя почему нельзя? — искренне удивился Роберт.

— Я не сделала ничего плохого. И я спасла вашу кухню от смерти. За что же меня кидать в Лунную дверь?

Роберт наморщил лоб, раздумывая, а потом с вызовом глянул на Бриенну.

— Я хочу, чтобы ты полетала! Я лорд Долины и могу делать, что хочу! — заявил он. — Давно-предавно Аррены были королями... Я потомок королей, ясно тебе?!

Бриенне показалось, что он сейчас высунет язык, дразня её, и с трудом удержалась от улыбки.

— Тарты тоже когда-то были королями, — сообщила она ему. Её тон не изменился, она продолжала говорить всё так же спокойно и уважительно. — У нас даже была королева-рыцарь. Её звали Бриенна, отец назвал меня в её честь. Она жила тысячи лет назад, защищала слабых и помогала тем, кто попал в беду. Про неё слагали легенды и пели песни. А у вас были королевы-рыцари? — И когда Роберт нахмурился, а потом обиженно помотал головой, Бриенна пожала плечами, словно извиняясь: — Ну вот, а у нас были...

Роберт скосил глаза, рассматривая мрачную каменную стену, и вытер нос рукавом.

— Ты расскажешь мне? Расскажешь про ту королеву? А то мне уже надоело про Крылатого Рыцаря, — сказал он просяще, легко забыв о своих обидах и угрозах.

— Охотно расскажу, — сказала Бриенна.

— Ты придёшь ко мне вечером? Почитаешь мне перед сном? — Он уже хлопал от восторга в ладоши и подпрыгивал в нетерпении. — Ты поёшь мне песню?

— Обязательно, милорд. Но мы должны сначала спросить разрешения у вашей матушки.

Вечером Бриенна поднялась по лестнице, прошла по галерее в Лунную башню и постучала эфесом меча в дубовую четырёхдюймовую дверь. Роберта уже переодели ко сну, и он прыгал на кровати в длинной, до пят ночной рубашке. Увидев, кого впустил мейстер Колемон, он закричал, продолжая скакать:

— Бриенна! Быстрей! Давай! Рассказывай!

Мейстер упрашивал его, протягивая серебряную чашу:

— Вы должны выпить это, Роберт. Иначе ваша матушка будет сердиться.

— Не хочу! Не хочу! — резвился тот, прыгая ещё сильнее. Потом остановился и посмотрел на мейстера. Его взгляд стал злым и упрямым, крылья носа дрогнули, а голос сорвался на визг: — Я сказал, не хочу! Ясно тебе?!

— Что это? — спросила Бриенна.

— Это успокоительный настой, чтобы милорду лучше засыпалось, — сказал мейстер.

Бриенна протянула руку.

— Я прослежу, чтобы он выпил, — сказала она, а потом повернулась к Роберту, который уже приготовился вопить, и спросила: — А вы знаете, милорд, что Тарты и Аррены

связаны между собой очень давно?

И Роберт, и Колемон уставились на неё удивлённо, а она забрала чашу с настоем и показала мейстеру глазами на дверь, обещающе кивая ему на прощание.

— Ты выдумываешь? — спросил Роберт. Он покраснелся и всё никак не мог отдышаться. Его рубашка съехала набок, обнажив хилое плечо.

— А вот и нет, — сказала Бриенна, ставя чашу на стол и подходя к кровати. Она привела в порядок рубашку, завязав тесёмки на вороте, затем поправила сбившееся одеяло и подняла с пола подушку, одновременно продолжая говорить: — Когда Роланд Аррен начал строить Орлиное Гнездо, ему не понравился мрамор, который добывали в Долине. Поэтому он послал своих каменщиков по всему Вестеросу искать красивый камень. И они нашли его не где-нибудь, а на Тарте. И везли оттуда на кораблях...

Бриенна приглашающе откинула одеяло, и Роберт послушно нырнул внутрь. А она рассказывала ему про сира Галладона из Морна и его волшебный меч Справедливая Дева, про королеву-рыцаря Бриенну и как Эйгон I Таргариен приезжал в Закатный замок.

— А когда будет песня? — зевнул Роберт, потирая сонные глаза.

— Я знаю много песен, — успокаивающе кивнула ему Бриенна. — У нас в замке всегда жил какой-нибудь певец, и я выучила все наизусть. Но про Тартскую деву моя любимая. Слушайте. — Она чуть прикрыла веки и запела:

— Средь бушующих волн на Сапфировом острове

Жила королева — рыцарь отважный.

Лицом не блистала, но подвиги ратные,

Дела благородные её прославляли.

Не ведал доселе мир девы сильнее,

Честней и добрее, чем Тартская дева.

Защитница слабых, злодеев погибель —

Не ведал доселе мир девы прекрасней.¹

На одном из привалов по дороге в Орлиное Гнездо Бриенна спела эту песню у вечернего костра для своих спутников, и Сандор Клиган жестоко высмеял её.

— Железноствол мне в зад! — расхохотался он. — Сколько твой отец отвалил, чтоб какой-то пройдоха сочинил о тебе такое?

В первые дни путешествия Сандор был очень грубым и бесцеремонным, постоянно насмеялся над Бриенной и сквернословил, и те его язвительные слова заставили её опустить голову в смущении.

— Это не обо мне, — прошептала она, заливаясь краской. — Этой песне тысячи лет. Когда-то Тарты были королями...

Сандор ничего на это не сказал, а Бриенна больше им не пела.

В детстве, слушая, как про королеву-рыцаря поёт старая няня, Бриенна воображала себя с мечом на огромном боевом коне, в латах и шлеме — всегда с опущенным забралом, чтобы никто не мог видеть её некрасивого лица. Она рубила мечом злых разбойников, нападающих на честных странствующих торговцев, спасала девиц от поругания, а иногда даже защищала короля.

Сейчас, глядя на уснувшего Роберта, на его измождённое нервное лицо и беспокойно шарящие во сне по одеялу руки, Бриенна наконец-то отчётливо осознала, что так тяготило её

всё это время, какая мысль, малодушно прогоняемая, возвращалась к ней снова и снова, настойчиво тарабанила в голову и бредила душу — она не знала, что ей делать дальше. Она сдержала свою клятву, данную Кейтилин Старк: доставила Джейме Ланнистера в Королевскую Гавань; выполнила обещание, данное Джейме: нашла Арию и отвезла её в безопасное место. Но теперь у неё не осталось неисполненных клятв, ей больше некого было защищать, некого спасать. И от этого она чувствовала себя неудобно, словно бездомная.

Идти обратно в Королевскую Гавань Бриенна не хотела, жизнь в большом городе её не прельщала. Мысль о возвращении на Тарт вызывала в ней тоскливый ужас, ведь тогда ей точно придётся выйти замуж за какого-нибудь старого провинциального лорда. Но она даже приблизительно не представляла, чем им с Подриком заняться и куда податься, когда его рана заживёт и нужно будет покинуть Гнездо. Туманность будущего отравляла её дни и не давала спокойно спать по ночам.

Осторожно поправив Роберту одеяло, Бриенна не торопясь затушила свечи одну за одной, оставив горящим лишь факел у входа. Её взгляд упал на чашу с питьём, и она виновато вздохнула. Но потом посмотрела на мирно сопящего мальчика и успокоилась. «Он прекрасно уснул и без ваших снадобий, мейстер. А вот мне в этом деле помощь не помешает. Иначе я снова проворочаюсь всю ночь». Выпив сладковатый настой, она тихо покинула комнату и вернулась к себе.

Сон и правда сморил её почти сразу, но проснулась Бриенна не утром от живительного солнца, а глубокой ночью, корчась от мучительных спазмов в животе. Она выхватила из-под кровати металлический ночной вазон и только успела скинуть крышку, как весь ужин оказался в нём. «Не зря мне не понравилась та рыба», — брезгливо отплёвывалась Бриенна, с трудом переводя дух.

После того, как Лиза уговорила её остаться в Орлином Гнезде, она почти каждый вечер проводила в Лунной башне, читая Роберту про Висенью и Вхагар, про битву Семи звёзд и морские путешествия Корлиса Велариона, рассказывала о руинах замка Морн и как Галладон однажды убил Справедливой Девой дракона. И пела о королеве-рыцаре.

Каждый вечер мейстер Колемон приносил Роберту целебное питьё. Иногда юный лорд выпивал безропотно и тогда засыпал уже на второй истории. Но порой капризничал и отказывался, и в таких случаях Бриенна уверяла, что Роберт обязательно примет лекарство и успокоенный мейстер уходил. Далеко не сразу она заметила, что на следующее утро после настоя Роберт становился особенно раздражённым и упрямым, и в конце дня с ним приключалась трясучка. Но Бриенна отгоняла от себя страшное подозрение, слишком невероятным оно ей казалось. И не знала, с кем поделиться такими безумными догадками: Подрик ничем помочь не мог, а Лиза пугала её своей неистовой решимостью защитить сына любой ценой. Оставались ещё лорд Нестор Ройс — управляющий Лунных Врат иногда обедал вместе с хозяевами и гостями в Утреннем чертоге — и капитан домашней гвардии сир Марвин Белмор.

Несмотря на то, что Лиза велела не доверять никому из местных, после очередного, особо тяжёлого приступа Бриенна почти решила всё рассказать лорду Ройсу. Её сердце разрывалось от жалости и негодования, когда она стояла утром у постели Роберта, глядя на его тёмные, почти чёрные круги под глазами, заострившиеся скулы и подбородок, немощные руки, которыми он даже не мог удержать лежащую на коленях книгу. У него снова шла носом кровь, а ночью он обмочился, и сейчас Гретчель складывала испачканное бельё в корзину для стирки.

— У тебя новая книга, Роберт, — сказала Бриенна, присаживаясь на край кровати.

— Это дедушка Бринден привёз для меня, — сказал он и слабо улыбнулся. — Ты считаешь мне?

— Конечно, почитаю, малыш.

А поздним вечером, когда все разошлись по своим покоям, Бриенна постучалась в дверь Бриндена Талли, прибывшего в замок днём ранее.

— Сир Бринден, вы позволите быть откровенной? — спросила она, когда он впустил её.

Обветренное, покрытое морщинами лицо высокого худощавого хозяина комнаты расчертила саркастичная улыбка, густые брови недоуменно приподнялись.

— Молодая девица заявила ночью в покои к мужчине. Что может быть откровеннее, леди Бриенна? — насмешливо спросил он.

— Роберта хотят отравить.

Примечания:

¹ Переделанный отрывок из «Песни о Нибелунгах» в исполнении автора.

Глава 2. Роберт играет и учится

Бриенна в беспокойстве мерила широкими шагами свою комнату. Сомнения — правильно ли она поступила, доверившись Бриндену Талли — терзали её всю ночь, и утром никуда не делись: он не из Долины, и Роберту приходится двоюродным дедом, возможно ли предательство с его стороны?

Завтрак прошёл скованно: хозяйка больше молчала, занятая своими мыслями; Роберт остался в постели под присмотром Мадди; Арья угрюмо ковыряла яйцо всмятку, а Подрик открывал рот, только чтобы откусить кусок сдобной булочки, щедро намазанной маслом и сливовым джемом или сделать глоток отвара из лесных ягод. Отсутствие за столом мастера Колемона встревожило Бриенну, но сир Бринден пояснил, что тот тоже подле Роберта, там они вместе и поедят. Однако она не могла удержаться, чтобы не кидать на него украдкой вопросительные взгляды, в нетерпении узнать, что он предпринял после вчерашнего разговора.

По окончании трапезы уединиться им не удалось — Лиза сказала, что сегодня готова уделить дяде внимание и выслушать то, о чём он хотел поговорить в день приезда. И теперь Бриенна металась по своей спальне, страшась любого исхода. Ей было невыносимо думать, что она могла оговорить честного человека, не менее же пугало, если окажется права в своих подозрениях.

В дверь постучал Подрик.

— Мадди сказала, Роберт зовёт тебя почитать, — принёс он добрую весть.

Бриенна бросилась почти бегом.

Предложив Бриенне защищать Роберта, Лиза задела нужные струны. «Разговор будет долгим», — сказала она в тот вечер. И не обманула. Они пили вино и разговаривали. Вернее, говорила в основном Лиза.

— Я вышла замуж не по любви, — начала она. — Отец торопился сбыть меня с рук... порченный товар! Я понесла, но он заставил вытравить плод. Джон Аррен был завидной партией. Может, я смогла бы стать ему хорошей женой. Как Кэт своему Неду... или даже лучше. Но наш первый ребёнок родился мёртвым. Я себя успокаивала — такое случается. Но второй тоже был мёртвый. А затем плод даже не задерживался в моём гнилом чреве... я скидывала одного за другим. Это была расплата. Так я тогда думала. Я винила отца, ведь это он заставил меня избавиться от моего первенца. Я ругала себя, за то, что послушалась. Ненавидела сестру, потому что мужчина, которого я любила, любил её. И Джона тоже винила. Он был старый, и у него дурно пахло изо рта.

Лиза остановилась, сделала глоток и посмотрела на Бриенну. Та сидела, в замешательстве потупив взгляд от её откровенности, не прикасаясь пока к своему бокалу. А Лиза продолжала.

— Я долго винила в своём несчастье всех вокруг. А потом как-то подслушала, как шушукаются служанки. «Проклятье сбывается!» — шептались они. Я подпоила Мадди и всё выведала. Во времена битвы Семи звёзд на Ведьмином острове жила ведьма. Она прокляла андальских захватчиков и пожелала, чтобы род Арренов был выкорчеван с корнем, а семья их сгинуло без следа. Это предание в семье Джона знали все. Но не я.

— Но это было давно, — нерешительно перебила Бриенна, наконец пригубив вино. —

Если бы это было правдой, миледи, то всё бы уже случилось.

— А оно и случилось! — сказала Лиза. — Пусть и не быстро, зато неотвратимо! Из поколения в поколение. И вот наступил почти конец. Брат Джона умер, когда жена рожала ему сына. Он даже не увидел его, а позже и сын погиб. Сестра Джона таскала только девиц, единственный сын умер в три года. Её старшая дочь вышла замуж за Аррена из младшей ветви, но это им не помогло — и он, и их сын тоже умерли... До меня Джон был женат два раза, но наследника не получил. Джейн умерла в родах вместе с их дочерью, Ровена оказалась пустоцветом. И вот теперь у нас никак не мог родиться малыш. По всему выходило, что в этом не было моей вины...

Лиза поднялась, подошла к буфету и налила себе ещё.

— Но я пошла дальше, чтобы удостовериться до конца! — сказала она с вызовом. — О, как же я боялась, что у мужа есть бастард... и где-то в глубине души надеялась на это... Ведь если какая-то шлюха смогла родить Джону сына, то и я смогу. Так я думала. Но никто ни разу не слышал ни об одной любовнице моего мужа. И у него не было ни одного бастарда. Бастарды есть у всех мужчин — и у конюхов, и у королей... Даже у чистоплюя Неда Старка он был! Но не у Джона Аррена.

В голосе слышалось искреннее возмущение, и Бриенна подняла удивлённый взгляд.

— Род заканчивался на Джоне, так что проклятье почти исполнилось. — Лиза сердито нахмурилась, рассматривая свой бокал. — Я никогда не считала Арренами этих босяков из Чаечьего города и захудалых отпрысков многочисленных девиц Уэйнвуд. Они такие же Аррены, как если в бочку воды вылить этот бокал вина и сказать, что в бочке вино! — Она стукнула бокалом по столешнице, и вино расплескалось, забрызгав платье. — Последний настоящий Аррен храпел рядом со мной! — почти прорычала она, отряхнула рукава и лиф от рубиновых капель и наполнила бокал снова. Её руки подрагивали. — Я уверилась, что причина не во мне, но теперь меня преследовал страх... жуткий, безграничный страх, что глупое, поросшее плесенью проклятье сбудется... Я должна была его победить! Я обезумела в своём желании занять ребёнка... я хотела сына!

Она резко повернулась, так что подол взметнулся колоколом, а потом опёрлась ладонями о стол, нависнув над собеседницей тяжёлой грудью.

— Знаете ли вы, леди Бриенна, каково это, насиловать себя стариком снова и снова? Засовывать в себя его вялый отросток, надеясь, что в этот раз всё получится? Втайне поить настоями, чтобы отросток хотя бы иногда был не такой вялый?!

— Миледи, — Бриенна не выдержала такой прямоты, — зачем вы мне всё это рассказываете? Я же вижу, как вам больно вспоминать. Зачем вы себя мучаете?

— Я хочу, чтобы вы знали, как Роберт достался мне, — неожиданно спокойно сказала Лиза. — Все женщины любят своих детей, и ради них способны на многое. Но некоторые плодятся, как кошки. А Роберт — мой единственный ребёнок. Я вырвала его у судьбы обманом... и ради него пойду на всё. Лишь бы он жил и правил! Долиной Аррен должен править только Аррен! — Она наклонилась ниже, её глаза гневно сузились: — Вы считаете меня безумной, не так ли, леди Тарт?

— Нет, миледи. Я думаю, что вы очень несчастны... были. Но сейчас у вас есть Роберт. Вы победили проклятье.

— Нет. Оно всё ещё действует. Мой муж умер очень неожиданно. Роберт последний из настоящих Арренов. И он в опасности, я это чувствую. Защитите его, Бриенна! — Лиза неожиданно схватила её за плечи, и та вздрогнула всем телом, повинуясь полыхающему во

взгляде испугу. — Будьте рядом с Робертом! Уберегите его от злодеев!

Бриенна, заворожённая пылом, откровенностью и такой страшной всепоглощающей материнской любовью, сидела не двигаясь, почти не дыша. Она согласилась. Как можно отказать страдающей матери? Лиза задела нужные струны.

Бринден Талли смотрел на племянницу с плохо скрываемой озабоченностью. Они сидели в большой горнице — он пил янтарное вино с Летних островов, она посасывала сушёные финики. Страшные подозрения Бриенны подтвердились, и теперь вопрос, который тревожил его всю дорогу от Риверрана словно гнилой зуб, отступил на второй план перед чудовищностью того, что творилось в Орлином Гнезде, и казался уже не таким важным.

После многочасовых расспросов мастера Колемона поместили в одну из Небесных камер. Тюремщик Морд клятвенно заверил, что присмотрит за пленником, принесёт ему тёплое одеяло и еду. Роберту больше ничего не угрожало, однако сир Бринден оттягивал момент, чтобы заговорить с Лизой об отравлении, живо представляя, что затем последует. Как истинно храбрый воин, беспредельно отважный на поле боя, он холодел от ужаса перед неизбежностью женских слёз и истерики.

— Почему ты взяла на службу этого гвардейца в юбке? — рассеянно спросил он, думая совсем о другом. — Ты окружила Роберта одними женщинами, Лиза. Я не ставлю под сомнение твои решения, но наедине скажу — это не Орлиное Гнездо, а какое-то бабье логово.

Лиза усмехнулась:

— Так бабье логово, или я всё же взяла гвардейца, дядя? Ты уж определись.

— Почему ты не отдашь его воспитанником тем же Ройсам? Или леди Анье? Ему пошло бы на пользу общение с Гаррольдом. — У него не было настроения шутить.

— Или он отправился бы к Семерым вслед за своим отцом. — Лиза недобрски прищурилась, но всё ещё говорила спокойно. — Нет, дядя Бринден, Роберт останется дома. И Бриенну Тарт я взяла, в том числе потому, что она нездешняя.

— В том числе? А почему ещё?

— Она привезла Арья. После казни Эддарда девчонка бежала из города, а она нашла её и привезла сюда. Но Серсея может разыскивать Арья, как дочь предателя... Я не хочу, чтобы весть о том, что она у меня, дошла до Красного Замка раньше, чем я решу, что делать. Так что я нашла для Бриенны дело, чтобы удержать её здесь. К тому же скоро сюда приедет мой жених, лорд Бейлиш. Я хочу иметь больше времени для своего молодого мужа. А для этого нужно, чтобы кто-то присматривал за Робертом. И мне будет спокойнее, если это будет не кто-нибудь из Уэйнвудов, Белморов или Ройсов, а этот гвардеец в юбке.

— Ты веришь ей?

— Да. Я наблюдала за ней. Знаешь, кого она мне напоминает? Неда Старка. Как и он, она честна до... — Лиза задумалась, подбирая подходящее слово, — до глупости. Скорее, навредит себе, чем нарушит обещание. Она обещала мне быть верной Роберту, защитить его. И я верю ей... Так о чём ты хотел поговорить со мной?

Лицо сира Бриндена скривилось, будто вино вдруг оказалось прокисшим.

— Зачем тебе Арья? Если она так нужна Ланнистерам, отдай её им. К чему тебе лишние хлопоты? — спросил он неожиданно желчно.

— Что ты такое говоришь, дядя? — Лиза возмущённо всплеснула ладонями, чуть не опрокинув широкими рукавами вазочку с финиками. — Она дочь моей сестры! В её жилах

течёт кровь Талли! Ты же знаешь, что семья для меня...

— Срань драконья, Лиза! Прекрати! — Сир Бринден так двинул кулаком по столу, что вазочка подпрыгнула, а в комнату заглянул встревоженный стражник. Лиза цыкнула на него, и тот скрылся за дверью, а сир Бринден продолжал громыхать: — Твоему лицемерию позавидовала бы и Серсея! Ты действительно думала, что мы не прознаем о том, что ты делаешь?!

— А что я делаю? — с вызовом спросила она, вдруг ощерившись, уже прекрасно понимая, о чём сейчас пойдёт речь, и приготовилась дать отпор.

— Ты продаёшь сталь Ланнистерам, Болтонам, а теперь, наверное, и Фреям... — Он снова грохнул рукой по столу. — Когда мы с Роббом прищемили хвост Цареубийце, Шепчущий лес был усеян оружием с клеймом Долины. Как ты могла?! Ланнистеры казнили твоего зятя, выдали Сансу за Беса, преследуют Арию... Болтоны забрали у них родовой замок... Фреи убили твоих родных, Риверран в руках врагов. Твой родной дом, разрази меня Семеро! Так почему бы тебе и Арию им не отдать, а?!

— Не смей упрекать меня... — прошипела Лиза, и её рот воинственно изогнулся. Она встала так резко, что опрокинула стул. Лицо пошло красными пятнами, а голос задрожал от гнева: — Слышишь меня, сир Бринден? Не смей меня упрекать! Никто из вас не имеет и малейшего представления о том, как я жила... о том, что это такое — быть вдовой при живом муже... решать мужские проблемы, потому что муж — ну, конечно! — десница короля! Десница самого Роберта Баратеона! Жирного развратного пьяницы... Зачем великому деснице жена, которой постоянно что-то нужно? Не то что идеальной Кэт, всегда всем довольной... Зачем ему сын, который не смог схватиться за меч сразу, как вылез из утробы? То ли дело блистательный Роберт или благородный Нед! Зачем ему какая-то Долина, если он мог править всеми Семью Королевствами, пока наш славный король обжирался и ковал бастардов?! Думал ли Джон когда-нибудь, что будет с нами, когда его не станет? Считаешь, его это волновало? Думаешь, он забивал свою многоумную голову такими пустяками? — Лиза сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться, и почти прошептала: — Так что не смей меня упрекать...

Ошарашенный не столько тем, что услышал, сколько тем, с каким жаром, с какой убеждённостью в своей правоте, и в то же время горечью и обидой Лиза всё это говорила, сир Бринден медленно встал и поднял упавший стул.

— Прости, милая, — уже мягче сказал он. — Может быть, я чего-то не знаю и не понимаю. Но если ты расскажешь глупому старику...

— Не наговаривай на себя. Ты никогда не был глупым, и до старика тебе далеко. — Голос Лизы тоже потеплел. Она села и заговорила уже спокойно, по-деловому: — Что тут понимать? У нас нет золота, как в Утесе Кастерли. Но зато есть богатые железом копи. А железо много кому нужно. Наши рудокопы почти живут на рудниках, кузни работают круглосуточно. Мы добываем не золото, но мы можем продавать за золото. Оно медленно, но неумолимо перетекает из Утеса в Долину, заполняя мои хранилища. Вы можете поубивать друг друга моим оружием, чтобы посидеть на Железном троне, я и бровью не поведу. Зато скоро у меня будет самая большая и сильная армия не только в Долине, но и во всём Вестеросе, — сказала она с гордостью, а потом спросила в упор: — Зачем ты приехал, дядя? Тебе нужна армия, чтобы отбить Риверран? Я не дам тебе воинов.

— Нет, я приехал не за этим, — пожал он плечами. — Эдмар сам решил судьбу Риверрана. В конце концов, это его дом. Я просто хотел где-нибудь перевести дух. Но меня

гложет любопытство, так что удовлетвори его, будь добра. Ты отправляешь обозы с оружием и доспехами Ланнистерам, а своему брату и мне, родному дяде, отказала бы? У тебя странное понимание приверженности семье...

— Ланнистеры и Болтоны платят мне золотыми драконами. Которыми я укрепляю будущее своего сына. Я не верю в преданность наших знаменосцев. Они были верны Джону, но он не сделал ничего, чтобы заручиться их поддержкой для Роберта. Лишь за одно я ему благодарна. Он прикрыл наши рудники, на долгие годы почти прекратил добычу. И сейчас я использую недра Долины, чтобы спасти Роберта. Ты думаешь, если я сижу здесь, то ничего не знаю? Слухи и сюда долетают. За моей спиной шепчутся, говорят, что молодой Аррен слаб, что лордом Долины должен стать кто-нибудь другой... Кто-нибудь, Неведомый его заberi! Будто я не знаю, в чью сторону они смотрят... Но я им не позволю, дядя. Долиной Аррен будет править только Аррен. По имени и крови! Когда мой мальчик будет готов взять власть в свои руки, я поднесу ему Долину на золотом блюде! — Лиза сделала паузу и затем снова спросила жёстко и в упор: — У Талли есть, чем платить мне? — Задержала взгляд и кивнула: — Вот то-то и оно. Ты пришёл в Орлиное Гнездо укрыться, и я укрою тебя. И Арык Серсее я не выдам. Я не дам вам войско, чтобы отбить Риверран и Винтерфелл, но пока вы здесь, в Долине, я буду защищать вас.

Лиза снова встала и прошлась по горнице, пытаясь справиться с бушующими эмоциями. Взяв у дяди бокал, она долила вина, после чего села и положила ладонь на его руку.

— Я рада, что ты приехал. Оставайся здесь, — повторила она слова, которые недавно говорила Бриенне Тарт. — Когда-то ты был Рыцарем Ворот. Ты можешь снова стать им, если захочешь, а сиру Доннелу я предложу что-нибудь не менее достойное. Для моей армии мне нужен главнокомандующий. Ты можешь стать им. Но больше всего мне сейчас нужен рудных дел мастер. Наши оружейники делают столько оружия и доспехов, что я могу поставлять сталь не только домам Вестероса. Но мне нужен преданный человек. Да и на копиях беспокойно, горцы нападают на наши обозы и поселения рудокопов. Кто-то должен навести там порядок раз и навсегда. Ты можешь сам выбрать, что тебе больше по душе. У меня много дыр, которые требуют штопки, и я буду благодарна за любую помощь, дядя. И готова щедро платить. Когда приедет Петир, я не хочу думать ни о чём, кроме него, хочу побыть просто женщиной и женой...

Сир Бринден взглянул на племянницу с сочувствием.

— Мы обсудим это позже, — с тяжёлым вздохом медленно сказал он. — А сейчас... Кажется, Бриенна обнаружила в твоём хозяйстве ещё одну здоровенную дыру.

Лиза замерла, предчувствуя недоброе, затем подалась на стуле назад, настороженная по-особенному серьёзным тоном. Но продолжить им не дали. За дверью послышался шум и ругань, затем в горницу ввалился Морд, его лицо перекошилось от страха.

— Мил-леди... с-сир... — лепетал он, и тёмные глазёнки заискивающе перебежали от одного к другому. — Мейстер Колемон... его нет.

Следом уже заглядывал стражник, виновато оправдываясь:

— Миледи, я говорил, что вы заняты, что входить никак нельзя...

— Вон, — сказала Лиза стражнику и хмуро глянула на трясущегося тюремщика: — Где нет?

— Нигде нет, — сказал Морд. — Наверное, он упал.

— Куда упал? Откуда?! — Лиза теряла терпение.

Сир Бринден успокаивающе поднял ладонь.

— Я заходил к нему утром, он был в камере, — сказал он Морду.

— Да, с-сир, я тоже... Принёс еду, как вы приказывали. А сейчас понёс обед... и его там нет. — Пот крупным градом катился по уродливому лицу.

— Можешь идти, — сказал сир Бринден и повернулся к Лизе: — Похоже, дыра ещё больше, чем казалась вначале...

Лиза бесновалась в покоях Роберта.

— Почему вы не сказали мне сразу? — кричала она на Бриенну, потрясая кулаками.

Она голосила, кидалась на кровать и обнимала сына так, что тот начинал плакать. Потом успокаивала его, бросалась к Бриенне, обнимала и благодарила её, затем снова задавала этот вопрос, кричала на сира Бриндена. И снова целовала Роберта.

— Успокойся, Лиза, — в который раз повторял сир Бринден, с содроганием наблюдая, как перепуганная мать иступлённо тискает своего несчастного ребёнка, от чего тому становится только хуже. — Колемон повышал дозу очень медленно, чтобы никто не заметил странностей. Бриенна почуяла неладное, потому что проводит с Робертом почти весь день. Она несколько раз проверяла настой на себе, но дурно ей делалось не всегда. Он не каждый раз был отравленным. И она долго сомневалась...

На допросе мейстер клялся Семерыми, что не имел целью убить Роберта, ему было наказано лишь лишить его разума. Но в последний раз он ошибся с дозировкой и чуть не погубил мальчика. Хотя — и эти опасения сира Бриндена он подтвердил — даже после прекращения приёма отравленного питья его влияние ещё долго будет сказываться, а от каких-то последствий Роберт, возможно, не избавится никогда.

— Кто же надоумил этого негодяя? — прошептала Лиза, заламывая руки.

— Я не успел выяснить это, — с сожалением сказал сир Бринден.

Мейстер трясся от страха, всё отрицая, и сознался лишь под утро. Оставив его в покое, сир Бринден хотел дать ему время, чтобы он подумал о том, что натворил и что его ждёт. А чтобы лучше думалось, посадил в Небесную камеру.

— Я решил, что в камере он вреда уже не принесёт и никуда не денется. Что мы с тобой всё спокойно обсудим и потом пойдём к нему вместе. Мне и в голову не могло прийти, что он бросится вниз...

— Что же нам делать? Что же мне делать теперь, когда мой сын в опасности в собственном доме? — прижимая Роберта к своей необъятной груди, спросила Лиза.

— Для начала прекрати истерику. Ты пугаешь Роберта, — сказал сир Бринден твёрдо. — Помощника у Колемона нет, все остальные слуги у вас старые. Они служили Джону, когда вы ещё не были женаты. Значит, мейстер действовал один. Скорее всего, мы никогда не узнаем, кому он служил, но сейчас в замке Роберт в безопасности. Это главное. Мы просто будем тщательнее проверять всех, кто сюда поднимается. Нужно срочно послать письмо в Цитадель, чтобы они прислали нового мейстера. Роберту нужен уход, сами мы не справимся. Бриенна пусть займёт комнату в Лунной башне, поближе к покоям Роберта. И ещё... — Он сделал паузу, посмотрел на обеих женщин и продолжил чуть тише: — Никому ни слова, леди. Ни Ройсу, ни Марвину, ни Петире, никому из прислуги, включая оруженосца. Скажете им, что мейстера срочно вызвали в Цитадель. Кроме нас троих об этом не знает никто, пусть так и остаётся. Больше шансов, что злодей будет уверен, что он в безопасности и высунет нос из своей норы. С Мордом и новым мейстером я поговорю сам.

— А кто пошлёт ворона? — спросила Лиза. Сейчас, когда за долгие годы кто-то взял

решение проблем на себя, она чувствовала облегчение и некоторую растерянность.

— Я пошлю. И письмо сам напишу. Иди в постель, милая, тебе нужно отдохнуть.

Мадди помогла Роберту одеться, и Бриенна вынесла его во двор. Они сидели на скамейке, рассматривали в книжках картинки и обсуждали подвиги воинов, живших в Век Героев. Ещё когда Бриенна оговаривала с Лизой условия своей службы, то спросила, можно ли ей начать тренировать Роберта. На что та ответила, что если только сын сам изъявит желание, принуждать же его ни в коем случае не стоит. И теперь Бриенна исподволь, потихоньку пыталась вызвать у него интерес к тому, что нравилось всем мальчишкам вне зависимости, был ли это сын лорда или кузнеца — каждый день рассказывала ему о рыцарях и рыцарстве, о легендарных мечах, о турнирах, лошадях и сражениях.

— И ты осталась в седле последней? Из всех ста шестнадцати рыцарей? — с восторгом спрашивал Роберт после очередной истории.

— Да, — отвечала Бриенна и улыбалась.

— Ты сшибла одного рыцаря конём, а другому разбила шлем? И голыми руками вырвала топор у Рыцаря Цветов? — смеясь, спрашивал он.

— Ага, — смеялась она в ответ.

— И ты стала рыцарем Бриенной Синей? Почти как та королева-рыцарь?

— Не совсем, — сникала она. — Настоящим рыцарем я так и не стала...

К её сожалению, Роберт слушал внимательно, обсуждал с интересом, но сам брать в руки хотя бы тренировочный меч наотрез отказывался.

Исчезновение мастера Колемона Роберт почти не заметил, а о том дне, когда Лиза кричала на Бриенну, ничего не помнил. Слугам было велено не произносить имя лекаря, а если юный лорд спросит, пояснить, что тот уехал.

Как только Роберт достаточно окреп, Бриенна начала его тормошить, понуждая двигаться. Для этого позвала Арию и Подрика, чтобы во что-нибудь поиграть всем вместе. Они начали со старой, известной всей ребятне Вестероса игры «Поймай меня», но от беготни Роберт быстро выдохся и устал. Затем стали играть в «Съешь меня», где бегать было не нужно. Бриенна называла вслух разные блюда и напитки, по очереди кидая лёгкий тренировочный щит игрокам, а они его ловили. Но если она неожиданно называла что-нибудь несъедобное, щит отбивали ладонью или кулаком и роняли на землю.

— Я — медовая сота! — сказала Бриенна, и Роберт поймал щит.

— Я — лошадиная подкова! — Подрик вскинул ладонь, и щит упал под ноги.

— Я — крепкий эль! — Арья ловко ухватила щит одной рукой. — Не рановато ли вам, леди Старк, элем баловаться? — шутливо пожурив Бриенну девочку, и на бледном лице той мелькнуло подобие улыбки.

Весёлая игра закончилась быстро и некрасиво, когда ход перешёл к Арье и она крикнула «Я — коровья лепёшка», бросив Роберту щит, который он с готовностью словил. Арья фыркнула и победно рассмеялась, а у лорда Долины приключилась истерика. Больше они не играли.

С превеликим трудом Бриенне всё же удалось убедить Роберта посмотреть, как они с Подриком будут тренироваться. И сначала он вздрагивал каждый раз, когда мечи звенели, сшибаясь, и зажмуривал глаза, но со временем перестал пугаться и даже хлопал в ладоши, если Подрик отбивал особенно коварный удар. Однако сам так и не соглашался попробовать.

Но его упрямая охранница не сдавалась. Она попросила лорда Нестора, и кузнец из

Лунных Брат выковал для неё дюжину небольших лёгких подков и сделал тонкие десятидюймовые копыя с острыми иглами вместо плоских наконечников. И теперь они с Робертом оттачивали меткость, набрасывая подковы на вкопанный в землю штырь и кидая копыя в круглую деревянную мишень, каждые три дня отступая от цели на шаг.

Из Цитадели прибыл мейстер Леран. Он одобрял и всячески поощрял занятия на воздухе, уверяя и Лизу, и Роберта в пользе таких занятий, за что Бриенна прониклась к нему доверием и симпатией. Приступы трясучки не оставляли Роберта, пусть и случались уже не так часто.

Когда в замок наконец приехал Петир Бейлиш, да ещё и не один, а с Сансой, Роберт совсем воспрял духом. Он везде ходил хвостиком за «дядей Петиром», заглядывая ему в глаза и требуя своей порции внимания, и никак не мог понять, отчего взрослые такие встревоженные, почему матушка отправляет его в свою комнату или гонит во двор, а Санса всё время плачет. Никто не хотел с ним играть.

— Они меня больше не любят? — спрашивал он у Бриенны испуганно, и его глаза наполнялись слезами.

— Конечно, любят, — уверяла она его, открывая очередную книгу. — Просто случилась большая беда, короля Джоффри отравили прямо на собственной свадьбе. И теперь все горюют.

— Я никогда не женюсь, — прижимаясь к Бриенне, дрожал Роберт. — У меня никогда не будет свадьбы. На свадьбах всё время кого-нибудь убивают...

Лорд Бейлиш увёз из Орлиного Гнезда Арью и Сансу, пояснив хнычущему Роберту, что хочет спрятать их в безопасном месте. И тот после отъезда снова слёг, трясась от испуга, что дома ему что-то угрожает. Насилу Бриенне удалось уговорить его опять начать выходить во двор. Сама она очень скучала и по Арье, с которой за недели путешествия от Близнецов успела не только поладить, но и подружиться, и по сиру Бриндену, недавно отбывшему в Лунные горы наводить порядок на рудниках Арренов.

Нового мейстера беспокоило состояние Роберта, однако он не спешил пичкать его лекарственными снадобьями. Лишь давал на ночь успокаивающий мятный чай, а по утрам устраивал обливания прохладной водой — сначала только ступни, но со временем они добрались до колен, а потом и до пояса. Роберт капризничал, отбивался и скулил, но ласковые уговоры Бриенны и настойчивые, методичные разъяснения мейстера потихоньку делали своё дело.

Леран постоянно напоминал проводить во дворе как можно больше времени, поэтому иногда Роберт, Бриенна и Подрик даже обедали на улице, расстелив красивый ковёр на траве у озерца. «Мы словно в военном походе», — говорила Бриенна Роберту. «Ребёнок простынет», — переживала Лиза. «Милорд окрепнет», — обещал ей мейстер.

Каждый день он занимался с Робертом, удручённый его слабыми познаниями и в счёте, и в чтении, и в письме, поддерживал тягу к книгам, убеждая при этом, что читать истории самому гораздо интереснее, чем когда их тебе читает кто-то другой. И часто давал задания выучить наизусть какую-нибудь балладу.

В один из погожих дней Бриенна и Роберт сидели на скамейке у озера — он повторял дома Долины, а она проверяла, посматривая в список.

— Давай, Роберт, расскажи мне про Хантеров.

— Их замок называется Длинный Лук, на их гербе пять серебряных стрел веером на

коричневом поле. Глава дома Гилвуд Хантер.

— Молодец. А теперь про Корбреев.

— Их замок Дом Сердец, герб — на белом поле три летящих чёрных ворона с тремя красными сердцами в когтях. Глава дома Лин Корбрей.

— Лионель.

— Что?

— Лионель Корбрей глава дома. А его брат Лин наследник.

— Да какая разница? И вообще, Бриенна, я устал... ясно тебе?

— Когда же ты успел? Мы только начали... Мейстер Леран сказал, чтобы ты всё выучил назубок. Он проверит.

— Ну зачем? — заныл Роберт. — Кому это надо?

— Тебе надо. Ты ведь сюзерен всех этих лордов, как же тебе можно их не знать? Вот так встретишься на дороге с лордом, у которого на знамёнах шесть серебряных колокольчиков на пурпурном поле, и тебе придётся спрашивать: «Простите, милорд, а вы кто?» И будешь выглядеть глупо. А если всё выучишь, — Бриенна заглянула в список, — то сможешь сказать: «О, лорд Бенедар, как поживаете?»

— Ты подсмотрела! — хихикнул Роберт. — Я видел, ты подсмотрела!

— Конечно, подсмотрела, — ухмыльнулась Бриенна. — Я ведь не лорд Долины, мне можно.

— И ни на какой дороге я с ними не встречусь, — насупился Роберт. — Я не хожу по дорогам. А если сюда кто-то придёт, то стража заранее мне скажет, кто это. Не хочу учить! Хочу пойти к дяде Петиру, он обещал показать мне кинжал из валирийской стали. С рукояткой из драконьей кости!

— И дядя Петир тебя спросит: «Ну, что, мой милый Роберт, ты выучил имена всех своих знаменосцев?», а ты скажешь: «Фу, я не хочу учить!», а он скажет: «Как же ты тогда поедешь с нами в большое путешествие по Долине?»

— В какое путешествие, Бриенна? Ты меня разыгрываешь? — Глаза Роберта от изумления стали ещё больше.

— Нет, мой лорд, — сказала она с тёплой улыбкой. — Твои родители уже несколько дней обсуждают эту поездку. Они хотят провезти тебя по всей Долине до самого Чаячьего города. Твоя леди-мать решила, что тебе пора начать вылетать из Гнезда, пора увидеть свою землю и своих людей.

— Это правда? А когда? Ты не знаешь? — Голос Роберта дрожал от возбуждения. — Я хочу сам спросить у матушки... хочу спросить у дяди Петира... прямо сейчас хочу! Пожалуйста, побежали, Бриенна! Побежали спросим!

— Ну, хорошо, доучим завтра... — Она прищурилась и вдруг выпалила: — А теперь догоняй! Поймай меня!

Она сорвалась с места и побежала к замку, и Роберт, смеясь, бросился за ней, пытаясь ухватить за руку или край поддоспешника. Они пронеслись по анфиладе приёмных покоев. Затем, топая, словно пони, миновали центральную залу и толкнули тяжёлый створ Великого чертога. И замерли.

Лиза и Петир боролись около распахнутой настезь Лунной двери, вцепившись друг в друга мёртвой хваткой. Растрёпанная, в порванном платье, Лиза тягала мужа за волосы, а он, взлохмаченный, с глубокой царапиной на щеке, душил её тонким шёлковым шарфом. Роберт завизжал. Лиза отпустила Петира и толкнула его в грудь, и в тот же самый миг он отпихнул

её от себя с такой силой, что она не удержалась и упала.

— Мама!

— Миледи!

Роберт и Бриенна закричали одновременно. И одновременно кинулись к Лунной двери.

Летящее вниз тело уже виднелось лишь тёмной точкой. Лёгкий шарф, удерживаемый потоком воздуха, на несколько мгновений завис над жуткой пропастью, потом вздулся парусом и понёсся вдаль.

Глава 3. Роберт путешествует и развлекается

Лиза застонала и открыла глаза. Полумрак в комнате рассеивался канделябром с тремя свечами, выхватывая из темноты большую кровать с раздвинутым, несмотря на прохладу, пологом. У окна Бриенна рассматривала стоящую в глубокой нише чашу в виде сокола из цельного куска тёмно-синего, почти чёрного лунного камня, и непроизвольно растирала озябшие пальцы. Она никогда не видела лунный камень такого необычного цвета — в скудном свете сокол мерцал, притягивая к себе взгляд.

Услышав стон, Бриенна поспешно подошла к кровати.

— Я позову мейстера Лерана, — сказала она.

— Пить... — прошептала Лиза. — Что случилось? Где я?

— В своих покоях. — Бриенна вернулась к столу и налила из кувшина вина в бокал, разбавила водой и затем поднесла Лизе. — Вы сильно расшибли голову о каменную скамейку, когда упали. Мейстер наказал звать его сразу, как вы очнётесь.

— Петир... — выдохнула Лиза в перерыве между жадными глотками.

— Он... — Бриенна запнулась. — Сир Марвин отправил вниз стражников. Они поднимут останки, чтобы вы могли похоронить его.

Бокал упал на постель, и остатки вина пролились на одеяло. Лиза закрыла глаза и заплакала.

— Вы не виноваты, — подняв бокал, сказала Бриенна. — Не казните себя. Вы с лордом Бейлишем оттолкнули друг друга оба разом... внезапно. Я видела, вы не хотели...

Сдавленный смешок заставил её вздрогнуть.

— Ещё как хотела, — прошипела Лиза и открыла покрасневшие глаза. В них сверкала такая ненависть, что Бриенна отпрянула.

— Вы расстроены и не понимаете, что говорите, — пробормотала она. — Мейстер предупредил, что такое может случиться.

— Это он, Бриенна, — не слушая, всхлипнула Лиза. — Это ему служил мейстер Колемон. — Её губы изогнулись, задрожали, рыдания сдавленными толчками рвали горло, и казалось, будто она кашляет.

— Этого не может быть, — прошептала потрясённая Бриенна. — Лорд Бейлиш всегда так хорошо ладил с Робертом.

Лиза кивнула — Петир и раньше был внимательным к Роберту, охотно играл с ним, никогда не приходил в их дом без подарков. Только ему удавалось развеселить угрюмого и плаксивого мальчика. Только он смог утешить растерянную вдову, деля с ней горе и ложе.

— Я могла бы догадаться раньше, если бы думала головой, а не... — Лиза закрыла лицо ладонями, и несколько минут Бриенна слышала лишь горестный плач. — Но как же я была рада, что стала его женой!

Её заветная мечта почти сбылась: она получила мужчину, которого любила с самой юности, и наконец-то могла утереть нос старшей сестре, пусть той уже и не было в живых. Они с Петиром тихо жили бы рядом с Робертом, помогали ему советами, любили друг друга и рожали детей. Много детей — больше, чем у Кэт с Недом. И стали бы очень счастливыми — счастливее, чем когда-то была Кэт со своим гордецом-мужем.

— Я понесла. — Лиза положила руки на живот, и её передёрнуло.

Когда она сказала об этом Петиму, тот очень обрадовался — схватил её в объятия и

закружил по зале. И стал рассказывать, как они будут управлять Долиной вместе, пока их малыш не подрастёт. Они дадут ему её имя — Аррен, — и он станет правителем Долины, Хранителем Востока. Но Лиза на это лишь рассмеялась. Ведь Долиной Аррен мог править только настоящий Аррен — по имени и крови. Как Джон, как Роберт, как будет потом сын Роберта. «Но Роберт не в себе, — возразил ей Петир. — Ему уже не помочь».

Совета Бриндена Талли Лиза не послушалась и поделилась с мужем своей бедой и страхами. И тот поклялся, что они отыщут негодяя, подославшего к Роберту Колемона. Но в тот радостный день в Большом чертоге, когда они обсуждали будущее их общего ещё нерождённого ребёнка, пелена спала с её глаз. «Это ты, — сказала она мужу, сама не до конца веря в то, что говорит. — Это же ты привёл его к нам... в Королевской Гавани... много лет назад. Сказал, что мейстер молодой, но очень умелый и знающий».

Конечно, Петир всё отрицал. Он умел был убедительным. Говорил, что, скорее всего, это Уэйнвуды или Хардинги, ведь если Роберт умрёт, то хозяином Долины станет Гаррольд. Не зря же его называют наследником. Но разрозненные кусочки в голове Лизы возникали один за другим, неумолимо складываясь в цельную картинку. Джон заболел почти сразу после появления в их доме умелого мейстера. Который лечил своего хозяина, но тому становилось лишь хуже. И даже Великий мейстер Пицель не смог ничего сделать. А Роберта сотрясала в припадках неведомая болезнь, лишая сил и рассудка, но не жизни, ведь тогда титул лорда Долины действительно бы перешёл к его наследнику — Гаррольду Хардингу. И ещё был до смерти перепуганный мейстер. Он знал, что в замок вскоре приедет лорд Бейлиш. «Колемон боялся тебя, — сказала она Петиру. — Не Уэйнвудов, не Хардингов. Он боялся тебя. Знал, что когда ты приедешь, ему всё равно не жить!»

Быть может, если бы любовь к Петиру не застила ей разум, если бы она не была так занята делами Орлиного Гнезда, проблемами с рудниками и горцами, продажей стали, усилением армии, если бы проводила с сыном больше времени, то сама заметила бы странность в его болезни. Быть может, если бы Петир, убив Джона, не тронул Роберта, у неё в тот день не потемнело бы в глазах, и она бы не бросилась на когда-то любимого мужчину с кулаками, желая одного — скинуть его в Лунную дверь.

— Петир придумал хороший план... — скрипнула зубами Лиза, глядя на Бриенну. — Он убил моего мужа, свёл с ума моего сына и обрюхатил меня. Ему осталось совсем немного... ещё немного, и захудалый дом Бейлишей стал бы править Долиной...

— Роберт не сумасшедший, миледи, — перебила её Бриенна. — Я провожу с милордом много времени. У него слабая память, и он быстро утомляется. Его легко расстроить. Но он не сумасшедший.

— Где мой мальчик? Как он? — прошептала Лиза и обессиленно откинулась на подушки.

— Он у себя, с ним мейстер и Подрик. Милорд напуган и всё время плачет. Он очень любил лорда Бейлиша.

— Как и я, Бриенна... как и я...

Слёзы снова закапали на постель. А потом Лиза зарыдала в голос, с надрывом. Вск свою жизнь она любила только одного мужчину, мечтала лишь о нём. И теперь оплакивала эту любовь, свои мечты, долгожданную, но такую кратковременную победу над старшей сестрой, и надежды обрести собственное женское счастье. Она последний раз судорожно всхлипнула, затем глубоко вдохнула, пытаясь выровнять сбитое дыхание, и как только у неё это получилось, взглянула на Бриенну.

— Подите, позовите мастера Лерана, — твёрдо приказала она, — пусть он приготовит мне лунный чай. Я вырву поганое семя... я уничтожу род этого предателя... я не допущу, чтобы его потомки топтали землю законного лорда Долины.

Приготовления к большому путешествию Роберта шли полным ходом. Лиза, озабоченная слухами о недовольстве знаменосцев тем, что над ними будет стоять якобы слабоумный лорд, была одержима идеей провезти сына по Долине, останавливаясь в замках наиболее могущественных домов, чтобы продемонстрировать несостоятельность таких опасений и заручиться поддержкой. Мастер Леран уверил её, что если Роберта не поддразнивать понапрасну, не вызывать нарочно его недовольство, то он произведёт вполне приятное впечатление, и у лордов и сиров не будет оснований сомневаться в его рассудке.

Больше мастера беспокоило состояние самой Лизы. После смерти мужа и насильно прерванной беременности она застыла, смотрела на всех потухшими, словно невидящими глазами. Раньше Лиза нечасто смеялась, всё больше злилась и кричала, но второе замужество повлияло на неё благотворно, изменив до неузнаваемости — Петтиру удавалось её развлечь, и порой она веселилась и хохотала, как девчонка. Сейчас же хозяйка Орлиного Гнезда не только вновь перестала улыбаться, но и начала разговаривать ровным, каким-то неживым голосом, что приводило слуг и стражу в гораздо больший трепет, чем раньше крики и ругань, и от чего они кидались исполнять её распоряжения со всех ног. Мастер настаивал, чтобы Лиза больше отдыхала, но она говорила ему: «Давайте каждый будет заниматься своим делом?» И он не решался перечить.

Орлиное Гнездо напоминало разворошённое дупло диких пчёл, такой бурной деятельности здесь не помнили даже самые старые слуги. Но беготня казалась беспорядочной лишь непосвящённым — Лиза отдавала приказы, не отклоняясь от заранее составленного плана, чётко и понятно, не терпящим возражений тоном и, что пугало более всего, не повышая голос.

Посыльные прибывали и убывали каждый день, замок наводнили самые искусные мастеровые Долины, подъёмный ворот работал без передышки, доставляя наверх людей и разнообразные товары: невероятное количество рулонов бархата и шёлка, тонкого полотна и камвольной шерсти, мирийских кружев и мягкой кожи. Роберту, Лизе и ближайшей свите полностью обновляли гардероб — портнихи шили одежду, обувщики тачали сапоги, крепкие башмаки и туфли. Для всех сопровождающих кортеж ювелир делал серебряные броши-заколки в виде распахнувшего крылья сокола — для знати со вставками-глазами из голубого лунного камня, для прислуги без них.

Из погребов и амбаров доставали запасы, и на кухне Мела командовала дюжиной расторопных служанок и крепких парней, которые складывали и ссыпали всё это в мешки и короба, вязали в тюки, наливали в бочонки и бутылки. Гретчель следила, как упаковывали посуду, бельё, одежду. Среди всего этого скарба сновал мальчик-слуга и привязывал к тюкам кожаные лоскуты, а распорядитель кортежа сир Джаспер Редфорт нумеровал поклажу, составлял перечень содержимого, после чего всё спускали вниз, к Лунным Вратам.

Новый управляющий Лунных Врат Албар Ройс отвечал за подготовку обоза и лично отслеживал, как кареты для мастера и Лизы с Робертом обивали изнутри плотным серо-голубым атласом, к телегам привязывали овец и коров, а наверх составляли большие клетки со свиньями и поменьше с курами, утками и индюками. На повозки грузили бочонки с мёдом и бочки с вином, мешки с чечевицей и сушёными фруктами, сундуки с нарядами,

шкатулки с драгоценностями, шатры, постели, походную мебель и даже большую купальную лохань из склёпанных стальных пластин. На крышу мастерской кареты составляли клетки с почтовыми воронами.

Сир Марвин Белмор, на время путешествия лорда назначенный кастеляном Орлиного Гнезда, с рвением принялся исполнять свои новые обязанности, не дожидаясь отъезда хозяев, при этом продолжая нести и прежнюю службу. Он увеличил число стражников не только внутри дома, но и расставил их во дворе, порой самолично участвовал в обходе, заглядывая во все помещения от подвалов и кухни до Небесных камер и будуаров Девичьей башни. Его же Лиза сделала и Хранителем Лунной двери, которую закрыли и опечатали до возвращения лорда в Гнездо или его специального письменного распоряжения.

Охрану Роберта усилили, поставив у входа в Лунную башню и у двери в личные покои по четыре стражника. Спальня Бриенны теперь примыкала к комнатам Роберта, из которых он выходил только в сопровождении неё или Подрика, а Мадди с некоторых пор лишь прибиралась у него и перестилала постель.

Капитана дорожной гвардии сира Мортон Уэйнвуда Лиза обязала обеспечить безопасность кортежа в течение всей поездки и продемонстрировать недоброжелателям мощь армии лорда Орлиного Гнезда — она не собиралась пренебрегать таким веским козырем в самом серьёзном деле своей жизни. Для охраны выезда сир Мортон не взял ни одного пришлого наёмника. Все тщательно отобранные им рыцари и для эскорта кареты Лизы и Роберта, и для курьерской службы и дозора были исключительно жителями Долины.

От рудных дел мастера Бриндена Талли приходили хорошие вести — вокруг железных копей близ Ледяного Ручья выставили большой гарнизон, сопровождающую обозы охрану устроили, на дорогах организовали патрулирование, благодаря чему нападения дикарей из Лунных гор на том направлении практически прекратились. От пристани Чаячьего города в Браавос отошла первая галера, гружёная мечами и доспехами с клеймом Долины. Оплата за товар ждала Лизу и Роберта в хранилище замка лорда Герольда Графтона, которому они планировали нанести визит вежливости. Сам мастер с войском направился далее на север, обещая вернуться в город к моменту прибытия кортежа.

Ни одного дела Лиза не решала, не посоветовавшись с командующим кортежем лордом Нестором Ройсом. Они скрупулёзно перебирали кандидатуры на все ключевые посты, стараясь не обойти вниманием ни один из «больших» домов, чтобы ненароком не обидеть, выбирая распорядителя кортежа и капитана дорожной гвардии, старшего конюшего, пажей, чашника и мастера над оружием, обсуждали, кого будет лучше оставить управляющим в замке, продумывали малейшие детали маршрута — дневные привалы, ночёвки и длительные остановки в замках по пути. После этого лорд Нестор списывался с теми, кому выпала удача принимать у себя своего сюзерена, и уже вместе они планировали рыцарские турниры и театральные представления, охоту и пиры.

Важнейшее, итоговое событие, ради которого, собственно, Лиза и затеяла это путешествие — повторная присяга всех знаменосцев дому Арренов, теперь уже непосредственно лорду Роберту — должно было состояться в Рунном Камне, родовом замке Ройсов, и завершиться самым большим турниром и грандиозным пиршеством. Бронзовый Джон, польщённый оказанной честью, написал Роберту собственноручное письмо с благодарностями и уверениями в своей непоколебимой преданности.

Но самые большие и отчаянные надежды Лиза возлагала на мастера Лерана, наказав искать любые способы, чтобы устранить влияние отравляющих зелий, которыми Роберта

пичкали долгое время. Для этого она разрешила трагить сколько угодно золотых драконов, приглашать в замок других лекарей, жрецов, знающих магию знахарей, заказывать по своему усмотрению любые снадобья.

Мейстер Леран не спал ночами, он очень хотел помочь Роберту. И ещё для него стало делом чести решить эту сложную задачку, которую задал Колемон. Подробные описания приступов Роберта и предшествующих им симптомов, перечень хранящихся в комнате бывшего мейстера лекарств, а также собственные соображения по исцелению он отправил в Цитадель с вороном, а толстую тетрадь Колемона, исписанную убористым почерком — со специальным посыльным. Учёные мужи Староместа безмерно сокрушались и негодовали на своего собрата-душегуба, дотошно изучали его личные записи, собирали многочасовые консилиумы, сверялись в библиотеке со старыми свитками, а потом передавали мейстеру Лерану разные порошки и эликсиры с подробными инструкциями, полностью одобряя все самостоятельно предпринятые им ранее действия.

Каждый в Орлином Гнезде — от таскающего из озера воду поварёнка до мейстера и командира кортежа — выполнял свою часть поставленных Лизой задач, и делал это на совесть.

Выезд лорда Долины растянулся на добрую треть лиги. По бокам кортеж сопровождали вооружённые пешие воины, а в голове и хвосте шествовали конные. Повозки с хозяйским багажом двигались в авангарде, чтобы к моменту, как карета Роберта и Лизы достигала места привала, шатры уже ожидали их наготове.

Возглавлял процессию лорд Нестор Ройс — в серебристой кольчуге, длинном голубом плаще, подбитом белым мехом ласки, и покрытом пурпурной эмалью и рунами фамильном горжете. Тяжелый стальной воротник хорошо защищал горло в бою, но в этой поездке никак не облегчал участи массивного, с окладистой седой бородой лорда Нестора — гордо восседая на гнедом жеребце, он сильно потел и постоянно промокал огромным платком наметившуюся плешь. Но время от времени подъезжал справиться, всё ли хорошо у милорда и его леди-матери.

Путешествовал Роберт неспешно — с дневными привалами и длительными остановками в замках знаменосцев. Бриенне никак не удавалось уговорить его ехать не с матерью в закрытой карете, а верхом на собственном коне, присланном в дар леди Аньей Уэйнвуд специально для этого путешествия. Роберт пугался светло-серого резвого жеребца до нервной дрожи и отказывался даже подойти к нему, и того привязали к карете мейстера. Леран никогда не забывал на стоянках захватить с обеденного стола для своего четвероногого попутчика то сладкую морковь, то кусочек сахара. И был согласен с Бриенной, что путешествовать верхом гораздо интереснее. Если бы не его лекарские обязанности, он бы так и сделал. А пока довольствовался тем, что смотрел в окно.

Солнечные блики, отражаясь от разодетых в шёлк лордов, перескакивали со стальных доспехов рыцарей на серо-голубые атласные попоны лошадей. Трескуче трепетали на тёплом ветру небесно-синие знамёна с луной и соколом. Ржали кони. Важные от осознания собственной значимости пажи и грумы переругивались, споря за право ехать поближе к карете Роберта.

Вдоль дороги мелькали кусты шиповника и дикой смородины, серебрилась полынь, кружевные листья папоротника сменяли розовые ёжики чертополоха. На изумрудных лугах, сочно поблёскивающих в лучах полуденного солнца, паслись тучные коровы, быстроногие

кони и тонкорунные овцы. Пастухи, завидя издали пышную процессию, замирали на месте и удивлённо разевали рты. Крестьяне на полях разгибали натруженные спины, а их жёны и дети выбегали из домов, приветственно махали руками, потрясённые невиданным ранее чудом.

Иногда к карете мастера подъезжала Бриенна, чтобы перекинуться парой фраз, если созерцание зеленеющих полей и лугов ей приедалось, а Миранда — жизнерадостная и словоохотливая дочь лорда Нестора — была занята тем, что снова кокетничала с Джаспером Редфортом или хохотала со стражниками. Несмотря на полноватую фигуру и маленький рост, леди Ройс превосходно держалась в седле, порой пуская своего коня вскачь, отчего её огромный бюст колыхался, а пышные каштановые кудри задорно подпрыгивали.

На дневном привале по дороге к Железной Дубраве Бриенна снова принялась увещевать Роберта.

— Жаль, милорд, что многие простые жители Долины не увидят своего лорда, — сказала она. — Вольный Ветер чересчур ретивый, но это потому, что он молодой. Подрик мог бы вести его, придерживая под уздцы, — предложила она и глянула укоризненно: — В таком наряде не годится сидеть взаперти...

Роберт в голубом камзоле с пышными рукавами и бриджах, подпоясанный белым шёлковым кушаком, с перекинутым через плечо дымчато-голубым плащом, в свои тринадцать выглядел очень представительно, хотя по росту и силе всё ещё изрядно уступал сверстникам. Стянув с рук шёлковые перчатки, он отстегнул с плеча заколку в виде сокола и скинул плащ на руки подоспевшего Подрика.

— Это не Вольный Ветер, а какой-то бешеный ураган, — раздражённо ответил Роберт. — Он лягнул грума и чуть не убил его. Мастер теперь лечит его в своей карете. Леди Аня, верно, хочет моей смерти. Я не сяду на этого дикого зверя, ясно тебе?! Я поеду с матушкой! Лучше дай мне свой меч, я хочу ещё раз подержать его, — сказал Роберт, требовательно протягивая руку.

Бриенна аккуратно вытащила из ножен Верный Клятве и подала эфесом вперёд:

— Осторожно.

— Мастер Леран, а вы видели меч Бриенны? — спросил Роберт горделиво, словно тот принадлежал ему. Затем ухватил его остриём вниз и сделал неловкий мах в сторону, но не удержал и выронил.

Стоявший рядом мастер проворно наклонился и поднял меч, а заметив страдальческую гримасу владелицы, бережно провёл рукавом по запорошённой пылью густо-красной стали, пытливо рассматривая. Верный Клятве был великолепен, отсвечивая чернью и пурпуром: волны крови и тьмы на клинке выделялись чётко, не смешиваясь, переплетаясь в причудливую багряно-ночную вязь, а навершие и гарда в виде львиных голов сверкали золотом и рубинами.

Увидев, как уверенно и ловко мастер сжимает обтянутую тонкой красной кожей рукоять, оценивает заточку лезвия, проверяет равновесие, Бриенна расслабилась, поняв, что её сокровище находится в надёжных руках. Но продолжала с удивлением наблюдать, как грубые мужские пальцы ласково проходят по всем трём глубоким желобам клинка.

— Он безупречен, — вынес свой вердикт мастер и одобрительно кивнул. Потом взял меч обратным хватом, как до этого Роберт, и сказал ему: — Старайтесь без особой нужды не брать его вот так, милорд. Чтобы нанести удар, вам придётся подойти к противнику слишком близко, а это опасно.

— Я вообще никак не собираюсь его брать! И тем более куда-то ходить с ним! — сердито воскликнул Роберт. — Для этого у меня есть стража, ясно вам?! Я хотел просто ещё раз его посмотреть! Он очень красивый. Ну почему все вокруг твердят, чтобы я непременно научился им махать?! Надоело уже! Неужели нельзя прожить жизнь без этого?

— Но это же скучно! — искренне удивилась Бриенна.

— И ничего не скучно! Дядя Петир ни с кем не сражался, и с ним всегда было весело... Думаешь, ему было скучно? Чем он занимался, по-твоему?

— Управлял борделями! — с презрением выплюнула Бриенна прежде, чем успела подумать и прикусить язык. И с трудом удержалась, чтобы не продолжить: «И травил маленьких мальчиков».

— Что такое бордели? — спросил Роберт с живым любопытством. И так как никто не торопился ему отвечать, нетерпеливо повторил: — Я спрашиваю, что такое бордели?!

— Это увеселительные заведения для мужчин, — осторожно сказал мейстер.

— Где их можно посмотреть?

— Если хорошие и чистые, то только в больших городах.

— В Чаячьем городе такие есть?

— Думаю, да.

— Я хочу в бордель! Хочу, чтобы было весело! Если мне понравится, я тоже буду управлять борделями! — с воодушевлением сказал Роберт. — И в пекло ваши мечи!

— Откуда такие нехорошие слова, милорд? — негодуя воскликнула Бриенна.

— Сир Марвин так говорит. — Роберт сначала смутился, но потом упрямо выпятил подбородок, а взгляд снова стал дерзким.

— Это ругательные слова, они совсем не для юного лорда! — сказала Бриенна и добавила с возмущением: — И никаких борделей!

— Это ещё почему? — насупился Роберт. — Если дядя Петир мог ими управлять, то и я смогу!

— Не стоит повторять всё, что делал лорд Бейлиш, милорд, — с неожиданной суровостью произнёс мейстер.

— Считаете, с него нельзя брать пример? — Роберт уже разозлился не на шутку, уголок его губ опасно задёргался. — Да кто вы такой, чтобы указывать мне?!

— Каждая птица своим пером гордится, — снова наставительно-жёстко сказал мейстер. Он и не подумал идти на попятную. — Может, лорду Бейлишу и было, чем гордиться, но соколу не к лицу подражать пересмешнику!

Бриенна с признательностью внимала мейстеру Лерану, но Роберт лишь разгневанно фыркнул и, ни слова не говоря, развернулся и убежал в шатёр к матери.

Ещё до трагического падения Бейлиша и его разоблачения у Бриенны сложилось не слишком лестное мнение о нём. Несмотря на то, что он первый проявил к ней беспричинную неприязнь — к такому отношению со стороны мужчин Бриенна за свою жизнь уже привыкла, — она могла вполне спокойно существовать рядом, благо встречались они лишь в Утреннем чертоге за столом. В тех же редких случаях, когда ей не везло столкнуться с ним в коридорах замка или во дворе, и он не упускал возможности продемонстрировать своё недовольство её присутствием в Гнезде, она предпочитала отмалчиваться, чтобы не подливать масла в огонь, и ни разу никому не пожаловалась на его нападки.

Неоднократно Бриенна видела, как по-доброму Бейлиш общался со своим пасынком, с каким восторгом тот ему внимал, и только за одно это прощала несправедливое к себе отношение. Всего один раз она не стерпела и высказала ему всё, что думает, когда стала невольным свидетелем его поцелуя с Сансой. Наблюдая издали за их беседой во дворе, Бриенна ждала удобного момента, чтобы подойти и поприветствовать девушку. И не смогла сдержать негодования, когда Бейлиш вдруг притянул ту к себе. Потому что это было не целомудренное прикосновение губ, которым порой мужчины одаривают своих родственниц, а долгий и чувственный поцелуй любовника. И смятение и испуг Сансы не шли ни в какое сравнение с потрясением Бриенны.

— Это подло! — сказала она ему со свойственной ей прямоотой, как только перепуганная Санса вырвалась из бесчестных объятий и убежала. — То, что вы сделали, подло и мерзко!

— А подглядывать разве хорошо, миледи? Как и завидовать. Или сир? — с издёвкой спросил Бейлиш. Его глаза зло сощурились, и он с презрением добавил: — Вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на мужчину?

— Не раз, — сказала Бриенна. Её тошнило от отвращения. — А вам?

Из-за каменной колонны с другой стороны двора послышался ехидный смех, они обернулись на шум и увидели удирающую прочь Арья.

Об этом безобразном случае Бриенна не осмелилась рассказать Лизе, но та, скорее всего, о чём-то прознала, потому что буквально в течение трёх дней вещи сестёр Старк упаковали и спустили вниз, и Бейлиш увёз обеих в «безопасное место». Роберту Бриенна тоже не стала говорить о недостойном поведении «дяди Петира». И позже промолчала, когда выяснилось, что ушлый дядя всех обманул и доставил Сансу в Винтерфелл, где её выдали замуж за бастарда Русе Болтона, Арья же по дороге сбежала.

Себя Бриенна считала виновной не меньше Лизы в том, что вовремя не развеяла фантазии Роберта о безупречности лорда Бейлиша. В день, когда мальчик спросил у матери, зачем она столкнула дядю Петира в Лунную дверь, Бриенна предвкушала, что он наконец-то узнает всё о своём кумире. Однако Лиза тоже предпочла скрыть самую страшную часть правды.

— Петир очень любил меня, — сказала она сыну. — Так сильно, что не мог смириться с тем, что я люблю кого-нибудь ещё, кроме него. Он ревновал даже к тебе, мой милый. Я очень боялась, что он может тебе навредить. И пыталась защитить тебя.

— А разве нельзя любить двоих? — спросил Роберт растерянно.

— Конечно, можно. Но он хотел быть единственным... И сказал мне выбрать. Я выбрала тебя. Потому что единственный мужчина, которого я буду любить всю свою жизнь, это ты, сын мой...

Петир Бейлиш совершенно не годился, как пример для подражания, но даже после смерти его влияние на Роберта оказалось невероятно сильным. И сегодня Бриенна получила очередное тому подтверждение. Она никогда не усердствовала в срывании покровов с коварного дяди: попытки донести до Роберта неприглядную правду могли обернуться ссорами и подозрениями — своенравный и избалованный, он мог просто ей не поверить. А если бы поверил, то как бы воспринял, что любимый им человек повинен в смерти его отца и покушался на него самого? Не приключилось бы у слабого духом Роберта необратимого помутнения рассудка? Поэтому Бриенна не спешила с разоблачениями. Однако, получив в лице мастера Лерана неожиданную поддержку, немного приободрилась.

— Вы знакомы с военным делом? — спросила она его, когда раздосадованный Роберт скрылся за пологом шатра.

Взгляд умных прозрачно-голубых глаз мастера стал холодным, а морщинистое лицо с крупным пористым носом и глубокой складкой между ярко-рыжими бровями ещё более посуровело.

— Слишком близко, — сдержанно кивнул он. Но потом посмотрел на дружелюбно взирающую на него Бриенну и, возвращая ей Верный Клятве, произнёс чуть мягче: — Бой в Каменной Септе стал для меня последним, миледи. Когда парящие грифоны проиграли Колокольную битву, и Эйрис II отправил Старого Грифа в изгнание, лишил наш дом всех титулов и земель, я не придумал ничего лучше, как направить своего коня в Старомест.

— Вы из Коннингтонов?! — удивлённо воскликнула Бриенна. И добавила с неподдельным уважением, повторив его поговорку: — Уж этим пернатым точно есть, чем гордиться!

— Истинно так, леди Бриенна... но ко мне это уже не имеет никакого отношения. Я всего лишь скромный мастер, который давно понял, что облегчать страдания людей доставляет ему гораздо больше удовольствия, чем когда-то причинять им боль.

— Пусть! Но вы же поможете мне тренировать Роберта? Убедите его, что владеть оружием для мужчины это очень важно? — с надеждой спросила Бриенна. Она содрогалась от мысли, что Роберт всерьёз говорил об управлении борделями.

Мейстер с сожалением покачал головой.

— Сказал бы мне кто в тринадцать лет, что я должен стать лекарем, послал бы глупца искать восьмое пекло. Здесь уговоры не помогут, наш с вами опыт значения не имеет. Он должен сам захотеть. Не тревожьтесь. Всему своё время, миледи, всему своё время...

Глава 4. Роберт шалит и восторгается

Мейстер Леран шёл по Чаячьему городу неспешно, с достоинством, в соответствии со своим высоким статусом, и с удивлением смотрел вокруг. За почти три десятилетия, что минули с тех пор, как извилистый путь наёмного рыцаря приводил его сюда последний раз, город сильно изменился и похорошел. Да и разросся так, что уже с трудом помещался внутри крепостных стен.

Каменные дома в три, а порой и в четыре этажа выглядели добротно, сверкая на солнце разноцветными стёклами окон и веранд. Неширокие улицы и центральная аллея посреди городского парка, где прогуливались зажиточные горожане, были вымощены тёсаным камнем. Как и все семь дорожек, разбегающиеся лучами от главной септы. Таверны гостеприимно распахнутыми дверями зазывали голодных и жаждущих, у порога стояли расторопные мальчишки-слуги, готовые помочь уставшему путнику спешиться и привязать коня. По главной дороге катили кареты, громыхали телеги спешащих на рынок торговцев и повозки бродячих лицедеёв. Рабочие-каменщики шагали к месту сбора, подгоняемые мастером.

Жизнь с раннего утра бурлила в самом большом городе Долины, и мейстер, пробираясь сквозь людскую толпу, с любопытством оглядывался по сторонам. Он искал бордель.

Леди Лиза доверила ему свои страхи, поделилась, как беспокоится за судьбу сына, за его будущее. И попросила умудрённого опытом мейстера приглядывать за вырвавшимся на свободу юным лордом, чтобы давать тому вовремя хорошие советы и подсказывать правильные решения. В прежние времена он не стал бы деликатничать и тратить на разговор с мальчишкой много слов. Подъём с первыми лучами солнца, меч в руки и хороший пинок под тощий зад — вот и всё обучение, что Леран считал тогда достаточным. Но те методы ушли в прошлое вместе с густой огненно-рыжей шевелюрой и стальными мускулами. Сегодняшний мейстер был совершенно иным человеком — мягким, незлобивым,

снисходительным к чужим желаниям и терпимым к чужим порокам.

В начале путешествия он лишь наблюдал с мудрым благодушием за резвящимся юношей. Однако, разделяя тревоги леди Лизы, не спускал с него глаз, готовый в любую минуту вмешаться и разобраться с очередным конфузом. Положение обязывало его ехать в карете, но так как Роберт тоже путешествовал в карете, под присмотром матери, сами переезды не беспокоили мастера. А вот когда кортеж останавливался в замках, тут нужно было успевать пошевеливаться.

Первая серьёзная неприятность случилась сразу же по приезде в Железную Дубраву, когда на любезный вопрос леди Аньи, хозяйки тех мест, понравился ли милорду её конь, Роберт грубо кинул: «В пекло вашего коня, он бешеный». Миледи поджала губы и обиженно скуксилась. Позже мастер слышал, как она жаловалась одной из своих дочерей на несдержанность и совершенную невоспитанность молодого лорда.

Они гостили в Дубраве месяц, и каждый день Роберт выкидывал какую-нибудь шалость, что заставляло хозяйку замка неодобрительно поджимать губы снова и снова — он проказничал на кухне, высыпав в квашню два фунта соли, пробрался в подвал и побил бутылки с маслом и мёдом, в птичнике курам насыпал в кормушки битого стекла, а в повара кидал сырыми яйцами, крича при этом: «Камнемёты, к бою!»

— Это его новый оруженосец подбивает на озорство, — сказала Бриенна, когда мастер поделился с ней своими тревогами.

Джайлс Графтон, младший сын лорда Чаячьего города, поступил на службу к Роберту совсем недавно, и уже завоевал его привязанность. Они проводили вместе почти всё время, а в замке стали совсем неразлучны. Но мастер со скепсисом отнёсся к обвинениям Бриенны.

— Вы как любая добрая мать, — мягко пожурил он её. — У них всегда виноваты все вокруг, кроме их ненаглядного дитяти.

Но терпение мастера кончилось, когда на турнире оруженосцев эти непоседы подождгли знамя Уэйнвудов.

— Милорд, — строго сказал он, придя к Роберту в комнату перед сном, — ваша матушка обеспокоена вашим поведением.

— Зато мне весело, — отмахнулся Роберт. — Джайлс всё время что-нибудь придумывает и не даёт мне скучать. Я и не знал, что бывает так весело!

— Вы лорд Долины, и вам подобает вести себя так, чтобы быть примером для остальных лордов и сиров.

— В пекло! — сказал Роберт полубившееся ругательство.

— Нет, не в пекло, — сказал мастер так сурово, что Роберт удивлённо приоткрыл рот. — Есть люди, которые недовольны тем, что вы лорд Долины. И они радуются вашим некрасивым выходкам. Они могут сделать так, что лордом станет кто-нибудь другой.

— Вы лжёте, — неуверенно сказал Роберт. — Так не бывает. Я лорд Долины, и всегда им буду.

— Они могут это изменить. Вы ведь помните мастера Колемона? Он был дурным человеком. Он поил вас настояями, от которых вы болели. Злые люди хотели, чтобы вы всё время болели, и тогда они написали бы королю, что лорд Долины не может править Долиной, потому что болен, и нужен другой.

— А разве так можно? — Роберт уже был напуган не на шутку. — У меня есть армия. Матушка говорила, у меня самая большая и сильная армия...

— Если такое письмо подпишут все ваши знаменосцы, то король своим указом может

сделать другого человека их лордом. А вы станете простым знаменосцем. Вы ведь не поведёте против своего короля армию? — Роберт растерянно молчал, и мейстер продолжил нравоучения: — Ваша матушка устроила это путешествие, чтобы показать им всем, что вы воспитанный и достойный молодой человек, что им нечего опасаться, потому что вы полностью здоровы. Вы должны вести себя как настоящий лорд, чтобы никто не мог сказать, что Роберт Аррен не в себе. Вам нужно показать всем, что вы готовы править.

— Что же мне делать? — по детской привычке Роберт сначала шмыгнул носом, а потом вытер его рукавом.

— Будьте учтивы с лордами, галантны с леди. Вы можете не участвовать в турнирах, но присутствовать там — почётная обязанность лорда Долины. И лучше хотя бы раз съездить на охоту.

— Иначе меня выгонят из лордов?

— Хм... могут. — Мейстер очень старался сохранить серьёзность.

Роберт надолго задумался. Мейстер терпеливо ждал, наблюдая за внутренней борьбой своего подопечного, чьи губы то в гневе кривились, то поджимались от неуверенности и страха.

— А... а бордели? Лордам Долины можно ходить в бордели? — наконец спросил Роберт.

— Да, милорд. — Мейстер облегчённо выдохнул, буря прошла мимо. — Добропорядочные леди порицают посещение борделей, поэтому, наверное, не стоит об этом говорить вашей матушке. Она может быть против. Но если вы не будете её расстраивать всякими безобразиями, то когда кортеж прибудет в Чаячий город, вас будет ждать награда — вы посетите лучший бордель города.

— Это правда? — с восторгом переспросил Роберт.

— Я уже интересовался, и сир Мортон рекомендовал мне лучшее заведение. Называется «Одинокая чайка». Я схожу и всё разузнаю. Если это достойное место, то вас сопроводит туда Подрик, а сир Мортон со своими гвардейцами будет охранять. Вы согласны?

— О да! — радостно воскликнул Роберт. — А вы гораздо лучше мейстера Колемона. Он был скучный и никогда не улыбался... И вы говорите, он делал меня больным? Надо было скинуть его в Лунную дверь.

— Вы же знаете, он уехал в Старомест. Но если хотите, я напишу в Цитадель. И его накажут.

— Да, очень хочу! Напишите сегодня же!

— Хорошо. А вы за это принесёте леди Анье извинения. Никуда не годится, что вы назвали её сморщенной брюквой. И не забудьте поблагодарить за подарок, за того чудесного коня. Скажите, что непременно будете на нём ездить.

— Это обязательно? — скривился Роберт.

— Да, милорд. А я тем временем напишу, чтобы мейстера Колемона как следует выпороли...

Идея побывать в борделе завладела Робертом до такой степени, что он приказал сократить время пребывания и в Железной Дубраве, где в честь его приезда Уэйнвуды устроили турнир оруженосцев, и всё же отказался от охоты в родовом имении Темплтонов, чем очень расстроил Рыцаря Девяти Звёзд. И в первое же утро по прибытии в замок Графтонов напомнил мейстеру Лерану о его обещании.

Услышав их разговор, Бриенна неприятно удивилась.

— Не ожидала от вас такого легкомыслия, мейстер, — сказала она ему с упрёком, когда обрадованный Роберт убежал.

Тот постарался оправдаться.

— Мальчик слишком долго был взаперти, и сейчас открывает для себя много нового. Он чересчур резвый, прям как Вольный Ветер, — сказал мейстер. — Помните, чем тогда кончилось дело? Конь лягнул груга. Но если бы у него был достойный всадник, с которым он мог вдоволь скакать, такого бы не произошло. Поэтому природную живость нашего лорда лучше направить в иное русло, пока не случилось беды. Надо, чтобы весь задор, который у него идёт на опасные шалости, тратился где-нибудь в другом месте...

— В борделе?! — гневно спросила Бриенна.

— Лучше, конечно, на тренировочной арене, на охоте, на турнирах... но да, и в борделе тоже можно. — Мейстер примирительно улыбнулся: — Поверьте, Бриенна, даже среди добрых мужей не будет осуждения такому развлечению... Это лучше, чем безобразничать на кухне, травить скотину и подкидывать благородным леди в постель змей и лягушек. И думаю, мы должны поспешить ещё по одной причине. Стоит побыстрее познакомить Роберта с женщинами, чтобы развратные смазливые оруженосцы нас не опередили и не утянули его на мерзкую стезю мужеложства...

Всё внутри Бриенны протестовало, но мейстер был прав, и она сдалась.

Бордель «Одинокая чайка» находился в самом конце городского рынка. Большой двухэтажный каменный дом прилепился торцом к крепостной стене, с остальных трёх сторон поглядывая на проходящих цветными окнами. Над дверью на толстых цепях покачивалась огромная вывеска — белая чайка на фоне чёрно-синих волн. Внутри в полумраке курились благовония, полураздетые девушки лежали на диванах и оттоманках и, опираясь на шёлковые подушки, обмахивались большими веерами из разноцветных перьев.

Встретили мейстера радушно.

— Мне бы хозяйку, — с порога объявил он о цели своего визита.

— Леди Кассандра не обслуживает клиентов, — томно проговорила темнокожая прелестница, поглаживая мейстера по груди одной рукой, а другой игриво перебирая его цепь. — Меня зовут Суоми. И вот я...

— Мне нужно с ней поговорить по неотложному делу, — учтиво сказал мейстер, почтительно похлопав девушку по руке. Та отдернула ладонь, засмеялась и убежала выполнять его просьбу.

В кабинете хозяйки — полной невысокой дорнийки со следами былой красоты на лице — мейстер Леран подробно рассказал о цели своего визита.

— Поэтому сегодня вечером лорд Роберт Аррен желает посетить вас и познакомиться с вашими девушками, — подвёл он итог.

— Почтём за честь, мейстер, — вежливо склонила голову Кассандра. — Но... вы сказали, что милорда будет сопровождать охрана. Это лишнее, поверьте. У нас тихий город, хоть и портовый.

— Мне будет спокойнее, если у двери комнаты лорда будут стоять стражники.

Кассандра пожала плечами, соглашаясь.

— Мы подберём и для них подходящих подружек, — усмехнулась она.

— Есть ещё кое-что, — осторожно сказал мейстер, внимательно разглядывая собеседницу. — Это будет первое знакомство милорда с женщинами. Нужно сделать так,

чтобы ему всё понравилось, чтобы его ничего не напугало и не оттолкнуло. У вас есть чуткие, умелые девушки? Кто будет деликатен и не станет насмехаться над неопытностью?

— Конечно, мейстер. Все наши девушки учтивы и тактичны, но и среди них есть настоящие драгоценности. Не беспокойтесь.

Всё следующее утро Бриенна выслушивала восторги Роберта.

— Бриенна, мы были в борделе! — заявил он ей, сияя как новый доспех, не успела она войти в его покой.

— Надеюсь, оно стоило того, чтобы пропустить охоту на кабана? — её белёсые брови неодобрительно сошлись на переносице.

— Ещё бы! Там так красиво... везде ковры, шёлковые покрывала и золотые светильники... Всё блестит и приятно пахнет! Не то что в том вонючем лесу. И ещё там много женщин... и все почти без одежды, представляешь? Одна была чёрной, как перья у ворона, а у другой такие большие тити!

— Грудь, — поправила его Бриенна, недовольно поморщившись.

— А?

— Мужчины не говорят «тити». Они говорят «грудь». Или «грудь». Ты уже был в борделе, Роберт, значит, ты мужчина. Надо говорить «грудь».

— Ты думаешь? — спросил он и затем глянул на Подрика.

Утомлённый ночной службой оруженосец сидел в углу на большом, обитом металлом дубовом сундуке, с трудом сдерживая зевоту, и пил из бронзового кубка ягодный отвар. Он подтверждающе кивнул.

— Ну, хорошо, — согласился Роберт и с воодушевлением продолжил: — Её грудь была большая и мягкая. Мне не понравилось. Она колыхалась. Так мерзко... Но у другой девушки она была маленькая. Я накрыл её ладонью, и её не стало видно. Мне было немного щекотно... А ещё одна девушка развязала шнурок на моих штанах и сказала: «О, милорд, какой у вас красивый меч!» Так и сказала. Хочешь, покажу? — Руки Роберта метнулись к поясу.

— Нет! Я верю! — подскочила Бриенна.

— Да? Ну, ладно... А потом она взяла его в рот, и он...

— Стой, Роберт...

Когда-то Бриенна вышла победителем в турнире, обойдя более сотни достойнейших рыцарей, и в награду получила место в Радужной гвардии Ренли Баратеона. И позже истинная храбрость и доблесть не раз приходили ей на выручку. Она не боялась трудностей и никогда перед ними не отступала. Но к такому разговору не была готова.

Отводя взгляд и через слово заикаясь, Бриенна попыталась вразумить новоявленного распутника:

— В-видишь ли... есть некоторые темы, которые... м-м... мужчины обсуждают только между собой. Они не говорят об этом с леди.

— Но ты не леди, Бриенна! — возмущённо-обиженно воскликнул Роберт. — Ты сама говорила. Ты почти рыцарь и мой телохранитель.

— Верно, я телохранитель, — с радостью согласилась она. — Но сейчас мы у друзей, и тебе ничего не угрожает. Поэтому я схожу на кухню и принесу нам засахаренные лимонные дольки, хорошо? А вы тут с Подриком пока всё друг другу расскажете и покажете...

— Он видел, я ему уже показывал. А он показал мне. Сначала он не хотел, но я сказал,

что всё расскажу матушке. И тогда он показал. Знаешь, Бриенна, «меч» Подрика гораздо больше моего, — задумчиво поделился Роберт.

Раздался грохот — руки Подрика внезапно стали неловкими, кубок выпал из них и покотился под стол. Уши и щёки несчастного оруженосца запламенели, зевота разом прошла.

— Подрик старше, — сказала Бриенна, оторопело остановившись в дверях. — А ты ещё будешь расти. А когда человек растёт, у него растёт... у него всё растёт...

— Это хорошо... Но я тут подумал... а, может, просто отрезать у Подрика его «меч» и пришить мне?

Кубок жалобно звякнул о пол второй раз. Подрик побледнел и снова полез за ним под стол.

— Не думаю, что это получится, — сказала Бриенна. — Нельзя отрезать у человека часть его тела и пришить другому. Такое не умеет ни один мейстер.

— Ты точно знаешь? — подозрительно прищурился Роберт.

— Совершенно точно. Иначе Джейме Ланнистер не остался бы одноруким. За своё золото Ланнистеры обязательно нашли бы кого-нибудь, кто согласился продать ему свою руку.

— Ну, ладно, — подумав, протянул Роберт.

Подрик облегчённо выдохнул.

После завтрака Роберт в сопровождении большой свиты во главе Бриенны и мейстера Лерана направился осматривать город. Лиза предлагала ему совершить прогулку в паланкине, но Роберт захотел пройтись пешком — его оруженосец Джайлс с воодушевлением обещал показать милорду все самые интересные места своего родного города.

Доброе расположение духа сына, его игривый и ласковый настрой восхитили Лизу и успокоили. Она с умилением наблюдала из окна, как её красивый мальчик, окружённый хорошо одетыми мужчинами и женщинами, под охраной вооружённых рыцарей с отличительными знаками дома Арренов, выходил за ворота замка. Саму Лизу ждали неотложные дела — с рудников вернулся Бринден Талли, и ей не терпелось узнать подробности его поездки.

Городской рынок ошеломил Роберта. Он провёл практически в полной изоляции всю свою недолгую жизнь и об окружающем мире знал лишь из книг и рассказов матери, старой служанки и редких гостей Орлиного Гнезда. И сейчас кидался от прилавков с деревянными свистульками к конской сбруе, от лавки ювелира и обувщика к ловкому жонглёру в пёстром костюме.

— Ой, что это? — озадаченно спросил Роберт, показывая на небольшого смешного зверька со сморщенной мордочкой.

— Эта тварь называется обезьяна, милорд, — пояснил Джайлс. — Они очень забавные и умеют делать различные трюки. Эй, ты! — крикнул он хозяину зверька. — Покажи, что умеет твоя тварь.

Арлекин начал подбрасывать в воздух маленькие жёлтые сливы, перекладывая по очереди из одной руки в другую, с каждым кругом увеличивая количество, пока в воздухе не образовался сплошной золотистый обод из мелькающих фруктов. Роберт удивлённо вскрикнул. Но представление ещё не закончилось — жонглёр начал бросать по одной сливе обезьяне. Та ловко ловила их лапкой, затем перекладывала в другую и кидала обратно,

успевая ловить следующую. От такого дива Роберт в восторге захлопал в ладоши. Но вдруг обезьяна, поймав очередную сливу, не стала возвращать её хозяину, а засунула в рот и съела. А потом показала ему язык. Толпа радостно взвыла.

— Хочу, хочу такую обезьяну! — закричал Роберт, теребя мастера за рукав.

Тот благожелательно улыбался:

— Не правда ли, некоторые вещи лучше один раз увидеть своими глазами, милорд, чем много раз читать и слышать?

И счастливый Роберт охотно согласился с ним.

— Наш город самый большой в Долине, — рассказывал Джайлс ослеплённому диковинами Роберту. — Конечно, он меньше Королевской Гавани и немного уступает Староместу, но он больше Белой Гавани, и нигде нет таких искусных портных... Потом мы можем подняться на Портняжный Холм и...

— Нет, — сказал Роберт. — Зачем мне портные? У меня много одежды. В пекло!

— Тогда давайте пойдём в Оружейный конец. Столько кузниц вы не увидите нигде, даже в столице... А какие мечи и доспехи делают наши мастера! Если вам будет угодно, милорд, они за одну ночь выкуют вам шлем в виде головы сокола.

— Не угодно, — сказал Роберт, кидаясь к очередной лавке: — А это что?

— Это сладкое мороженое молоко, милорд. Хотите попробовать?

— Хочу! И ещё вот это хочу... и вон тот цветной плащ... Он что, из перьев?

— Да, милорд. Их делают на Летних островах. А ещё летнийцы делают лучшие луки... и сладкое янтарное вино... Хотите попробовать?

— Хочу! Хочу! А это что?

Роберт подошёл к дощатому навесу. На стене висела мишень с нарисованным драконом. Желающие подходили, платили серебряную монету за полдюжины коротеньких копий с иглой на конце, а затем кидали их, стараясь попасть в глаз или нос — за это хозяин лавки давал призы.

— И это тоже хочу... — сказал Роберт. От избытка эмоций у него уже кружилась голова.

Свита обступила его, и Бриенна довольно наблюдала, как два из шести копий воткнулись в глаз и крыло. Сопровождающие одобрительно захлопали, а хозяин вынес Роберту награду: деревянную фигурку коня в боевой броне и рыцаря, у которого сгибались руки и ноги, отчего его можно было усадить в седло.

— Не зря мы с тобой тренировались, Роберт, — сказала Бриенна. Тот радостно кивнул.

— Вы играете в кайвассу, милорд? — задал следующий вопрос неугомонный Джайлс. — Её придумали в Волантисе и теперь везут оттуда к нам. Смотрите, какие красивые доски из дерева. А фигурки из чистого золота!

— Матушка послала кайвассу королю Томмену на последние именины, — сказал Роберт. — Там фигуры были из лунного камня. Очень красивые, я видел... Но эту я тоже хочу... Возьми её, Терранс.

Терранс, наследник лорда Джона Линдерли и второй оруженосец Роберта, с трудом успевал расплачиваться и складывать покупки в огромную корзину, которая с каждой остановкой делалась всё тяжелее. А Джайлс ещё не закончил, вода потрясённого Роберта от лавки к лавке.

— Нигде больше нет таких красивых товаров, — говорил он. — К нам едут торговцы отовсюду. Из Староместа везут книги, с острова Арбор привозят самые сладкие в мире

персики... да, вам нужно ещё попробовать арборское вино... Из Мира привозят золотые и серебряные кружева, такие тонкие...

— Зачем мне кружева? — фыркнул Роберт. — Я что, девчонка?

— Что вы, милорд... Я просто так сказал. Но ещё они делают «мирийский глаз», в него можно смотреть далеко-далеко, и всё видеть... а ещё арбалеты...

— Я знаю... матушка говорила, что скоро в моей армии будет несколько отрядов мирийских арбалетчиков... Мы будем самые непобедимые, ясно тебе?

— Конечно, лорд Роберт, — поклонился Джайлс и немного погодя продолжил: — В центре города есть Большая септа. Говорят, статую Старицы привезли первые андалы...

— В пекло септу! — сказал Роберт. Но потом осёкся и глянул исподтишка на Бриенну. Увидев, что та неодобрительно качает головой, он упрямо сжал губы.

— Ещё у нас есть рыбный рынок, если пойти на причал...

— Не хочу! Там, небось, воняет, как в нужнике.

— По причалу можно пройти к сторожевой башне и посмотреть камнемёты... Они защищают проход в гавань. Они такие огромные...

— Похоже, я хочу здесь жить, — пробормотал уже порядком уставший Роберт. Вечером его ещё ждал бордель.

Утром в Большом чертоге замка Графтонов было не протолкнуться. Ждали Роберта.

Бронзовый Джон прибыл в Чаячий город, чтобы возглавить кортеж и проводить его до Рунного Камня. Нестор Ройс, обиженный излишней прытью родственника, мягко выговаривал ему своё недовольство. Лиза благодушно прислушивалась к незлобивой перепалке и улыбалась. Впервые за много лет она была по-настоящему счастлива.

Роберт стал весёлым и покладистым, трясучка почти полностью оставила его, он креп и мужал с каждым новым днём. Мейстер Леран уверил её, что максимум через полгода они навсегда забудут о проблемах Роберта со здоровьем: канут в прошлое кошмары, приступы, носовые кровотечения и ночное недержание.

Радовало Лизу и присутствие Джона Ройса — его безоговорочная поддержка много значила и для неё, и для других лордов и сиров, переговаривающихся сейчас в ожидании главного лорда. Улыбаясь своим мыслям, она снова и снова прокручивала в голове сцену с Аньей Уэйнвуд, когда та в очередной раз высказала ей своё недовольство поведением Роберта. В ответ Лиза напомнила, что все скупленные Петиром Бейлишем долговые обязательства Уэйнвудов теперь принадлежат ей, как его вдове. И что она предъявит их к оплате немедленно, если Анья не уймётся. Старая капуста кочерыжка вмиг утратила весь свой пыл. Лиза несолидно хихикнула про себя, вспомнив, как Роберт впервые так назвал пожилую леди. Так ей и надо! Никто и ничто не помешает её мальчику занять положенное ему по праву место. Сейчас все эти высокородные сироты и лорды терпеливо ожидали, когда его милость соблаговолит проснуться и почтить их своим присутствием. И так будет всегда!

Двери в Большой чертог с шумом отворились, и вбежала Бриенна — растерянная, растрёпанная, прижимая к боку меч. Её и без того не слишком красивое лицо уродливо искривилось, толстые губы тряслись.

— Миледи, — нашла она взглядом Лизу, — Роберт... он... его...

Лиза замерла на стуле, не в силах пошевелиться. Она видела, как следом уже вбежали Подрик и Мортон Уэйнвуд, такие же взволнованные и с перекошенными от страха лицами. «Нет. Нет! — пульсировало у неё в висках. — Только не это...» А Бриенна никак не могла

выговорить решающее слово, мямлила, продолжая мучить заледеневшую в ужасе мать.

— Роберт... он... его похитили, — наконец-то прояснилось главное. — Они говорят, что убьют его, если вы... если мы... они пишут, что... — Бриенна, спотыкаясь словно пьяная, подошла к столу и протянула Лизе грязный мятый листок.

Та взяла бумагу и поднесла к глазам. Рука дрожала, буквы прыгали и никак не желали складываться в слова. Уловив суть, Лиза отшвырнула листок и резко встала, готовая к чему угодно для спасения сына — убить Бриенну, вцепиться в бороду Герольда Графтона, выхватить меч у Джона Ройса, упасть на грудь Бриндена Талли и беспомощно разрыдаться... Но она не могла двинуться с места, словно приросла ногами к полу, а ладонями к столу. А потом в грудь будто ударили молотом, выбив из неё весь воздух. Покачнувшись, Лиза упала вперёд, раскинув руки в стороны. Она прижалась лбом к липкой, пропахшей элем и какой-то кислятиной столешнице, пытаясь закричать, что-то сказать, но лишь надсадно хрипела. Так вот как мерзкая ведьма решила покончить с родом Арренов, вот какую смерть уготовила её сыну! Лиза зажмурилась и завывала.

В детстве они часто играли с Кейтилин и Эдмаром в игру «Найди меня». Им с Кэт нравилось прятаться от не очень смышлёного младшего брата. Наблюдая из укрытия, как он ходил по двору, растерянно заглядывал в птичник и корыта для свиней, они радостно переглядывались и хихикали. Как-то, притаившись в амбаре, сёстры увидели мышь, которая нападала на кошку, отгоняя её от своей норы. Она пищала, махала крохотными лапками и прыгала в сторону огромного по её меркам зверя. «Какая глупая», — сказала маленькая Лиза. Мышь была размером с четверть кошкиного хвоста. «Она не глупая, — возразила Кэт. — Она храбрая. Она защищает своих мышат. Все матери храбрые, когда их дети в опасности».

С трудом приподнявшись со стола, Лиза тяжело опёрлась на руки и посмотрела вокруг. Бриенна Тарт рыдала, закрыв лицо огромными ладонями, её плечи сотрясались. Рядом нашкодившим щенком стоял Подрик Пейн. Мортон Уэйнвуд сначала виновато опустил голову, но потом решительно расправил плечи и уже не отводил взгляда. Бронзовый Джон держал в одной руке проклятое письмо, другой уверенно сжимал рукоять меча. В глазах Нестора Ройса и Бриндена Талли читалась поддержка и ожидание приказа.

Её взгляд перебегал от одного к другому. Герольд Графтон задумчиво почёсывал свою неухоженную бороду. Мейстер Леран расспрашивал мальчишек-оруженосцев и озабоченно хмурился. Джаспер Редфорт что-то успокаивающе шептал Миранде Ройс, прижимающей платок к своим красивым глазам. Ещё какие-то люди, имён которых Лиза сейчас не могла вспомнить, смотрели на неё кто с сочувствием, кто с жадным любопытством.

Лиза сжала кулаки и распрямила спину. Она не жалкая мышь! Она Лиза Талли, для которой всегда была важна семья. Отведённое ей богами время она могла счастливо прожить вместе с любимым мужчиной и их детьми, создав самую крепкую семью в Семи Королевствах. Однако когда перед ней встал непростой выбор, наступила на горло своим мечтам и желаниям, разорвав в клочья собственное сердце. Потому что она — Лиза Аррен, мать наследника одного из величайших домов Вестероса, истинного Хранителя Востока, потомка Королей Гор и Долины! Она отыщет его обидчиков и насадит их головы на пики, уничтожит их семьи, а от домов оставит руины. Она спасёт своего птенчика.

Когда Лиза заговорила, в её голосе клокотала ярость:

— Создать знамёна...

Глава 5. Роберт боится и плачет

С тех самых пор, как андалы завоевали Вестерос, населяющие Лунные горы дикари не позволяли жителям Долины забыть о своём существовании — потомки Первых людей нападали на дома потомков захватчиков, грабили и убивали путников, похищали женщин. Но ни разу никто не похищал лорда Долины.

Когда в Гнезде решили возобновить отработку закрытых при Джоне Аррене рудников, участились и набеги горных кланов. Они стали не только налетать на деревни и продуктовые обозы, но и разоряли поселения рудокопов, захватывали идущие к покупателям фургоны со сталью, разбойничали на копиях — ломали крепости в штольнях^{<footnote>горизонтальная или наклонная горная выработка, имеющая выход на поверхность</footnote>, обрушивая кровлю, под которой гибли люди и животные, поджигали вывозящие руду телеги, резали лошадей-тяжеловозов. Но никому и в голову не приходило, что горцы осмелятся посягнуть на лорда Долины посреди большого, окружённого крепостной стеной и хорошо охраняемого города. «Убирайтесь с нашей земли, — говорилось в записке. — Иначе ваш лорд умрёт».}

Даже дети в Долине знали, что короля Роланда Аррена, начавшего строительство Орлиного Гнезда, убили Раскрашенные Псы; лорд Дарнольд и сир Раймонд Аррены пали в схватке с Лунными Братьями; от рук Каменных Воронов погиб ещё один лорд Аррен вместе со своими сыновьями. И пусть всё это случилось в давние времена, пусть сегодняшнее требование выглядело нелепым и бессмысленным, тем не менее, ни у кого не возникло сомнений в серьёзности предупреждения. Угроза была страшной, реальной, осязаемой.

В течение часа на дороги во все направления выслали конную стражу. Городские ворота закрыли, и сир Мортон Уэйнвуд во главе дюжины рыцарей методично прочёсывал улицы и дома. На дозорной башне замка ударили в колокол и немедля подняли сигнальный флаг, чтобы с мыса вышел сторожевой ялик и перекрыл выход из гавани, а каменёты привели в боевую готовность, на случай, если какой-нибудь из стоящих у причала кораблей не внемлет запрету и попытается прорваться в открытое море. В порт отправили большой отряд вооружённых воинов — обыскивали корабли, доки и портовые склады. Но всё было тщетно, никаких следов Роберта не нашли.

В «Одинокой чайке» всё перевернули вверх дном. В башенке на втором этаже, в покоях для самых важных гостей обнаружили тайный ход, скрытый за огромным гобеленом с вытканными на нём пикантными сценами. Узкая винтовая лестница из комнаты вела в земляной туннель, который проходил под крепостной стеной и заканчивался нешироким лазом за пределами города. Допросить никого не удалось — девушек, которые в ту ночь развлекали Роберта, похитители жестоко изрубили мечами. Однако сир Мортон выяснил, что пропала доверенная помощница леди Кассандры, летнийка Суоми. Среди погибших её не было. Вероятно, именно она опоила стражу и хозяйку, а затем открыла горцам дверь потайного хода. После чего сбежала вместе с ними.

Лиза безумствовала, требуя дотла спалить бордель и безотлагательно направить войска в горы.

— Для чего нам армия, если она не способна защитить своего лорда?! — кричала она.

Сир Бринден увещевал её, поясняя, что они даже не знают, какой из кланов похитил Роберта. Лиза требовала все горы сровнять с землёй.

В спешном порядке, буквально в течение трёх дней, сформировали несколько

поисковых групп. Мортон Уэйнвуд со своим конным отрядом направился на запад, другой отряд под предводительством Джона Ройса — на север, в долину. Две быстроходные галеи под началом Бриндена Талли ушли обследовать все близлежащие к побережью острова до самых Перстов, с заходом в Змеиный Лес, Стылые Воды и башню Бейлишей. Раздавленная чувством вины Бриенна Тарт умолила его взять её и Подрика с собой.

Глашатаи на Рыночной площади с утра до ночи надрывали глотки, обещая горы золотых драконов тому, кто спасёт лорда Долины.

Лиза каждый день ходила в городскую септу. Никогда в жизни она не молилась так жарко и искренне. Она взывала к милосердию Матери, моля позаботиться о Роберте, пока его истинной матери нет рядом. Она просила Кузнеца дать сыну здоровья, а Воина даровать ему душевных сил и мужества. Она молила Деву о покровительстве юному и невинному Роберту Аррену. Она требовала от Отца справедливости и правосудия для похитителей. Она молила Старицу послать ей ворона с доброй вестью. Она заклинала Неведомого пройти мимо её сына, не забирать его с собой.

Большие и малые партии поисковиков уходили одна за другой. Возвращались не все — люди тонули в штормах, пропадали в трясинах болот, гибли под обвалами в горах, замерзали в снегу.

Шли недели и месяцы, а о Роберте Аррене не было никаких известий.

В один из дней отчаявшаяся Лиза схватила с алтаря тяжёлый подсвечник и со всей силы двинула по радужно мерцающему стеклянному витражу, разбив его вдребезги.

— Под хвост дракону вас всех! — крикнула она и выбежала из храма.

Той же ночью к ней пришла Старица, освещая себе путь золотым фонарём. Её морщинистое лицо выражало сочувствие и скорбь. «Долиной Аррен будет править только Аррен», — сказала она Лизе. А через неделю ворон принёс письмо из Суровой Песни — на обоз Белморов напали Обгорелые, и среди них был Роберт Аррен.

Надежда озарила лица всех, кто собрался в Большом чертоге замка Графтонов, чтобы обсудить хорошее известие.

— Созывать знамёна? — спросил Нестор Ройс.

— Нет, — покачала головой Лиза. — Готовьте обоз.

Пока мужчины недоумённо переглядывались, она подошла к Бриндену Талли.

— Ты говорил, где-то в предгорье живёт отшельник с сожжёнными пальцами? Он спас вас, когда вы заблудились в горах. Его можно найти? — Тот кивнул, и Лиза обратилась к Ройсу: — Грузите лучшую сталь и доспехи, самое лучшее арборское вино, пилы и ножницы, точильные камни, муку, соль и засахаренные фрукты. — Потом снова повернулась к Бриндену и взяла его за плечи: — Найди его... найди их... скажи им, дядя... всё, что угодно... Всё, что угодно! Но верни моего мальчика домой.

Роберт долго не мог сообразить, где находится. Многодневное путешествие сначала на лодках по воде, потом пешком и на лошадях закончилось в окружённом со всех сторон горами большом поселении из полудюжины домов, сложенных из грубо обработанного камня, и нескольких десятков шатров. Сопровождающие — все мужчины, смуглые и темноволосые, в варёной коже и резной броне, вооружённые шипастыми дубинками, копьями и тяжёлыми железными молотами — на вопросы не отвечали, лишь свирепо скалились и щедро отвешивали подзатыльники. И только когда он разглядел их чёрные обугленные пальцы, с ужасом понял, что попал к Обгорелым — самому кровожадному и

жестокому из всех горных племён. Каждый в Долине знал, что горцы лишь наполовину люди, общаются между собой при помощи нечленораздельных звуков и с самого детства приучены грабить и убивать. И среди множества кланов нет в Лунных горах более необузданных дикарей, чем Обгорелые.

Роберту было страшно — эти люди не понимали человеческих слов, и ничего не хотели слушать. Его постоянно били. Уже много дней и ночей, он давно потерял им счёт. Улрике, вечно недовольная старая карга, к которой Роберта приставили в помощь на кухне, лупила по голове всем, что попадалось в её жилистую руку. Слепая Силдж, поившая мерзким отваром, чтобы унять вновь начавшуюся «трясучку», и лечившая его побои, пребольно дёргала за волосы, если он во время перевязки не мог сдержать стога. Даже Хджордис — самая беззлая из женщин, лучшая охотница клана, столь же ловкая и быстрая, сколь и уродливая — ни разу не прошла мимо, не отвесив пинка или затрецины. Но так стало потом, когда мужчинам наскучило нытьё Роберта и его отдали в дом к старухам.

Иногда Роберту хотелось умереть. Однако когда Хаген, огромный, словно поросший мхом валун, схватил его за шиворот и легко поднял в воздух, замахнувшись кривым кинжалом, то почему-то передумал и в ужасе закричал: «Не надо, молю, не надо!» И был очень счастлив, что, отброшенный могучей рукой, перелетел через костёр, шмякнулся о стылую землю и ничего себе не сломал.

Роберт мечтал, как скинет их всех в Лунную дверь. Они будут молить его о пощаде, но он никого не пощадит. Никого. Ну, может быть, только Грай. Потому что она одна его не била, таскала ему тайком еду, когда он ещё жил в сарае, привязанный к столбу, словно бешеный пёс, дала добротную одежду — куртку и штаны из мягкой кожи, и тёплые, удобные сапоги. И спасла от смерти.

— Ты должен приносить пользу, — втолковывала ему Грай, — иначе брат бросит тебя сумеречным котам.

Роберт чистил котёл после завтрака еловыми ветками, отдирая остатки пригоревшей пищи, и не спорил. Он не мог сказать, кого боялся сильнее — сумеречных котов или Тиметта-Красную Руку, который недавно вернулся с войны из Королевской Гавани с золотом и тремя телегами награбленного добра. Рослый и дикий, военный командир Обгорелых доводил его до полубоморока зияющей пустотой левой глазницы. Поэтому Роберт не спорил с Грай. Пару месяцев назад ей исполнилось двенадцать, но она уже стреляла из лука почти так же метко, как Хджордис, а на лошади держалась лучше брата.

Именно Грай убедила отца не убивать Роберта.

— Ты сам говорил, — сказала она, — что взрослые погибают быстрее, чем взрослеют дети, и нам не хватает охотников. Так что лишние руки не помешают.

— И лишний рот, — ответил Тиметт-старший, верховный вождь клана, с неудовольствием разглядывая перепуганного мальчишку, за которого заступалась любимая дочь. — Он не охотник. И не воин. Его мать отказалась закрыть свои рудники и уйти из наших гор. Значит, он умрёт.

— Улрике тяжело носить воду из ручья. И переставлять котёл на очаге. Ей нужна помощь, — сказала Грай.

Так Роберт оказался на кухне. Он носил воду, драил песком посуду, в отхожем месте менял настил из еловых лап, собирал хворост и поддерживал огонь. Спал там же, на кухне у очага, ел позже всех то, что останется. И жил.

— Ты должен приносить пользу, — не отставала от него Грай.

— Я приношу, — говорил Роберт. — Разве я мало делаю?

— Ты не можешь всю жизнь чистить котёл и выгребную яму, это занятие для стариков. Чтобы с тобой считались, ты должен добывать еду — охотиться или грабить путников. А лучше и то, и другое.

— Я лорд Долины. И я не буду убивать людей, которые присягали моему отцу, — говорил Роберт и отводил взгляд, замирая в страхе от собственной дерзости.

— Тогда убирай чужое дерьмо, — сердилась Грай. — И не ври мне, что не будешь убивать людей из-за какой-то глупой присяги. Все знают, что даже Силдж стреляет лучше тебя.

Роберт не спорил. Он быстро этому научился. Гораздо быстрее, чем хорошо стрелять или кидать копьё. Лук был чересчур тяжёлым, тетива чересчур тугой, а непослушные стрелы летели куда угодно, но только не в цель. От копья же у него сводило судорогой правую руку и плечо, но когда Роберт пожаловался Грай, то она радостно хлопнула себя по лбу и сказала, что он прав, и теперь нужно просто переложить копьё в левую руку и начать всё заново.

Грай была очень терпелива.

— Подними локоть, — командовала она. — Отставь ногу чуть назад. Расслабься.

Он повторял снова и снова, пока спина не раскальвалась пополам, руки не отказывались слушаться, а ноги не начинали трястись от напряжения. Но Грай была не только терпелива, но и непреклонна.

— Ты слишком медлишь!

— Ты слишком торопишься!

— Не наклоняйся так сильно вперёд!

— Не откидывайся так сильно назад!

— Давай ещё раз.

— Ты безнадежен...

Роберт не спорил.

Время от времени к ним подходил кто-нибудь из Обгорелых, смотрел и спрашивал насмешливо:

— Ну что, Грай, твой лордёнш уже готов к большой охоте?

— Ещё нет, — раз за разом отвечала она, недовольно хмуря тонкие светлые брови.

Но пришёл день, когда она сказала Роберту: «Пора».

На первую охоту они пошли вдвоём — Грай хотела вначале проверить, может ли её подопечный идти за зверем вместе с мужчинами. Уходили ненадолго и недалеко, на ту сторону ущелья, и вернулись уже следующим вечером, таща на волокушах молодого оленя и с полдюжины куропаток.

— Грамкин дрын! Лордёнш оказался не таким тупицей, как выглядит? — недоверчиво спросил Хаген.

— Это Грай его убила, — кивнул головой на оленя Роберт. — Я промахнулся и лишь вспугнул его, а она попала с пятидесяти ярдов на бегу.

— Кто бы сомневался, — хмыкнул Хаген.

— А Роберт подстрелил двух куропаток, — с гордостью сказала Грай. — И очень быстро сделал волокуши.

— О! Ну, теперь он готов идти и на сумеречного кота-ха-ха! — захохотал Хаген. — Пришла смерть всему живому в наших лесах!

— Не расстраивайся, — сказала Грай Роберту, как только они остались у очага одни,

хлебная из мисок наваристую похлёбку. — Первый раз я тоже промазала. Не потому, что плохо стреляла. Просто я волновалась и очень старалась угодить отцу. У тебя тоже всё получится. Ешь, а потом я покажу тебе, как выделывать шкуру.

Роберт обречённо вздохнул.

— Почему ты со мной возишься? — спросил он.

— А я всё ждала, спросишь ты или нет, — фыркнула Грай, но потом её улыбка стала такой неожиданно застенчивой, что Роберт даже перестал жевать. Грай тоже отставила миску и сказала, смущённо потупясь: — Я хочу, чтобы ты рассказал мне о Висенье и её драконе Вхагар. — После чего взгляд загорелся восторгом: — Она летала на Вхагар и была беспощадной воительницей. Ты ведь знаешь эту историю?

— Я-то знаю, но откуда её знаешь ты? — удивился Роберт.

— Читала в одной книге... Но в ней нет половины страниц, и я не знаю, чем всё закончилось.

— У тебя есть книга? Ты умеешь читать? — Его изумление было столь велико, что Грай рассмеялась, а он пояснил растерянно: — У нас в Долине считают, что вы и разговаривать толком не умеете, общаетесь только самыми простыми словами.

— Мы так и делаем, когда спускаемся вниз. Отец говорит, это хорошо, если враг недооценивает твои достоинства... Моя мама была из Долины, и она учила нас с братом. Я умею читать и писать. Когда отец похитил её, то взял ещё много всякого добра. И там была та книга, мама о ней не знала. Но она не успела помешать, отец сжёг половину. Потом, когда наши грабили обозы, он всегда искал книги и привозил ей. Но про Висенью ему больше ничего не попало. И мы с мамой гадали, чем там всё закончилось? А потом она умерла, и отец больше не искал книги...

— Так ты из-за этого меня спасла? Чтобы я рассказал тебе конец истории? — недоверчиво улыбнулся Роберт.

— Ну да. А ты думал, это из-за того, что ты такой меткий стрелок? — прыснула Грай.

— Хорошо, но про неё я расскажу когда-нибудь потом, — Роберт лукаво прищурился, — а то у тебя больше не станет повода оставить меня в живых. А пока я расскажу о Поругании Трёх Сестёр, хочешь? Это острова в заливе Пасти, прямо на границе с Севером. А сама история случилась в те времена, когда лорды Орлиного Гнезда были королями Гор и Долины. Короли Зимы отправили свой флот для покорения Трёх Сестёр, а лорды Сестёр пошли в Орлиное Гнездо молить короля Гор и Долины спасти их от этих диких северян. Ведь те убивали их детей и заживо вытаскивали из людей кишки, наматывая на свои огромные мечи...

Грай отставила пустую миску на пол и подбросила полено в огонь. Потом села на скамью, подпёрла ладонями подбородок и приготовилась слушать.

С того вечера так и повелось — после ужина Роберт садился у «своего» очага и рассказывал Грай истории и легенды, какие помнил. Иногда к ним присоединялись Силдж и Улрике, а потом стала захаживать Хджордис, приводя с собой ещё кого-нибудь. Женщины слушали внимательно, иногда удивлённо охали или горестно вздыхали на особенно драматичном моменте. Роберт же вошёл во вкус, повторяя истории по второму и третьему кругу, и уже рассказывал в лицах, с эмоциями.

Когда он был ребёнком, то не увлекался ездой на лошадях, его не интересовала охота, а занятия с мечом или стрельба из лука быстро утомляли. Единственное, что Роберт всегда делал с удовольствием — это слушал сказки и разные легенды. И теперь уже он рассказывал

о Корлисе Веларионе и его морских путешествиях, о кротком и набожном короле Бейлоре, о сказочных землях И-Ти, о водопаде Слезы Алиссы и как строили замок Орлиное Гнездо. С не меньшим интересом внимали ему, когда он вспоминал своё путешествие по Долине и Чаечьему городу с его бескрайней пристанью с десятками кораблей, пришедших из-за Узкого моря, с шумным и ярким рынком, где можно купить всё, что угодно, а в перерывах между покупками послушать бродячих менестрелей, посмотреть шутов и ловких фокусников с их ручными обезьянками, которые корчат смешные рожицы. Но чаще всего его просили повторить историю о Висенье и Вхагар.

В роду Арренов Висенью не жаловали — во времена становления Таргариенов именно из-за неё они лишились соколиной короны. Висенья приземлилась во внутреннем дворе Орлиного Гнезда на своём огнедышащем драконе и взяла на руки маленького сына королевы Шарры Аррен, после чего напуганная мать преклонила колена, а её сын Роннел в одночасье из короля превратился в лорда. Однако позже Аррены отомстили, по сути, став причиной конца драконьего правления, когда Джон Аррен поднял флаг с луной и соколом и начал восстание против безумного короля Эйериса II. Поэтому Роберт не возражал, и храбрые жительницы гор затаив дыхание слушали о легендарной королеве-воине.

— Где наши женщины? — как-то спросил вождь Обгорелых, заметив непривычную вечернюю малолюдность около главного костра.

— Лордёнъш им сказки на кухне рассказывает... — недовольно пробурчал кто-то из мужчин.

По ночам Роберта мучили кошмары. И иногда он просыпался от собственного крика, весь в поту. Его сердце колотилось, казалось, у самого горла, не позволяя дышать, а сведённые судорогой пальцы цеплялись за меховую подстилку, на которой он лежал. Но от успокаивающих поглаживаний старой Силдж и от её горького отвара ему сразу становилось легче — умирялась бешеная пульсация в висках, уносились прочь дурные видения.

— Кто же так сильно хочет извести тебя, дитя? — шамкала знахарка. — На-ка, вот ещё это выпей, — вливала она ему в рот очередное отвратительно пахнущее пойло, а потом начинала что-то бормотать на непонятном Роберту языке, проводя скрюченными пальцами по лбу, глазам, сжимая виски. С недавних пор она уже не дёргала его за волосы и ухо, а всё больше жалела: — Чем же они травили тебя, горемычного? Но ничего, я выгоню из тебя всю эту заразу...

После целебных настоев Силдж весь следующий день Роберт бегал в нужник, содрогаясь от смрада той жидкой чёрной мерзости, которая из него выходила. А к вечеру чувствовал себя полностью обессиленным. Он был уверен, что доживает последние дни. Но «трясучка» и кошмары случались с ним всё реже, а потом и вовсе прекратились.

— Роберт, вставай, — кто-то тормозил его за плечо.

— Что случилось? — Он рывком поднялся, протирая глаза.

— С тракта в предгорье свернул обоз. Скорее всего, в Суровую Песнь. Наши собираются его захватить. Поднимайся, ты тоже идёшь. — Грай поспешно, но не суетливо собирала походную сумку.

Встающее солнце уже окрасило вершины гор, заглядывало в окна, но женщины ещё спали, и только Силдж что-то бормотала и беспокойно ворочалась на своей лежанке.

— Откуда ты знаешь?

— Дозорный заметил дымовой сигнал.

— Ты тоже идёшь?

— Нет. Сегодня у молодых испытание. Обоз маленький, не с рудников, поэтому воинов будет немного. Парни должны показать себя. — Грай кивнула успокаивающе: — Не бойся, я попросила брата, он присмотрит за тобой.

— Тиметта? Да он, скорее, прирежет меня по дороге.

Отношения с мужчинами у Роберта никак не складывались, а с Красной Рукой всё обстояло хуже всего. Тот всегда так свирепо щерился при виде Роберта, что он предпочитал как можно реже попадаться ему на глаза. И до головокружения продолжал его бояться.

— Нет, он мне обещал. Не серди его и держись рядом. Делай то, что он говорит, не перечь ему, и всё будет хорошо. Вот, возьми. — Грай сунула в руки Роберта кожаный мешок. — Там немного копчёного мяса, корпия и целебная мазь для ран. Из лука ты уже хорошо стреляешь, но копьё тоже возьми. Поторопись.

В отряде Роберт насчитал двадцать пять воинов, из них четверо были совсем молодые, на год-полтора старше него. У Сверра, Ола и Торстена за плечами также висели луки, а в руках они держали копья, и только Гвен, самый старший из них, щеголял с мечом на боку.

Из ущелья поднимались спорым шагом, почти бегом, растянувшись цепочкой по едва различимой тропе. Вожак, казалось, сворачивал наобум, руководствуясь одному ему видимыми знаками и подсказками, петляя между вековыми страж-древыми и огромными валунами. Сейчас Роберт отчётливо сознавал, что ни один отряд, направленный из Долины на его поиски, никогда не найдёт проход к поселению Обгорелых.

К концу подъёма он совсем запыхался, но Красная Рука не сбавил темпа.

— Уже подыхаешь, лордёнш? — Хаген ткнул Роберта древком в спину, и когда тот чуть не упал, рассмеялся: — Это тебе не сказочки у костра рассказывать...

Обоз нагнали ближе к полудню, солнце уже стояло в зените. Пять доверху гружёных повозок медленно двигались вдоль реки, их сопровождали полторы дюжины конных воинов — в доспехах и с обнажёнными мечами. На штандартах красовался герб Белморав: шесть серебряных колокольчиков на пурпурном поле. Роберт смотрел сквозь густые заросли боярышника и лихорадочно прикидывал, справится ли охрана с горцами, если он поможет ей — окликнет заранее, чтобы стражники приготовились к битве.

Словно прочитав его мысли, Красная Рука обернулся.

— Не вздумай дурить, лордёнш. Иначе скажу Грай, что ты сдох.

Роберт удручённо кивнул.

Хаген взял с собой Торстена, Гвена и двоих взрослых Обгорелых, они обошли обоз справа по перелеску, и как только достигли головной телеги, над предгорьем разнёсся клёкот орлана. Во всадников полетели стрелы, кони заржали, раздались отрывистые команды, завизжали женщины. Обгорелые нахлынули на обоз серой волной — не особо многочисленной, но неожиданной и безжалостной. По приказу Красной Руки Роберт остался на месте, лишь вышел из засады и встал в полный рост, готовый стрелять. Но он так и не выпустил ни единой стрелы.

В детстве Роберт часто просил мать кинуть кого-нибудь в Лунную дверь, а иногда и требовал. Для него это была самая весёлая игра, самая чудесная забава. Глупый несмышлёныш, он не понимал тогда, что боль — это несмешно, потому что сам ни разу не испытывал её. Он не знал, что страх способен пожирать изнутри, низводя человека до состояния дикого зверя, потому что сам никогда не ощущал такого страха. Ему и в голову не приходило, что смерть — это навсегда.

Сейчас же Роберт осознанно, со всем пылом обнадёженного близкой свободой пленника желал смерти Хагену и всем остальным Обгорелым, и больше всего Тиметту-Красной Руке. Тот — огромный, неумолимый, в неизменном плаще из полосатой шкуры сумеречного кота, с перекошенным от ярости лицом — разрубал своим жутким двусторонним топором чужие головы и спины. Роберт ёжился от страха, видя, как Хаген метнул молот и вышиб стражника из седла, а потом одним сокрушительным ударом разmozжил ему плечо, вмяв туда наплечник. Другой стражник насел на Гвена, заставляя отступить к реке, выбил меч у него из рук, чтобы затем мощным полукругом снизу вверх вспороть уже обезоруженного от паха до грудины.

Роберт смотрел на тех и других, и не мог спустить тетиву. Ни в кого из них.

Истошный женский визг оборвала влажно чавкнувшая секира одноухого Ульфа. Торстен и Ол, слаженно действуя в паре, хрустко добивали копьями уже почти бездвижного воина. Красная Рука напирал с топором на такого же, как он сам, здоровяка, когда закованный в латы с ног до головы рыцарь направил своего коня прямо на него. И только тогда Роберт разжал занемевшие пальцы. Конь всхрапнул, встал на дыбы, жалобно заржал, забив копытами в футах от головы Тиметта, и рухнул набок, придавив всадника. Тиметт выругался, злобно вращая единственным глазом, и снова бросился на своего противника. Тот замешкался, буквально на долю секунды взглянув на поверженное животное, и поплатился головой — Тиметт раскрыл её надвое. Подоспевший Торстен добил беспомощного рыцаря.

Лязг оружия стихал, слышались лишь стоны раненых и девичий вой.

— Баба твоя, — сказал Хагену командир Обгорелых. — Заткни ей пасть, иначе я убью её. Вы, — взглянул он на Торстена и Ола, — поймайте лошадей и привяжите к повозкам.

Парни кивнули и кинулись исполнять приказ. Хаген отошёл в сторону, и вой прекратился.

— Ты и ты, — грязно-бурый палец ткнул в сторону Сверра и Роберта, — соберите всё оружие, снимите с убитых доспехи. Если кто ещё шевелится, добейте. Берите только нагрудники и шлемы. Остальные помогите раненым, погрузите убитых и разворачиваем обоз. Поживей!

Роберт подходил к мёртвым стражникам, забирал их окровавленные мечи, вытаскивал из ножен кинжалы и ножи и относил в повозку. Потом возвращался, снимал окровавленные доспехи и снова относил. А стянув с очередного воина шлем, вдруг встретился с ненавидящим взглядом серых глаз. Левая рука мужчины была разmozжена, но он всё равно сделал слабое движение правой к пустым ножнам. Роберт прижал её коленом.

— Если хотите жить, сир, закройте глаза и не шевелитесь, — прошептал он.

— Лордёнш, ты чего так долго возишься? — подошёл к нему Сверр, подозрительно оглядывая.

— Пытаюсь снять нагрудник... он немного помят.

— Брось его. Тиметт сказал, уходим.

К началу перевала отряд добрался уже затемно. Края были свои, безопасные, поэтому остановились на ночь, развели костёр и стреножили лошадей. Роберт, наспех пожевав копчёного мяса, забрался под одну из повозок и тут же уснул.

Утром Обгорелые меняли друг другу повязки на ранах, разбирали награбленное, связывали в тюки и узлы то, что решили взять с собой, и вьючили лошадей. На выпряженных накануне из телег крупных мохнатоногих коней грузили оружие, доспехи и убитых. Роберт таскал мешки с зерном и сухим горохом, искоса рассматривая девушку, сидящую у костра с

куском лепёшки в руках. Пленница неуловимо напоминала ему Грай — такая же хрупкая, совсем юная, с огромными светлыми глазами, сейчас заплаканными. Она испуганно поджимала под себя ноги, её лицо опухло от слёз, а из-под чепца выбились растрепавшиеся волосы.

— Как тебя зовут? — спросил он, остановившись рядом.

— Хлои.

— Не бойся, Хлои. Тебя никто не обидит.

— Мы ехали с матушкой в замок, м'лорд, — пролепетала та. — Её взяли работать на кухню, а меня в услужение к молодой леди. Я всё умею, и волосы расчёсывать, и косы плести, платья шить умею, и... — Хлои разрыдалась.

— Грамкин дрын! — раздался гневный голос Хагена. — Эй, отойди от моей женщины, лордёнш, пока я не отвернул тебе голову.

— Я говорю, чтобы она не плакала, что бояться ей нечего.

— И зачем ты ей врёшь? — захохотал верзила.

Поклажа двух из пяти повозок оказалась практически бесполезной: одна из телег была доверху завалена репой, морковью и луком, а во второй лежали ткани и предметы интерьера. После недолгих раздумий Красная Рука всё же приказал сделать один тюк с овощами, а «безделушки для изнеженных лордов» сжечь.

Роберт помогал сносить мотки тончайших кружев и рулоны нежного шёлка и бросал их в жадное пламя. В резной шкатулке, лежавшей на самом дне телеги, он обнаружил парочку элегантных безделиц, приятных девичьему сердцу, и, прежде чем кинуть шкатулку в огонь, тайком сунул их за пазуху. А потом увидел книгу — большую, в красивом переплёте из толстой тиснёной кожи, с фигурной металлической застёжкой и золотым обрезом. Он отряхнул её от соломы и подошёл к командиру.

— Можно, я возьму это с собой? — спросил он. — Грай любит читать, у неё уже давно не было новых книг.

Тиметт сердито зыркнул и нехотя кивнул.

— Понесёшь её сам. И ещё вот это, — показал он на мешок.

— Но... — Роберт оглядел остальных воинов — у всех в руках было лишь личное оружие.

— Ты убил лошадь, — сказал Тиметт. — А этот мешок был для неё. Но ты её убил, лордёнш, потому понесёшь сам.

Роберт понимал, что спорить бесполезно, да и Грай советовала не возражать, поэтому просто взвалил мешок на плечи. Один из молодых ребят молча взял у него из руки лук, и Роберт благодарно кивнул, взглянув с опаской на командира. Тот ничего не сказал, лишь презрительно скривился.

Шли весь день, ведя на поводу лошадей узкими горными тропами. Вереницу порой приходилось останавливать, когда какое-нибудь из животных начинало упрячиться, нервничало, встревоженное ссыпаящимися из-под копыт камнями. Или если сосновая шишка, пузатая и встопорщенная, покрытая смолой словно инеем, срывалась с верхушки, с мягким шумом пролетала сквозь мохнатые ветви и стучалась о землю, подкатываясь под ноги — и тогда лошади ржали испуганно, пучили глаза и отказывались двигаться дальше. Люди брали таких строптивиц под уздцы, поглаживали успокаивающе по крупу, что-то говорили негромко, мягко подталкивая продолжать путь. И в ущелье спустили всех — не потеряли ни одну лошадь, ни один вьюк.

К поселению вышли в сумерках. Подлесок кончился внезапно, открыв взгляду длинную цепь гор вдаль. Это были не те несерьёзные пологие холмы, что Роберт наблюдал по пути к Чаячьему городу, а настоящие горы с острыми заснеженными вершинами, которые он в течение всего своего детства видел из окна Лунной башни. Роберт на миг остановился, забыв о поклаже на своих плечах. Ущелье, куда они спустились, подернутое лёгкой дымкой тумана и залитое последними лучами садящегося солнца, казалось бледно-сиреневым, словно вересковое море. От уходящих вдаль безбрежных просторов веяло спокойствием и такой величественностью, что он, поражённый этой необъятностью, почувствовал себя совсем одиноким и потерянным.

Встречали их радостно, словно вернувшихся из дальнего многодневного похода героев. Парней поздравляли и возбуждённо расспрашивали, снимали тюки и ящики, распрягали лошадей, уносили куда-то мёртвые тела. Роберт наконец-то смог сбросить свой мешок, от тяжести которого с трудом разогнулся. Он чувствовал себя разбитым, измочаленным, не ощущая ни спины, ни ног. У главного костра всех ждала зажаренная на вертеле туша кабана, но Роберту было настолько плохо, что он отказался от ужина и пошёл спать, равнодушно проводив взглядом Хагена, волокущего за руку упирающуюся Хлои. Та продолжала тихонько подвывать.

Роберт уже почти уснул, когда девичий крик нарушил ночную тишину. Но он лишь досадливо поморщился, перевернулся на другой бок и провалился в сон.

Глава 6. Роберт заводит друзей

Проснулся Роберт от голода. Два дня он практически ничего не ел, и сейчас в его животе крутило и жалобно подвывало. На решётке очага со вчерашнего вечера стоял небольшой чугунок с тушёным с луком и морковью кроликом, и Роберт взял его в руки, прижал к себе словно сокровище, подцепил пальцами кусок мяса побольше и впился в него зубами, прикрыв глаза от удовольствия.

— Ты хоть бы присел, а то как дикарь, — подошла к нему сзади Мораг, шаркая большими ногами. Старческая бессонница поднимала её раньше всех. — Это Улрике тебе оставила.

— Шпашибо, — с набитым ртом пробубнил Роберт, взял ложку и выловил половинку луковицы, чуть разбухшую и полупрозрачную от напитавшего её мясного сока. — Ммм, — замычал он, с наслаждением жуя, а потом отхлебнул с края чуть тёплый бульон. Кружок моркови шлёпнулся ему на нос, но, ловко поддетый языком, тут же отправился в рот. — Никогда не ел ничего вкуснее!

Женщины потихоньку поднимались, натужно кряхтели и кашляли, кто-то стал мести пол, загремела посуда. Роберт вернул чугунок на место, сыто рыгнул и облизал пальцы.

— Говорят, ты помог Красной Руке? — спросила Силдж, ставя на решётку весело полыхающего очага своё очередное варево. Несмотря на слепоту, она ловко передвигалась по помещению, никогда никого не задевая и ничего не роняя.

— Я убил лошадь, — нехотя признался Роберт.

— И Тиметт заставил тебя нести мешок с луком? — хихикнула Мораг.

— Ага. Он сказал, что я убил ту самую лошадь, которая должна была везти тот мешок, — вздохнул Роберт. — Я не должен был убивать лошадь.

— Все убивают лошадей, — проворчала Силдж. — Тиметт просто вредничал.

— Тиметт знает, что делает, — возразила Мораг.

— Он вредничал! Он и в детстве был вредным... бешеным и вредным. Тот рыцарь мог сбить его и покалечить. Или насмерть задавить! — не на шутку рассердилась знахарка.

— Ни один андал не сойдёт Тиметта. И он наш командир, он сын вождя. Его нужно слушать! — не унималась Мораг.

— Так я и слушал, — с трудом вклинился в склоку Роберт. — Я же не возражал ему. И тащил на себе тот проклятуший мешок всю дорогу, будь он неладен... Принести воды? — чтобы прекратить дальнейшие препирательства, спросил он у подошедшей к очагу Улрике. Та со сна зябко куталась в шерстяную накидку и зевала.

— Знаешь что, парень, — ворчливо сказала она, — думаю, тебе пора уходить. — И когда Роберт посмотрел непонимающе, пояснила: — Ты уже был на охоте, и обоз с Красной Рукой брал. Не дело тебе жить с нами, со старухами. Иди в дом к мальчикам, там тебе место. Поди, принеси воды в последний раз, и уходи. Хватит уже всем насмеяться над тобой.

Далеко не сразу Роберт разобрался в том хаотичном скопище шатров из шкур и небольших каменных домиков поселения Обгорелых. Сейчас он уже знал, что семейные пары жили каждая в небольшом отдельном шатре, дети до пяти лет находились подле родителей. Холостые же по семь-десять человек спали вместе: в нескольких шатрах взрослые мужчины, в других женщины, потом дети от пяти до шестнадцати лет, девочки и мальчики так же порознь. Каменный дом был у вождя и Грай, второй у Красной Руки, а в

самом большом обитали пожилые женщины. А вот сильно пожилых мужчин Роберт у Обгорелых не видел.

В стороне от жилья стояла кузня, где Смэд перековывал косы и ломаное оружие в мечи, ножи и наконечники для стрел и копий, и коптильня, которой заведовал Ульф. Под большим навесом за сараем Эша руководила выделкой шкур. Единственное, чего Роберт пока не мог понять, почему самый большой шатёр, около которого он часто видел женщин и маленьких детей, находится вдали от поселения, почти у самого озера.

Когда вождь клана отправил пленника, молодого парня, жить в одном доме со старухами, то чётко обозначил его социальный статус. Хотя сам Роберт, пусть и не быстро, но всё же смог устроиться там более-менее с комфортом. Особенно с тех пор, как начал развлекать своих соседок историями жителей низин, и по вечерам к ним на огонёк стали заходить и замужние женщины, и девушки. Их отношение постепенно менялось: молоденькие Обгорелые всё ещё не заговаривали с Робертом, но уже не фыркали презрительно при его приближении; Улрике перестала придирается по любому поводу; Хджордис больше не отвечивала тумачи; Силдж заботливо хлопотала около него во время приступов; неприязнь Мораг почти прошла. И теперь ему предстояло покинуть этот дом, к которому он уже немного привык.

Роберт передёрнул плечами, отгоняя тревогу, подхватил деревянные кадушки и направился к двери.

— Я буду скучать по вам, леди, — сказал он на прощание.

У ручья Грай и две девочки помладше тёрли мыльным корнем мужские нижние рубашки из небелёного полотна, а затем полоскали их в студёной воде.

— Как ты после вчерашнего, Роберт? Живой? — спросила Грай, сдувая выбившиеся из-под кожаных завязок и настырно лезущие ей в глаза волосы.

— Сейчас уже да. А вчера вечером думал, что умру... — сказал он и улыбнулся, наблюдая за её тщетными попытками справиться с непослушными прядями. — Давай, я тебе помогу. — И, не дожидаясь согласия, сам заправил их ей за уши. Девчонки прыснули в ладошки, и Роберт подмигнул им. Затем снова повернулся к Грай: — Тиметт сдержал слово. Он приказал не лезть в бой, стоять в стороне и стрелять из лука, если кому-то понадобится помощь. Так что я не только остался живой, но ещё и коня подстрелил. Он был большой, и я легко в него попал.

Хохотушки снова рассмеялись, зашушукались, потом сложили мокрое тряпье в плетёную корзину и пошли прочь, время от времени оборачиваясь и продолжая улыбаться.

— Я хотел тебя спросить о Хлои, которая пришла с нами, — сказал Роберт, когда девочки отошли подальше. — Теперь она будет женой Хагена?

— Не совсем. А почему ты спрашиваешь? — прищурилась Грай. — Она тебе понравилась?

— Она боится... — Роберт хорошо помнил, как долго его самого здесь били и унижали, и в ушах у него всё ещё стоял её полный боли ночной крик. — Хаген сказал, это его женщина. Вот я и подумал, что он женится на ней и будет защищать...

— Хаген так сказал, потому что первым покроет её. Его очередь иметь ребёнка, — сказала Грай, приглаживая мокрыми руками волосы. — Все горцы крадут девушек, Роберт, потому что нам нужны воины. Но Обгорелые женятся только на своих.

— Но твоя мама... ты сама говорила.

— Такое редко бывает. Силдж рассказывала, всего три раза такое было. Обгорелый,

если хочет взять пленницу замуж по законам клана, должен сразиться со всеми, кто хотел бы её покрыть. Моя мама была очень красивая — со светлыми волосами и голубыми глазами. Отец бился за неё почти со всеми мужчинами клана. Даже со своим отцом... Он всех победил.

— А девушка из Обгорелых может выйти за мужчину из низины? Она тоже должна за него биться? — с любопытством спросил Роберт.

Грай рассмеялась.

— Не знаю, такого ни разу не было, — сказала она. — Но знаю, что Хаген не женится на Хлои. Когда она родит ему ребёнка, её покроет следующий воин. И так, пока она сможет рожать. В последний поход Тиметта наших много погибло.

— А женщины клана разве сами не рожают?

— Рожают. Но мы не можем ходить брюхатыми постоянно. Мы воины и охотники, как и наши мужчины, мы тоже заботимся о клане. Видишь большой шатёр у озера? Там живут женщины из низины с малышами. Когда малышам исполняется пять, они переходят сюда, в общие шатры для мальчиков и девочек. И тогда они уже члены клана. А те женщины нет.

— И что с ними?

— Остаются там, — равнодушно пожала плечами Грай. — Клан их кормит и защищает, а они ухаживают за малышами и помогают женщинам, которые на сносях. Здесь в горах каждый приносит пользу, Роберт. Иначе никак.

Сердце Роберта мучительно сжалось — ведь он, равно как и те женщины, вынужден будет провести здесь всю свою жизнь, принося пресловутую пользу. И неважно, что они в большинстве своём дочери кузнецов и конюхов, а он лорд Орлиного Гнезда, потомок королей Гор и Долины. Сейчас разница между ними невелика: те методично спариваются, словно племенные кобылы, чтобы ряды клана пополнялись новыми воинами, а ему, тоже помимо своей воли, придётся убивать людей и животных, заготавливать дрова, выделывать шкуры и ежедневно выполнять любые другие приказы обоих Тиметтов. До самой смерти.

В самом начале своего плена Роберт был непоколебимо уверен, что не сегодня, так завтра войска Арренов ворвутся в эту жалкую деревню, чтобы освободить его, своего господина. Он, голодный и побитый, дрожал от возбуждения, живо представляя, как рыцари в бело-голубых плащах рубят этим грубым дикарям головы направо и налево, а потом насаживают их на пики, топчут шатры, разносят по камешку дом вождя, а под конец оставляют после себя лишь выжженную пустошь. Однако один день сменял другой, шли недели и месяцы, а никто так и не спешил его спасти. И уверенность сменилась отчаянием. Позже Роберт думал бежать отсюда сам, не дожидаясь помощи. И уже почти решился. Но когда его взяли грабить обоз, понял, что самостоятельно никогда не найдёт прохода в Долину — он просто заблудится в горах и умрёт. И ещё Роберт увидел, как неусыпно подступы к поселению охраняют дозорные. Они прикончат его, не успеет он и на четверть мили отойти от лагеря. Это жуткое место поможет ему покинуть только чудо. Поэтому он должен жить и уповать, что оно когда-нибудь случится.

Роберт вздохнул.

— Улрике говорит, я должен пойти жить к мальчикам, — сказал он.

— Да, я слышала, отец так сказал Торстену, — кивнула Грай. — Теперь он старший в вашем шатре. Он придёт за тобой, всё расскажет и покажет. Слушайся его.

— Как скажешь, — обречённо пробормотал Роберт и неожиданно признался: — Мне нравится Торстен, он незлой. И вчера он помог мне донести оружие. И ещё он здорово

сражается. Надеюсь, мы поладим.

— Торстен со всеми ладит, — сказала Грай. — Он не такой, как Тиметт и наш отец. — Она улыбнулась, заметив замешательство Роберта, и добавила: — Он мой единокровный брат... мой и Тиметта. Он из шатра у озера.

— То есть он бастард вождя?

— Что такое бастард? — округлила глаза Грай.

— Ну, это если родители не женаты перед богами, — пояснил Роберт, потом подумал и удивлённо воскликнул: — Получается, все дети из шатра у озера бастарды?!

— У нас нет такого, — покачала она головой. — Мы все дети клана, и все равны. Но если кто-то из родителей не Обгорелый по рождению, их ребёнок не может стать верховным вождём.

— Даже Красная Рука?

— Даже он, — подтвердила Грай. — Отец женился на маме по законам клана, но она не Обгорелая. Мне кажется, Тиметт думает, что из-за этого все считают его слабым. И он постоянно доказывает, что это не так. Знаешь, как он стал военным командиром? Он выжег себе глаз.

— Сам?! — Роберт не верил.

Грай кивнула.

— Когда ребятам исполняется шестнадцать, они приносят дар Огненной ведьме. Сжигают на огне часть своего тела. И тогда становятся мужчинами. Обычно все выбирают какой-нибудь палец на руке, но Тиметт раскалил нож и ткнул себя в глаз.

Роберт содрогнулся, представив себе ощущения человека с куском раскалённого металла в глазнице. Его замутило.

— Давай, я отнесу воду, заберу свои вещи и вернусь, — сказал он, прекращая жуткий разговор. — Подождёшь меня? У меня есть для тебя подарок...

— Правда? И что это? — спросила Грай с любопытством.

— Увидишь, — загадочно ответил Роберт.

Когда он вернулся с тем самым кожаным мешком, который Грай накануне собирала ему в дорогу, она уже подпрыгивала от нетерпения. Роберт развязал тесёмки и достал завёрнутые в холст небольшое зеркало в резной серебряной оправе с витой ручкой и серебряный гребень для волос, украшенный красными камнями.

— Вот, это тебе, — сказал он.

Грай непонимающе смотрела на изящные вещицы.

— Что это? Зеркало? — спросила она. — Зачем мне оно? И это мне тоже ни к чему...

— Ну это же волосы расчёсывать, — обескураженно сказал Роберт. Он уже понял, что с подарком не угодил. — У моей мамы такой был. Она любила садиться перед зеркалом и расчёсывать свои длинные волосы... Я думал, все женщины любят...

— Любой девушке из низины понравились бы эти безделушки. Но мне они не нужны... Меня засмеют.

— У меня есть кое-что ещё, — несчастным голосом сказал он. — Но это ещё хуже.

Роберт снова полез в котомку, и Грай взвизгнула, увидев, что он достал.

— Это не книга, — остудил он её, протягивая красивый кожаный том, что принёс накануне из похода. — Я тоже думал, что это какая-нибудь книга, потому и взял. — Он поднял застёжку, открыл и показал чистые страницы. — Только сегодня утром я увидел, что она пустая. Наверное, мастер Белмороз заказал себе книгу для записей, чтобы заносить

сюда всякие важные события их дома.

Грай снова взвизгнула, подпрыгнула и повисла у Роберта на шее. А потом поцеловала в щёку.

— Спасибо! — прошептала она, прижавшись к нему.

— Тебе нравится? — удивлённо спросил он, когда Грай его отпустила. — Но зачем это тебе?

— Ты ведь мой друг, Роберт, правда?

— Ну да.

— Обещай, что никому-никому не скажешь...

— Обещаю.

— Поклянись...

— Клянусь.

— Пойдём со мной, я тебе кое-что покажу. — Грай схватила Роберта за руку и потянула за собой.

В дом вождя он заходил с опаской.

— Не бойся, проходи. Отец с Тиметтом и остальными пошли на ту сторону ущелья проверить лошадей. Они не скоро вернутся, — успокоила его Грай.

Зайдя внутрь, Роберт с интересом осмотрелся. Большую часть помещения занимала внушительная кровать, настоящее королевское ложе — широкое, с резным изголовьем, устеленное свисающими до самого пола мохнатыми шкурами. На утыканных крюками и недлинными металлическими кольями стенах висели боевые топоры и молоты, копья, несчётное количество мечей, два кинжала из валирийской стали и необычный кривой меч с золотой рукоятью. В углу у очага стоял стол из спила огромного дерева и похожий на трон стул.

Грай завела Роберта в свой закуток за занавеской из толстого сукна, вытащила из-под топчана небольшой деревянный ящик и открыла его.

— Смотри, — сказала она, протягивая ему тонкие берёзовые дощечки размером с две ладони. На дощечках были мастерски нарисованы картинки: дева с длинными светлыми волосами в платье-кольчуге и с мечом в руке, рыцарь в резных доспехах, летящий дракон с вырывающимся из пасти пламенем.

— Как красиво, — прошептал Роберт. — Это ты сама рисовала?

— Да. Перерисовывала с книжек или выдумывала. Знаешь, о чём я мечтаю? Рисовать картинки в книжках. Много-много картинок. Чтобы люди не только читали, но и смотрели, какая была Висенья, какой была Вхагар, как сражаются мужчины на мечах, как они охотятся, а потом готовят добычу на костре...

— Но это же здорово! — Роберт перебирал дощечки, зачарованно рассматривая парящих в облаках драконов, изумрудные луга и покрытые мерцающим снегом остроконечные горные вершины вдали, плывущие по волнам изящные галеи и небольшие каракки. — У нас дома очень много книг. Там иногда встречаются картинки... но такого я никогда не видел.

— А ещё я хочу записывать всякие истории, — азартно продолжала Грай. — Про Первых людей, про Огненную ведьму. Силдж иногда нам рассказывает. Хочу писать про свой клан, про наши традиции. Как мой отец бился за маму, а брат ходил в низину, побывал в большом городе Королевская Гавань и видел там огромный Красный Замок и взрослого мужчину размером с ребёнка, которого звали Полумуж.

— Ну, теперь у тебя есть, куда это всё записывать, — кивнул на фолиант Роберт. У него отлегло от сердца, хотя всё-таки что-то было не так. — Но ты будто бы не очень рада? И почему ты просила никому не говорить?

— Потому что это нехорошо, понимаешь?

— Не очень...

— Здесь все должны приносить пользу, Роберт. Бездельничать нельзя, даже если ты девчонка. Это ваши леди могут целыми днями рисовать картинки и глядеться в зеркало. А я должна помогать по хозяйству или тренироваться... или тренировать других. Я хороший охотник, и я уже много что умею — разделять зверя, еду готовить и шить одежду из шкур.

Роберта уже тошнило от упоминаний о пользе.

— Но ты дочь вождя! Кто посмеет тебя ругать? — Он искренне не понимал.

— Я убила своего первого оленя, когда мне было девять. Это был самый счастливый день в моей жизни. Потому что в тот день отец гордился мной. Но я знаю, он боится за меня. Он потому и оставил меня в своём доме, не отпустил в шатёр к девочкам. Он и за маму всегда боялся. Тиметт говорит, что я мечтательница... как мама. И что это гораздо хуже, чем если бы я родилась с одной рукой.

Грай убрала рисунки и книгу в ящик и задвинула его под топчан. На Роберта она не смотрела, её щёки порозовели от смущения.

— Отец боится, что меня никто не возьмёт замуж... Он не будет меня ругать, если увидит, что я верчусь перед зеркалом... но я знаю, он огорчится. А я хочу, чтобы он гордился мной. И чтобы Тиметт тоже гордился. Закопай гребень и зеркало где-нибудь в лесу.

Торстен нравился Роберту. Неторопливый и невозмутимый в повседневной жизни, на тренировках тот становился проворным и стремительным, а в бою почти таким же бешеным, как Красная Рука. Но, в отличие от Сверра, погибшего Гвена и того же Тиметта, он никогда не обижал тех, кто меньше него, и не насмехался над теми, у кого не сразу получалось попасть из лука в цель или удержать меч.

Иногда Роберт, возвращаясь от ручья с полными вёдрами, проходил мимо поляны, на которой упражнялись юные Обгорелые, и останавливался посмотреть. Торстен, ловко уворачиваясь от тренировочных ножей и кинжалов, не скупился на похвалы напарникам и подбадривал других, а порой позволял младшему взять над собой верх. Но когда Грай спросила, не хочет ли он заниматься с ребятами, то Роберт помотал головой, убеждённый, что ему никогда не сравняться с ними в мастерстве. А увидев, как при нападении на обоз пятнадцатилетние парни сражались наравне со взрослыми, и вовсе загрустил.

С сегодняшнего дня Роберту предстояло не только тренироваться с ними, но и спать под одной крышей, вместе есть, обсуждать текущие дела, шутить и спорить, отстаивать своё мнение, ходить на охоту и грабить путников. Он должен наконец научиться владеть мечом, защищаться и нападать. И убивать.

— Здесь покамест спать будешь, ага, — показал на дальний угол Торстен. Он и говорил так же основательно и неспешно, как и ходил.

Роберт ещё ни разу не бывал ни в одном из шатров и теперь оглядывался с не меньшим любопытством, чем до этого в доме вождя. С левой стороны, начиная от входа и далее по периметру, стояли двухуровневые топчаны, сколоченные из небольших грубо обтёсанных брёвен. Там спали подростки. Выстланный шкурами пол заканчивался общей лежанкой для малышей, как раз в том углу, куда Роберту указали. Чуть в стороне от центрального опорного

столба слабо тлел очаг, который окружали низенькие скамейки из брёвен пошире.

— Скоро День Посвящения, — сказал Торстен. — Мы со Сверром и Олом уйдём в шатёр к старшим, и кровати освободятся. Тогда и переберёшься от мелкотни, ага. А пока здесь я старшой, мне подчиняются все, и ты тоже. Ясно?

— То есть Улрике больше мной не командует? — хмыкнул Роберт.

— Опося меня, — не поддержал шутку Торстен, шмыгнув носом. — Сначала ты делаешь, что скажет вождь, потом Одноглазый Тиметт, и потом я. До обеда мы тренируемся. Это если не идём на охоту. После обеда дела клана, ага. Все по очереди работаем в кузне... помогаем Ульфу в коптильне... мелкотня ходит за хворостом. Надо, чтоб сарай всегда был полон дров. За этим следит Ол, но дрова заготавливают все. Дагфинн учит делать рукоятки для ножей и кинжалов, вытачивать древки для копий и приделывать потом наконечники, которые сделал Смэд. Эша покажет, как выделывать шкуры... Как у тебя с этим?

— Пока не очень, — признался Роберт. — Я пробовал, но у меня не получается их зачищать. Постоянно дырявлю...

— Эша лучше всех шкуры выделывает. Любые — от мышинных до сумеречного кота, ага. Сходишь к ней. Она покажет и расскажет. Всего один раз, так что просто смотри и слушай. И запоминай.

— Хорошо. А что с лошадьми, за ними мы тоже ходим? — вспомнил Роберт слова Грай.

Торстен одобрительно кивнул, показав, что этот вопрос ему больше по душе, чем предыдущий.

— Те коняки, которых мы приводим снизу, идут в котёл. Они негодные для гор, ага. Наши меньше и лучше для езды по снегу и лесу. Они за озером пасутся свободно, но изгородь всё равно есть. Их там ещё и собаки охраняют, но иногда сумеречные коты всё равно утаскивают жеребят. Надо обходить ущелье, проверять изгородь и чинить. — Торстен помолчал, тяжело вздохнул, с непривычки от слишком длинной речи, а потом неожиданно ухмыльнулся: — Но самое лучшее дежурство, это когда надо идти в шатёр у озера. Там иногда нужна мужская сила. Очаг подновить, опорный столб поправить, или там дров наколоть, ножи поточить. У них кормят вкусно, а иногда перепадает что-нибудь и послаще, ага... Ты меня понимаешь? — подмигнул он, сделав руками и бёдрами движение, понятное и суровому северянину, и страстному дорнийцу.

— Врёшь... — не поверил Роберт, поздно спохватившись, что может получить в ухо за такое непочтение.

— Клянусь сиськами Огненной ведьмы! — пылко воскликнул Торстен, не обратив внимания на малозначительное. — Гвену несколько раз перепадало, и мне как-то повезло... А ты был с женщиной?

Роберт нехотя кивнул — он не любил вспоминать об этом.

— Ха, точно! — хмыкнул Торстен. — Тебя ведь из борделя забрали! Ладно, пошли на поляну, надо проверить, на что ты годен. По дороге расскажешь про бордель. Хаген хвастался, как они ходили в бордели в Королевской Гавани. Говорил, девки там огонь! И что называются они шлюхи. Они такое вытворяют, что и представить неловко... Кстати, никогда больше не заходи в дом вождя, если он тебя сам не позвал...

Роберт запыхался, отбиваясь от Торстена коротким лёгким мечом. Сначала он стрелял из лука по набитым сухой травой мешкам, и если стоя у него неплохо выходило, то на бегу, в кувырке, с колена всё обстояло гораздо скромнее. Затем они скрестили боевые копья, и звонкий деревянный перестук собрал целую толпу зрителей, которые одобрительно гудели,

когда Роберт очередной раз получал дровком то под колено, то в грудь. Рукопашная тоже длилась недолго — Торстен уложил его на спину, прижав горло локтем, за считанные секунды. Но тоскливее всего Роберту стало от того, как обстояли дела с мечом.

— Я безнадежен? — спросил он, прекрасно понимая, что выглядит жалко.

— Безнадежных не бывает, — веско сказал Торстен. — Надо, чтобы Ивер глянул на тебя.

— Зачем? И почему Ивер?

Единственный пожилой Обгорелый, которого Роберт видел, жил отшельником где-то в предгорье. Он собирал травы и разные корешки, сушил их, а потом приносил Силдж. Слушал её новый заказ, выпивал с мужчинами у костра кружку перебродившего берёзового сока за неспешным разговором, балагурил с женщинами, и опять уходил до следующего раза.

— Когда-то Ивер тренировал молодых, — сказал Торстен. — Сейчас уже нет, но, небось, глянуть тебя не откажется. Он пришёл сюда из-за Узкого моря... давно ещё, ага... У себя на родине, в Дотракийских степях, он пожелал жену своего вождя... и бежал, чтобы его не убили. Он много, где побывал, а потом к нам прибился... да так и остался.

— Он дотракиец? — удивился Роберт. Неприязнь, шедшую откуда-то из детства, из брезгливых рассказов редких гостей, пересилило обычное любопытство, и он спросил: — А правду говорят, что дотракийцы... ну, не только с женщинами?

— Что они на лошадей своих забираются? Я тоже такое слышал... Но ты лучше у Ивера не спрашивай. Не смотри, что он старый. Порубит тебя на мелкие кусочки, и пикнуть не успеешь.

— А почему он живёт не здесь... ну... не со всеми?

— Обгорелые вольный народ. Почти все мужчины, когда стареют, уходят. Редко, кто остаётся. Придёт время, я тоже уйду, ага... не хочу быть обузой для клана. Ивер был с Тиметтом на последней войне, а когда вернулся, решил жить один... Это Ивер говорит, что безнадежных не бывает. Он говорит, что у любого человека есть какой-нибудь талант, надо только его увидеть.

— Так прям и у любого? — с недоверием спросил Роберт.

Торстен почесал вихрастую голову и пожевал губами.

— Был у нас парень один, Мадс его звали. Худой и хилый... прям как ты, — начал он неторопливо. — И не получалось у него мечом биться. Он и по ночам тренировался, а никак не выходило... Даже хотел в костёр броситься, отдать себя Огненной ведьме. Ивер как-то смотрел, как тот мается, и говорит: «Меч не твоё оружие, ножи — твоё». А ихний старший мастер Элуф и отвечает: «Настоящий мужчина должен уметь сражаться любым оружием, иначе он никуда не годный». На что Ивер говорит: «Это наставник никуда не годный, раз не может дар своего ученика разглядеть. Кто-то может любым оружием биться, а есть такие, кому лишь одно оружие богами предназначено, но зато лучше него никого в целом свете нет». Повздорили они тогда страшно, а потом об заклад побились. Ивер стал обучать Мадса, и затем выставил его против троих лучших учеников Элуфа. Так и сказал ему: «Троих давай!» А мастер Элуф и доволен. Хаген, евонный сынок, уже тогда так махал молотом, деревья в труху разбивал, даром что ему всего пятнадцать было. Ну, и ещё двоих он таких же выбрал — один с мечом, второй с топором. Оружие всё тренировочное, убить им не убьёшь, но если хорошенько приложиться, то мало не покажется. А у Мадса два ножа деревянных, ага. Вымазали, значит, они своё оружие сажей, чтоб видно было, если кто задел противника. Окружили эти великаны Мадса с его деревяшками... Элуф довольно ржёт, что твой конь,

остальные плечами пожимают...

Торстен остановился и надолго задумался, вспоминая, улыбаясь своим мыслям. В его взгляде читался щенячий восторг, когда он снова заговорил.

— Знаешь, Роберт, я тогда мелкий был, только-только в шатёр к ребятам от мамки перешёл, но я до сих помню тот бой. Мадс был похож на ветер, я даже не мог рассмотреть его лица. Он кружился вокруг них, только руки мелькали — то по одному чиркнет, то по другому. Те машут своими молотами да топорами, умаялись уже совсем. А Мадс только смеётся — то подпрыгнет и оставит метку на плече или на шее, то крутанётся и брюхо наискось расчертит, а потом упадёт, по земле перекатится и на срамном месте крестик с двух рук нарисует. А на самом ни единой чёрной отметины не было! Погиб он пару лет назад. Тоже с нашими ходил в низину за золотом, и сгинул...

— Так ты думаешь, и у меня есть какой-нибудь талант? — спросил Роберт с сомнением. Торстен пожал плечами.

— Я не знаю. Ты вёрткий, как белка, и когда дерёшься, становишься злобным, как хорёк, — сказал он одобрительно, и Роберт вдруг почувствовал признательность за такую незамысловатую похвалу. — Мне ты напоминаешь Шелу, старшую из шатра девчонок. Вон она, у стойки с оружием, которая самая высокая, — кивнул Торстен на группу девушек.

Шела, с карими глазами и копной смоляных кудрей, рослая для своих лет, чью стройность и гибкость не могла скрыть даже мешковатая одежда Обгорелых, переговаривалась с подружками, время от времени поглядывая в их сторону. Но когда Роберт приветливо ей кивнул, она презрительно поджала губы и отвернулась.

— Я похож на девчонку? — обескураженно пробормотал он.

— Вы в бою двигаетесь одинаково, — успокаивающе прогудел Торстен. — Может, ты и с мечом сладишь, но я думаю, тебе нужно что-то полегче. Ивер точно скажет. А пока, если хочешь, Шела позанимается с тобой. Это полезно, когда у напарников манера сражаться похожая. Только не думай, что с девчонкой стыдно тренироваться... У нас все равны.

— Я не думаю, — поспешил уверить его Роберт. — Меня ведь Грай начинала учить, а она не только девчонка, но ещё и младше меня. Но захочет ли сама Шела? — неуверенно пробормотал он, с замиранием сердца продолжая разглядывать черноокую гордячку, и желая, чтобы она подошла к ним и заговорила.

Однако когда Торстен окликнул её, у Роберта тоскливо засосало где-то между рёбер, и он с трудом удержался, чтобы не сбежать.

— Это Шела, — представил девушку Торстен и затем кивнул ей: — Роберт просит, чтобы ты тренировала его. Сказал, что видел, как ты занимаешься, и что ты самая лучшая. Что скажешь?

— Я это и без него знаю, — фыркнула та, окидывая онемевшего Роберта насмешливым взглядом. — Но я-то чем провинилась, чтобы меня наказывать таким учеником?

Их окружили другие девушки и парни. Они смотрели проверку Роберта и теперь с интересом прислушивались к разговору, посмеиваясь после слов Шелы.

— А-ха-ха, лордёнш, — расхохотался подошедший Сверр, — тебя будет учить девчонка.

Младшие с готовностью поддержали его, захихикали, и Роберт понял, что далеко не все разделяют мнение Торстена о равенстве.

— Лучше она, чем ты, — хмыкнул он.

— Это почему? — насторожился Сверр.

— От неё пахнет хорошо, не то что от тебя.

Теперь загоготали все парни — Свепр частенько портил воздух, и Роберт не раз слышал, как во время тренировок старшие ребята шутили по этому поводу.

— Ну что? — спросил Торстен у Шелы. — Возьмёшься?

— Хорошо, — кивнула она и потом строго глянула на Роберта: — Завтра, сразу после восхода. Не опаздывай, лордёнш.

У Роберта сладко заныло где-то в груди.

Арт: Елена Попова.

Глава 7. Роберт защищает и шутит

— Тебе нравится Шела? Она ведь красивая, правда?

Роберт и Грай лежали в траве, рассматривая тёмно-синее вечернее небо. Он всё ещё не мог отдышаться, она счастливо улыбалась.

После обеда, когда заканчивались тренировки, Грай иногда уводила своего друга в лес, показывала звериные тропы, учила ориентироваться. А сегодня завела почти за полторы лиги от поселения и оставила одного — до захода солнца он должен был вернуться самостоятельно. Роберт сбился с дороги, немного поплутал, поэтому торопился, вышел к лагерю с другой стороны, но Грай всё равно радовалась, что он справился. Весь путь она бежала поодаль, прячась за деревьями и камнями, несколько раз порывалась выйти и помочь, когда Роберт останавливался, растерянно оглядываясь вокруг, неожиданно разворачивался и ломился сквозь кусты в неверном направлении. Но удерживалась и была вознаграждена — в конце концов он сумел сам!

Красивая ли Шела, сказать с ходу Роберт не мог — он никогда раньше не задумывался о красоте женщин. На некоторых просто было приятно смотреть. Например, на его мать. Лиза Аррен в свои годы, после всех перенесённых потерь и потрясений всё ещё выглядела привлекательно и вызывала интерес у мужчин. Бриенну Тарт он никогда не воспринимал как женщину и помнил лишь её нескладность и большие руки. И точно знал, что не существует никого безобразней Хджордис. Но Шела...

На тренировках она была с ним очень сурова, ни в чём не давала спуску. Во время боя становилась сосредоточенной и так плотно сжимала губы, что они превращались в тонкую полоску, а когда прикладывала усилия, то рот приоткрывался, и Роберт видел её оскал, слышал утробное злое рычание и не верил Торстену, что в такие минуты похож на неё.

Шела кидала его на траву снова и снова, ловко подсекая под голень, молниеносно подныривая под занесённую руку и, увернувшись от, казалось бы, неминуемого удара, хватала за ту самую руку и перекидывала через бедро с такой лёгкостью, словно он был мешком с сеном. А один раз запрыгнула на него с разбегу и, обхватив талию ногами и вцепившись руками в ворот, врезала лбом в лицо, а потом саданула пятками под колени — и он рухнул, как подрубленное дерево, пребольно приложившись затылком о землю, будто разбитых губ и носа было недостаточно.

Но третьего дня Роберт наконец-то уложил Шелу на спину, навалился на неё всей массой, что она дёрнуться не могла, и приставил к горлу тупой нож. Секундное подозрение — не поддалась ли Шела ему — мгновенно развеялось, как только он заглянул в её потемневшие от ярости глаза. А потом всё испортил — двинул чуть заметно бёдрами навстречу, чтобы плотнее прижать поверженную противницу к земле и закрепить свою победу. И почти задохнулся от невыносимого томления в паху. Зрачки Шелы удивлённо расширились, щёки полыхнули пунцовым. А он смотрел и не мог отвести взгляд, замороженно наблюдая, как капельки пота с её лба и висков стекают вниз по шее, поблёскивают в ложбинке грудей. Его хватка ослабла, и Шела воспользовалась моментом, высвободила одну руку и стукнула ему кулаком в нос со всей силы, а потом скинула с себя.

— Я всё равно сильнее тебя, лордёнш! — зло бросила она ему, пытаясь выровнять дыхание.

Роберт сидел на траве, утирая кровавые сопли и с трудом улыбаясь разбитыми губами.

— Так ты и красивее меня, — попытался он перевести всё в шутку.

Шела открыла рот, чтобы сказать что-нибудь ещё, но замерла, задумалась и, так и не найдя достойного ответа, сердито нахмурилась.

— Лесть не спасёт тебя... лордёнш, — всё же процедила она напоследок, прежде чем развернуться и покинуть поляну.

— Меня Роберт зовут, — кинул он в удаляющуюся спину. А ночью ворочался на своей лежанке, не в силах отогнать непотребные мысли и представляя Шелу без рубашки, стоящую перед ним на коленях. Воображал, как она развязывает шнурок на его штанах и потом делает все те постыдные, но такие невероятно приятные вещи, какие делали шлюхи в том борделе. Роберт так растревожился, так жалостно завздыхал и засопел, что кто-то из старших ребят не выдержал и прикрикнул: «Эй! Хватит уже копошиться, надоели... спите давайте...» С трудом он унял разгуляющуюся фантазию и уснул.

— Так ты думаешь, Шела красивая? — продолжала допытываться Грай.

— Очень, — сказал Роберт честно и тут же охнул от маленького острого кулачка, врезавшегося ему в бок. — Ой! За что? — воскликнул он и сел.

— Вот и иди к ней... — Губы Грай дрожали от обиды.

— О чём ты? — ошарашенный услышанным спросил Роберт.

— Ты говорил, что ты мой друг... Я первая с тобой стала дружить, когда никто не хотел. Все смеялись над тобой... А теперь ты только с ними...

— погоди, Грай... — Роберт попытался взять её за руки, но она спрятала их за спину, и он не стал настаивать. — Мы можем дружить все вместе: ты и я, и все ребята, и Шела, и другие девчонки... Почему ты на тренировки никогда не приходишь? Почему ты не с другими девушками?

Грай сникла так же быстро, как до этого вспыхнула. Уголки её губ опустились вниз, а в глазах заблестели слёзы.

— Так получилось, — по-детски шмыгнула она носом. — Когда мама была жива, мы всё делали вместе. Нам никто не был нужен. А когда она умерла, я осталась совсем одна. Я знаю, отец любит меня, но он всё время занят. Тиметт учил меня стрелять из лука... и ещё много чему учил, но потом он ушёл на войну... А тренировки мне не нужны, я же не воин. Я умею охотиться, но не сражаться... Не то, что Шела. Она всё умеет.

— Мне жаль твою маму. Ты скучаешь по ней? — Сам Роберт до сих пор с грустью вспоминал Петира Бейлиша.

— Мне её не хватает...

— Почему она умерла?

— Силдж сказала, от зимней лихорадки. Но я знаю — это от тоски. Она так и не привыкла здесь жить, и всегда была очень печальная. Хотя отец старался всё делать для неё. Вы думаете, что мы жестокие дикари, но он любил её. И никогда не обижал. А она всё равно грустила по своему дому и мечтала вернуться...

Никто не мог понять этого лучше Роберта. Робкая надежда на освобождение сменялась у него покорной обречённостью, но и тогда он не переставал мечтать, как вернётся домой. И уж чего Роберт делать не собирался никогда, так это умирать от тоски. Тем более после недавнего разговора с Ивером.

— Знаешь... я благодарен тебе, Грай. Правда! За всё, что ты сделала для меня, — сказал он ей осторожно и в подтверждение кивнул, видя, как она озадаченно на него уставилась: — Если бы не ты, я бы уже сто раз умер. Но... — Он замолчал, подбирая слова, не желая

обидеть или как-то задеть её, но затем решился и словно с обрыва кинулся: — Я больше не хочу быть ручной обезьянкой любимой дочери вождя...

Грай удивлённо вскинулась и отпрянула, словно её ударили.

— Роберт! — воскликнула она с упрёком, и слёзы всё же не удержались, побежали по щекам. — Почему ты сегодня такой злой? Зачем ты так говоришь?

— Прости... я хотел сказать, что больше не смогу проводить время только с тобой. Не обижайся, но теперь я буду очень занят... — Он перевёл дух и твёрдо сказал: — Шела очень красивая. Но это ничего не значит. Главное, что мне есть чему поучиться у неё.

Ивер согласился посмотреть на тренировку. После чего сказал, что биться молотом или топором Роберт никогда не сможет. Не говоря уже о двуручном мече. И чтобы управиться с полуторником, придётся сильно постараться. Хотя и в этом случае он не поставит на сносный результат и гнилую шкурку хорька. Но пообещал, что посмотрит в старом сарае, где свален всякий хлам, какой-то древний кривой меч.

— Сейчас Торстен тренирует меня коротким мечом, — сказал Роберт после небольшой паузы. — А когда я стреляю из лука, Ол всегда рядом, он советует и поправляет меня. И ещё он учит меня ездить на лошади...

Грай слушала внимательно, так и не подняв головы. Она не понимала, что сделала не так, и почему Роберт отказывается от её дружбы. Он на миг остановился, взял её ладони в свои и дождался, пока она посмотрит на него.

— Я научусь драться, как Шела, биться мечом, как Торстен, и бросать копьё даже с лошади, как Ол, — решительно сказал он, глядя ей в глаза. — Я возьму от них всё самое лучшее, что они умеют... всё, что смогу. И ещё я попрошу Ивера заниматься со мной. — Придёт день, когда всё это ему пригодится, и он должен быть готов. Но сегодня Роберт решил не рассказывать об этом своей подружке. Он виновато улыбнулся: — У меня больше не будет времени, чтобы гулять с тобой, Грай. Но если хочешь, ты можешь быть рядом... но только рядом, а не впереди. Я больше никогда не буду прятаться за твою спину.

Разговор с Ивером стал для Роберта откровением — в течение нескольких дней он потом ходил, словно оглушённый. Дотракиец оказался неожиданно спокойным и рассудительным, Роберт представлял себе этих дикарей совсем другими. Однако всё же не отважился спросить про лошадей. Может, потому что для старика Ивер слишком проворно махал топором. А может, потому что Роберта гораздо больше интересовал другой вопрос.

— Вы когда-нибудь хотели вернуться домой? — спросил он его после того, как они обсудили подходящее оружие. Ему не верилось, что возможно иное.

— Раньше нет, — рассеянно пожал плечами Ивер, срезая ножом грязные ногти. — А теперь поздно. Нищего старика за простое спасибо никто не возьмёт на борт и за Узкое море не переправит... Перед смертью, конечно, хотелось бы ещё раз увидеть степь. Ваши горы очень красивые, но ничто не сравнится с бескрайней зеленью Дотракийского моря. Оно даже лучше настоящего, которое с ядовитой водой. — Ивер отвёл взгляд от своих рук, задумался, и далее уже говорил, словно сам с собой: — Трава там густая и такая высокая, что иногда скрывает всадника с головой... Ветер её колышет, клонит к земле, и кажется, будто плещутся волны. — Он дёрнул кустистой бровью, чуть помолчал и насмешливо посмотрел на Роберта чёрными, чуть выпуклыми глазами: — А что насчёт тебя, маленький лорд? Хочешь вернуться?

Роберт смог только молча кивнуть — Бриенна часто называла его маленьким лордом, и

от воспоминаний об этом непрошенные слёзы внезапно сдавили горло, мешая говорить.

— Тогда для начала тебе придётся убить свою надежду, — сказал Ивер что-то совершенно непонятное серьёзным, даже торжественным тоном.

— О чём вы? — растерялся Роберт. И немного встревожился, ведь надежда — единственное, что помогало ему не сойти с ума. Зачем же её убивать?

— Ты же до сих пор надеешься, что когда-нибудь сюда придут твои рыцари и спасут тебя? Верно? — И когда Роберт снова лишь настороженно кивнул, безжалостно отрезал: — Не придут. Они уже почти не ищут тебя... Так что убей надежду, парень.

Роберт не понимал.

— Я... я не могу, — прошептал он упрямо, а потом глянул на говорящего загадками отшельника и спросил с отчаянием: — Как же я буду жить без надежды?

Ивер с ответом не спешил, рассматривал его внимательно, пытаясь увидеть что-то ведомое ему одному.

— Надежда делает тебя слабым, — наконец сказал он. — А когда надежды не станет, исчезнет и страх. И сила появится...

— И... зачем... зачем мне это, если я никогда больше не увижу свой дом?! — Роберт был окончательно сбит с толку.

Ивер снова надолго замолчал, занявшись своими руками — вычищал ножом из-под ногтей оставшуюся грязь. А когда поднял голову и заговорил, в его глазах снова читалась насмешка.

— Ты можешь и дальше жить здесь пленником и скрести котлы, — сказал он. — А можешь стать членом клана, равным Хагену, Ульфю и даже Одноглазому Тиметту... если захочешь. Выбирать тебе. Обгорелые — свободные люди. Обгорелый может идти куда угодно. Никто не запретит ему покинуть клан, если он захочет уйти. — Ивер дождался, пока сказанное дойдёт до сознания потрясённого Роберта, и лишь после этого закончил: — Но право стать Обгорелым нужно заслужить! Обгорелый никогда не будет жить в доме со старухами. Он не прячется за женщин. И не проигрывает женщине, даже если она красивая и сильная! Таких он кладёт под себя, чтоб слаще спалось.

— Она очень сильная... — выдохнул Роберт. Он не мог поверить в то, что слышал.

— Не сильнее тебя. Но у неё есть желание победить. А у тебя нет. Убей свою надежду, парень... Никто не придёт за тобой.

На следующем занятии Роберт впервые взял над Шелой верх — уложил на спину и приставил тренировочный нож к её красивой шее. А потом сказал Грай, что отныне не станет за неё прятаться.

Однако говорить всегда легче, чем делать. Прекратить пользоваться покровительством и заступничеством любимицы вождя, перестать нырять за её спину при малейшей опасности оказалось очень непросто. А уж самому встать на защиту Грай — да не от кого-нибудь, а от грозного Тиметта-Красной Руки — было страшно до усрачки. Роберт, шагая вечером к общему костру, почти жалел, что уговорил её почитать парням свою первую историю. «Не бойся, — сказал он ей накануне легкомысленно. — Вот увидишь, им понравится. Мне же понравилось». Им и правда понравилось — история получилась живая и интересная, совершенно не похожая на написанные старыми мастерами заунывные сказания, которые Роберту читали в детстве.

Грай сначала стеснялась, зайдя в шатёр, да и ребята посмеивались, но когда все расселись вокруг очага на низенькие скамейки, а она открыла большой кожаный том и

зачитала: «Как Тиметт, сын Тиметта, военный вождь Обгорелых, самого сильного и храброго клана в Лунных горах, ходил на войну», то смешки сразу стихли, в глазах засияло любопытство, а потом и восторг. Она читала — с выражением, с чувством, с многозначительными паузами и эффектными восклицаниями, — как Тиметт вместе со своими воинами и другими горными кланами сражался в далёких южных землях на широкой реке Зеленый Зубец, и как больше половины войска горцев тогда погибло. Но зато после боя Обгорелые вволю пограбили, а затем десница короля Тирион Ланнистер взял их себе для охраны, потому что они из всех кланов самые лучшие. Десница ростом невелик, даже пояс Тиметту не достаёт, но, без сомнения, знает магию, или у него есть сильный оберег, потому что как иначе он выжил в той битве, где многие неустрашимые Обгорелые погибли? А Тиметт выжил без всяких оберегов, просто потому, что он смелый и сильный, и может побить десятки врагов одной рукой.

Когда Грай замолчала и закрыла книгу, робко отводя взгляд в опасении насмешек, её попросили повторить, а потом малыши наперебой стали уговаривать прочитать ещё раз. Но закончилось всё печально — в шатёр зашёл Красная Рука и приказал сестре идти к себе. «Может, ты скоро и песни начнёшь распевать вместо того, чтобы охотиться?» — свирепо шикнул он на неё. И она не осмелилась спорить, торопливо убежала из шатра, глотая слёзы. На следующий день Роберт встретил Грай только после обеда. Оказалось, дома Тиметт приказал ей кинуть книгу в костёр и оставить свою глупую затею с писаниной. Грай, проревевшая полночи, снова расплакалась, уткнувшись Роберту в грудь мокрым носом.

Идти против Одноглазого Тиметта Роберту не хотелось совершенно, но очень уж ему было жаль, если Грай лишится своей мечты. Да и свою вину в случившемся он признавал. Поэтому поспешно шёл к общему костру, чтобы успеть обратиться к вождю, пока не случилось непоправимое. Каждый вечер после ужина вождь племени принимал челобитчиков — любой член клана мог обратиться с просьбой или жалобой: делили оружие, женщин, награбленное добро, разрешали обиды и тяжбы. Роберт надеялся, что ему позволят высказаться.

— О, лордёнщ, любитель старух! Тебе чего надо? — спросил Хаген, и Обгорелые засмеялись.

— Мне нужен вождь, — сказал Роберт.

Обгорелые разглядывали его — кто с любопытством, кто насмешливо, а кто и с явной враждебностью. Отсветы костра бликовали на лезвиях топоров и мечей, выхватывали из сгущающихся сумерек суровые лица, лохматые головы, обугленные пальцы. Никто из воинов не улыбнулся Роберту приветливо или ободряюще. Он не был одним из них — его здесь не ждали, ему не были рады. Странной прихотью вождя допущенный разделить еду и кров с молодой порослью клана, он оставался для всех чужаком и пленником, и вызывал лишь пренебрежение, испытывая их терпение своим присутствием.

— Проваливай, — двинулся на него Красная Рука, но потом остановился на еле уловимый звук из-за спины и оглянулся. Вождь кивнул, и ему пришлось отойти в сторону, с неприязнью осматривая нежеланного просителя.

— Чего ты хочешь, мальчик? — спросил Тиметт-старший. Такой же здоровый, как сын, косматый и угрюмый, с двумя почти до половины сожжёнными пальцами на левой руке, он наводил на Роберта не меньший ужас, чем Красная Рука или Хаген.

— Грай плачет, — ответил Роберт беспомощно. И растерялся ещё больше, услышав смешки, и поняв, что сказал глупость. Поэтому заторопился, пока его не прогнали: — Она

написала историю. Прямо в книгу написала, по-настоящему... Но Красная Рука сказал, что это вздор, и книгу нужно сжечь. Можно, она оставит её? Пожалуйста... — Он старался не смотреть на могучую фигуру в меховом плаще, стоящую сбоку от огромного чурбака-кресла вождя.

— Она Обгорелая. Не дело ей пустяками заниматься. Её будущий муж мне за это спасибо не скажет. От каждого здесь в горах мы ждём пользы. — Голос вождя звучал спокойно, почти доброжелательно.

— Это не пустяки, милорд, — горячо возразил Роберт, шагнув ближе. — То, что Грай делает, приносит очень большую пользу... — Теперь Обгорелые захохотали громко, потешаясь над безмозглостью отпрыска этих гнусных и подлых андалов. Но Роберт не сбился, тоже повысил голос, указывая рукой на виновника спора: — Она написала про него, про Тиметта... как храбро он сражался в низине... как Обгорелые храбро сражались и гибли. Все знают, что Тиметт очень храбрый и сильный, многие видели своими глазами... Я тоже один раз видел. Но младшие не видели, они только слышали ваши рассказы... А рассказывать вы не умеете, скажу я вам по секрету. Плохо вы рассказываете, вот что! А она умеет! Так умеет, словно сам на поле боя находишься и всё видишь. Вот как она рассказывает! И знаете, что было потом, милорд? Утром, когда мы пошли на поляну? Сеок сказал, что сделает не три подхода, как обычно, а пять. Потому что хочет стать, как Тиметт. И малыш Дюк тоже так сказал. И толстый Свон, и кривоносый Вилфред, и Тове, и другие ребята. Мы все занимались дольше и усерднее, чем вчера... Потому что все хотят стать, как Тиметт. А Сверр сказал, что наступит день, и он прославит клан Обгорелых, и Грай обязательно захочет написать про его подвиги в свою книгу. Вот так-то, милорд!

Дыхание Роберта сбилось до хрипа. Обгорелые больше не смеялись, выжидающе смотрели на вождя.

— Я подумаю, мальчик, — сказал тот. — Иди.

Перед сном, слушая, как ребята возятся, пытаясь устроиться поудобнее, перебрасываются шуточками, обсуждают прошедшую тренировку и победителей, договариваются пойти завтра на озеро искупаться, Роберт остро завидовал сыновьям тёти Кейтилин, которые в детстве дни напролёт могли вот так же все вместе играть, тренироваться, да и просто разговаривать. Лишь сейчас он начал понимать, сколь многого был лишён, запертый на вершине Копья Гиганта — не только без братьев и сестёр, но и без единого сверстника.

После тяжёлого, насыщенного дня парни рассаживались вокруг очага, гремя мисками. Дежурные возвращались с кухни с двумя котелками густой похлёбки, разливали всем по очереди, и потом уже слышался лишь стук ложек, аппетитное чавканье и звуки отрыжки. После ужина старшие наводили в шатре порядок, чинили одежду. Если дел не было, то играли в камни, рассказывали разные смешные или страшные байки. Роберту нравилось слушать неспешные истории Торстена. Малыши резвились — боролись друг с дружкой, словно маленькие волчата, собирая в кучу лежащие на полу шкуры и поднимая клубы пыли.

Жизнь в новом жилище Роберта полностью устраивала, если бы не Сверр. Почему он попал в немилость к этому чернявому крепышу, разгадать никак не получалось — тот не упускал возможности, чтобы злобно не поддеть его по самому незначительному поводу, а то и отвесить затрещину, пока Торстен не видит. Но хуже всего было, если на тренировках мастер Атли ставил их в пару: Сверр нападал так стремительно и бился с такой

горячностью, что Роберт терялся. Ему ни разу не удалось не только одержать над Сверром победу, но даже хотя бы немного потеснить его в бою.

— Ты просто не очень сильно хочешь его победить, — говорил Ивер, когда очередной раз приходил в поселение и они болтали после занятий, словно давние друзья.

— Да я не успеваю за ним! — оправдывался Роберт.

— Ты не хочешь, — повторял упрямый дотракиец.

— Он сражается не по правилам! И подличает!

— Ты не хочешь!

Терпение Роберта закончилось, когда он снова обнаружил в своей миске с похлёбкой дохлую мышь. Нахальная ухмылка Сверра не оставляла никаких сомнений, чьих это рук дело.

— Почему, Торстен? — спросил Роберт с обидой у подошедшего друга, когда, выскочив из шатра и выплеснув испорченную еду на землю, пытался справиться со своим гневом. — Почему он постоянно меня задирает? За что он меня ненавидит?

— Все горцы ненавидят жителей Долины, — примирительно пожал тот плечами. — Так было всегда. Вы захватили наши земли, загнали нас в горы... за что нам вас любить?

Роберт никогда раньше не задумывался об этом.

— Я не захватывал ваши земли, — пробормотал он.

— Ты не захватывал, — не стал спорить Торстен, — а похитили тебя. Как думаешь, почему тебя?

Роберт плохо помнил ночь похищения. После нескольких глотков вина у него закружилась голова, веки отяжелели. А потом большой одноглазый воин взвалил его на спину и куда-то понёс.

— Вы всегда крали людей... — теперь уже Роберт пожал плечами.

— Только женщин, — сказал Торстен. — Мужчин мы всегда убиваем.

— Тогда почему меня украли, а не убили?

— Ты самый главный... там, у себя дома, ага... Трёхпалый Тиметт хотел, чтоб твоя мать закрыла ваши рудники. Хотел, чтоб вы перестали копать дырки в наших горах... чтоб вы вообще убрались из Долины. Он так и сказал ей: «Убирайтесь из наших гор, или ваш лорд умрёт». Он сказал: «Убирайтесь с нашей земли».

— Прямо так и сказал? — Роберт почесал макушку. — Но это невозможно. Мы родились в Долине. И я, и мой отец... Это и наш дом тоже. Другого у нас нет... Нам некуда уходить.

— Так никто и не ушёл, ага.

— Но меня не убили...

— Твоя мать закрыла два рудника, которые дальше всего в горах. И тебе повезло, — хмыкнул Торстен. — У Грай нет подруг. И отец её любит.

— Нет, — после небольшого раздумья помотал головой Роберт. — Я не верю, что она так сделала, потому что ей не с кем дружить. Просто она хорошая. И очень добрая. Она не ненавидит меня. И ты тоже, Торстен. Ведь правда? И Ол. И с малышами мы ладим. Я почти подружился с Ивером, хоть он и отказывается тренировать меня. Говорит, что своих учеников уже отучил, теперь очередь Атли... Вот и Атли меня тоже не обижает. Что не так со Сверром?

— Тебе нравится Шела? — неожиданно спросил Торстен.

— Она красивая, — не задумываясь, сказал Роберт.

— Сверр тоже так считает. Тебе с ним не договориться.

Роберт и сам понимал, что по-хорошему со Сверром не сладит. И на тренировке не одолеет. Сверр старше, сильнее, опытнее. Он занимался с самого малолетства, осваивая постепенно разное оружие, учился рукопашному бою, ездил на лошади, охотился. Ему скоро исполнится шестнадцать, после чего он принесёт свой дар Огненной ведьме. Сверр почти взрослый. Никакого самого огромного желания не хватает, чтобы победить его в честном бою. Но оставить всё, как есть, Роберт не мог. Он больше не позволит Сверру безнаказанно себя обижать.

В один из дней после ужина Торстен показывал ребятам новый нож, к которому сам сделал рукоятку. Он вытачивал её несколько вечеров, подгонял под свою ладонь, чтобы ложилась плотно, удобно, шлифовал пористым камнем, а затем обматывал тонкой, выкрашенной в чёрный цвет полоской кожи. Парни обступили его, просили дать подержать, рассматривали с любопытством, одобрительно гудели.

Сверр, сидя в стороне, зашивал свою рубашку и самозабвенно пускал ветры, отравляя их смрадом всё вокруг. Малыши зажимали носы и хихикали, Торстен терпеливо морщился, но Ол не выдержал.

— Да перестань ты душить нас! — в сердцах сказал он. — Сходи в нужник.

— У меня после гороховой похлёбки всегда живот подводит, — пожаловался душитель, выдавая очередной раскат грома. — Так и крутит. Кажется, вот-вот разорвётся.

— Тогда сходи к Силдж, попроси у неё какой-нибудь настой... дышать же нечем.

— Вот бы мне так уметь! — вдруг с завистью сказал Роберт.

Все глаза в шатре мгновенно обратились на него.

— Зачем это? — недоверчиво спросил Сверр, глядя на невинно хлопающего ресницами Роберта.

— Мы могли бы устроить битву огнедышащих драконов. Мне рассказывал мой оруженосец, что если подпустить ветры в хорошо пылающий костёр, будет похоже, будто дракон пышет пламенем...

— Вот бы посмотреть, — сказал кто-то. — Никогда не видел драконов...

— Может, он врал, твой оруженосец... — хмуро пробормотал Сверр.

— Может, и врал, — легко согласился Роберт. — Неее, если ты боишься, то, конечно...

— Я не боюсь! — огрызнулся Сверр. — Чего там бояться? Говори, что надо делать.

Все заинтересованно зашевелились, повскакивали со своих топчанов и лежанок, сгрудились около очага.

— Роберт, командуй. Что делать?

— Давайте пламя расшевелим...

— Подкиньте дров... да куда ты пихаешь такую чурку! Ломай хворост, чтоб быстрее разгорелось.

— А теперь чего? — любопытные мальчишечьи мордашки обратились к заводиле.

— А теперь Сверр должен накопить внутри себя побольше ветра, а потом дунуть в костёр что есть мочи.

— Штаны надо снимать?

— Лучше да.

Подробностей этой проказы Роберт не знал, Подрик не стал с ним делиться всеми деталями. Сказал только, что когда служил у Тириона Ланнистера, тот как-то подшутил над ним таким образом, когда они напились вина. Этого было достаточно, чтобы понять, что шутка вышла гадкая. Много лет назад тётя Кейтилин привозила Ланнистера в Орлинос

Гнездо, и Роберту очень хотелось сбросить его в Лунную дверь, но не вышло. Маленький уродец показался ему настолько мерзким, что для себя Роберт сразу решил — от такого ничего хорошего ждать не приходится. Поэтому Подрику мог лишь посочувствовать. Но не Сверру.

— Да, штаны лучше сними, — повторил он. — Ветру ничто не должно мешать свободно лететь.

Сверр повернулся спиной к весело полыхающему очагу, приспустил штаны и нагнулся.

— Так?

— Подойди чуть ближе... ещё... Давай!

Мощная струя зловонного воздуха с треском метнулась на свободу, ворвалась в костёр и мгновенно превратилась в гудящий огненный столб, от жара которого повалились назад сидящие на скамейках подростки, а малыши в страхе бросились врассыпную. Кто-то закричал. А пылающий монстр выкинул в стороны красно-жёлтые руки, пытаясь дотянуться до беглецов, и спустя мгновение ринулся назад — туда, откуда появился. Обратное пламя с силой жажнуло в доверчиво подставленный голый зад и вцепилось в белые ягодички. Самый проворный огненный язык скользнул вниз, оставляя на своём пути алые пузыри, и жадно облизал промежность, превратив волоски в пепельные струпы.

Сверр заорал и кинулся вперёд. Но спущенные штаны не дали сделать и шагу, и он бухнулся носом в пол, продолжая вопить. Парни загоготали. Глядя на старших, засмеялись и малыши. Одному Сверру было не до веселья — он катался по полу, пытаясь унять жар, не замечая, что огонь уже перекинулся на одежду. Первым опомнился Торстен. Он сдёрнул с себя меховой жилет и начал хлестать катающееся тело, пытаясь сбить с него пламя.

— Хватит ржать! — крикнул он. — Несите воду. А то шатёр спалим.

Только сейчас Роберт понял, что его шутка могла обернуться большой бедой, схватил деревянный ковш, зачерпнул из кадушки воду и выплеснул на тлеющую одежду неудачливого дракона. Кожа на ягодичках и бёдрах Сверра покраснела, в нескольких местах вздулись волдыри.

— Что за шум, грамкин дрын? — раздался грозный голос. — Чего разорались-то? Почему палёным воняет?

У входа стоял Хаген и недовольно водил носом. Его глаза оглядывали мальчишек по очереди, а потом удивлённо округлились, остановившись на одном, со спущенными штанами. Роберт взглянул на Торстена. Как старший, говорить должен был тот, но Роберт чуть заметно кивнул, давая понять, что за свою шалость готов ответить сам.

— Да вот... — с подозрительно угодливой ухмылкой начал объяснять он, показывая на пытающегося подняться недруга, — Сверр сказал, что хочет во всём походить на Тиметта. Так что теперь в племени есть не только Тиметт-Красная Рука, но и Сверр-Красный Зад!

Мальчишки растерялись на мгновение, в замешательстве переглянулись. А потом шатёр затрясся от хохота. Гоготали старшие, блеяли малыши. Торстен кряхтел, пытаясь сдержаться, но не смог, и присоединился к всеобщему веселью, постукивая себя ладонями по ляжкам. «Гыыы, гыыы», — только и мог он произнести. Ол катался по полу, держась за живот и приговаривая: «Красный Зад... Сверр-Красный Зад...» Маленький Дюк визжал, словно новорождённый кабанчик.

— Хватит, Роберт! Хватит! — умолял Сеок, подвывая. — У-у-у... Я сейчас обмочусь!

— Ха-ха-ха... Я уже... — всхлипывал Вилфред.

Роберт хохотал вместе со всеми, глядя на корчащихся от смеха ребят, мстительно

наблюдая, как Сверр пытается натянуть мокрые штаны, и не обращал внимания на разозлённого визитёра, который с каждой секундой зверел всё больше. В конце концов Хаген не выдержал, его лицо перекосилось от гнева, он зарычал и замахнулся. От мощного удара в челюсть Роберт отлетел назад, упал, перекувырнулся и, чудом не завалив опорный столб, докатился до самой лежанки. Его скула запылала огнём, казалось, раздробленная на сотню мелких острых осколков, и все эти осколки сейчас заполнили собой рот, впились изнутри в глаза, в уши, в мозг, от чего в голове загудел колокол.

Весельчаки мгновенно стихли, в испуге порскнули в стороны, подальше от разъярённого Хагена. Роберт застонал, прижав ладонь к щеке, и инстинктивно подтянул колени к груди, сжавшись в комок. Он провёл языком по дёснам, слизывая сукровицу, затем по зубам осторожно и, удостоверившись в их целостности, облегчённо выдохнул, с трудом сглатывая вязкую жижу. И всё это время, помимо своей воли, игнорируя боль и здравый смысл, продолжал трястись от смеха. Сквозь стоны и страдальческое мычание все в шатре явственно слышали его задорное похрюкивание. Наконец, перевернувшись на спину и раскинув руки в стороны, Роберт свободно, искренне зашёлся в новом приступе хохота.

Скорее всего, Сверр теперь станет его заклятым врагом, Хаген может прямо сейчас подойти и снова со всей силы врезать, а Красная Рука строго накажет за то, что он подверг опасности одного из членов клана. Но Роберт не жалел о своей дурацкой шутке. Ни капельки не жалел.

Глава 8. Роберт тренируется и отчаивается

Длинный, сильно изогнутый клинок напоминал полотно косы, которой старый Джордж иногда срезал траву во дворе Орлиного Гнезда. Лёгкий эфес с простым перекрестием и изогнутым в сторону лезвия навершием не имел ни гравировки, ни каких-либо украшений. Похожий меч Роберт видел на стене в доме вождя клана Обгорелых, правда у того была резная золотая рукоять.

— Это аракх¹, оружие моего народа. Ничего лучше для конных сражений ещё не придумано, — сказал Ивер с гордостью, ловко раскручивая его перед самым носом Роберта. Тот старался стоять спокойно, настороженно косясь на сверкающий металлом круг. — Ты сначала рубишь, — Ивер рассёк воздух в двух дюймах от Роберта, и он всё же не удержался и отпрянул, — а затем оттягиваешь его на себя и вниз... и режешь ублюдка, как кровяную колбасу.

Роберт слушал, смотрел и никак не мог взять в толк, чем это оружие лучше других и, самое главное, почему дотракиец считает, что оно ему подойдёт. Из-за кривизны клинка аракхом можно и рубить, и резать — мечом так не выйдет, но недостатков у него, по мнению Роберта, гораздо больше: им не пробить латы, потому что он лёгкий, и не нанести колющие удары, потому что изгиб не позволяет.

— С лошади колоть удобно, — снисходительно ухмыляясь, ответил Ивер на его возражение. — Ты можешь делать это, даже не меняя позы в седле.

— Зачем мне оружие для боя на лошади? Мы же не дотракийцы, — обиженно пробурчал Роберт. Торстен сказал, что Ивер лучше всех может определить, на что способен молодой, ещё неопытный воин, но Роберт был разочарован. — Если двуручный меч и полуторник мне не подходят, то чем плох короткий меч? — удивлённо спросил он.

— Тем, что он короткий. Это же очевидно.

— Но аракх не пробивает стальной доспех...

— У тебя и мечом не получится это сделать, парень. Так какая тебе разница? Но зато аракхом ты сможешь делать то, что не сможешь мечом. Ты спорый и вертлявый, как ласка. Твоё преимущество в скорости. А по поводу укулов не переживай. Прямые не сделать, но зато ты сможешь делать обводящие — в незащищённые места, в открытые участки... — Ивер говорил и одновременно показывал: — Сверху, снизу и сбоку за защиту, в обход щита! — Встав боком, он перехватил аракх обратным хватом и резко завёл руку за спину. Роберт вздрогнул, почувствовав, как стальное жало вдруг коснулось виска. А Ивер продолжал, как ни в чём не бывало: — Выбирай тех, кто не закован с головы до ног в сталь. Таких оставляй Хагену с его молотом и Тиметту с топором... Стражники обозов не все в доспехах.

— Чего?! — всполошился Роберт.

С того первого раза его больше не брали на захват обозов, чему он был очень рад. И сейчас, когда Ивер снова заговорил о неизбежном, напомнив, что убивать всё же придётся, Роберт насупился.

— Я не буду нападать на своих людей, — сказал он твёрдо, глядя в масляные глаза дотракийца. — Не буду их убивать... Я же их лорд! Как ты не понимаешь?!

— И как же ты собираешься вернуться, если не сможешь стать Обгорелым, а, лорд? А ты им не станешь, если будешь спорить. Приказы вождя или Красной Руки не обсуждают. Их выполняют.

— Я не собираюсь спорить. Но можно же приносить пользу клану как-нибудь ещё?! — стоял на своём Роберт. — Я заслужу право стать Обгорелым! И буду делать всё, что угодно. Но я не буду убивать жителей Долины!

Ивер вновь пожал плечами. Позицию Роберта он не разделял, упрямства не понимал — под обстоятельства нужно приспособливаться, иначе не выживешь. Выхода нет. Так думал старый мудрый дотракиец.

Грай не видела своего друга уже несколько дней — Роберт снова ушёл на охоту с Ульфом, Атли и Торстеном. С тех пор, как он перебрался в шатёр к ребятам, ей удавалось глянуть на него лишь мельком, когда проходили утренние тренировки на поляне, а она с другими девушками бегала к ручью полоскать бельё. Изредка Грай подкарауливала его на тропинке, чтобы переброситься парой слов — большего ей добиться не удалось ни разу.

— Роберт, гнедая кобыла принесла вчера жеребёнка, — говорила она. — У него белая звёздочка на лбу, а сам он светло-рыжий. Такой красивый! Пойдем посмотрим на него.

— Я не могу, Грай. Бегу в кузню к Смэду, сегодня моя очередь помогать ему... Он очень сердится, если кто опаздывает.

— Роберт, я заметила в лесу заросли черники, — говорила она в следующую встречу. — Ягоды уже совсем спелые. Пойдём собирать?

— У меня ночное дежурство сегодня... за вторым перевалом... Надо успеть котомку собрать.

— Тебя взяли в дозорные?

— Нет. Твой отец сказал, что только Обгорелый может присматривать за подходами к лагерю. Но он разрешил мне ходить вместе с дозорными.

— Это значит, он тебе доверяет. Не думает, что ты удерёшь.

— Я не удеру. Я дал ему слово. Сказал, что клянусь своей честью. Я не сбегу, Грай.

— Я верю тебе, Роберт. И что ты там делаешь?

— Учусь и чем-нибудь помогаю. Я уже умею разводить бездымный костёр. И специальный «говорящий» костёр тоже умею. Шигга учит меня подавать и читать дымовые сигналы. Прости, мне надо бежать...

Роберт не высypался, ел на ходу, постоянно подменяя кого-нибудь в карауле, первым вызываясь чинить изгородь для лошадей, разделявать туши для коптильни, валить сухие деревья, а потом срубить с них ветви и пилить на чурки. Он брался за всё, что угодно, лишь бы не грабить обозы. Иногда Роберт сам поджидал Грай у ручья, чтобы поделиться новостями.

— Я подстрелил оленя! — радостно похвалился он однажды, а затем подхватил её за талию и закружил, смеясь: — Своего первого оленя, представляешь?

Она засмеялась вместе с ним, от всего сердца радуясь его успехам:

— Ты молодец, Роберт! Ты такой молодец!

С удивлением, словно наблюдая со стороны, Роберт отмечал, как его ладони грубеют, покрываясь мозолями, что с каждым днём орудовать топором ему всё легче, чтобы снять шкуру с добычи, требуется всё меньше времени, а Сверр на парных тренировках всё чаще отступает. Боль в натруженных мышцах приносила удовольствие, а от умения управлять собственным телом — скрещивал ли он копыта с Торстеном, скакал ли на лошади, сигая через изгородь, перебирался ли с дерева на дерево, цепляясь за ветви только лишь руками — распирало неведомое ранее чувство гордости.

После той жестокой шутки с костром Сверр притих, к Роберту больше не придирался, хотя Грай сказала, что радоваться рано, и нужно быть начеку. Роберт сильно не расслаблялся, но с некоторых пор и не закичивался на своём недруге — у него были дела поважнее. Он старался как можно меньше находиться в лагере, чтобы не попасться на глаза Тиметту и избежать необходимости идти грабить обозы. Поэтому отправлялся с дозорными на самые дальние рубежи, поднимался с заготовителями льда высоко в горы напилить ледяных глыб для погреба, а потом, скользя по искристой насту обёрнутыми рогожей ногами, тащил тяжёлые сани вниз, там выучил лошадей и вёл их в поселение. Или уходил на многодневную охоту с Хджордис, Хагеном и другими Обгорелыми, которые всё ещё продолжали презрительно плевать при его приближении. Поддерживая ночью костёр, Роберт вместе с дежурными охранял сон остальных, а утром расторопно подавал им медные кружки с бодрящим травяным настоем, пропуская мимо ушей язвительные замечания недоброжелателей, которых с каждым походом становилось всё меньше.

И пришёл день, когда Ульф как-то сказал Роберту небрежно, принимая из его рук полосы копчёной лосятины и укладывая их в берестяной короб ровными рядами:

— В следующем году Вилфред и Тове принесут свой дар Огненной ведьме. Они станут мужчинами. Ты не думал тоже немного подпалить свою изнеженную шкурку? Чтоб она не была такой омерзительно нежной?

— А мне разрешат? Я ведь пленник. Это возможно? — спросил Роберт, с трудом сдерживая ликование. Он отвернулся к коптильне и начал вынимать оттуда очередную порцию мяса, чтобы немного унять волнение и не показать, как много услышанное значит для него.

— Раньше говорили, что все драконы издохли, а теперь болтают, что их целых три где-то летает... Так что в этом мире возможно всё, — хмыкнул Ульф.

«Год пройдёт быстро, — уговаривал себя Роберт. — Я стану Обгорелым. А потом уйду. Никто меня не остановит!»

Народу на поляне собралось немало, в основном молодые Обгорелые и малыши — все с интересом наблюдали, как троица самых взрослых парней делала первые в своей жизни Ведьмины свечи.

— Завтра День Посвящения, ребята сейчас будут делать свечи. Хочешь посмотреть, Роберт? — спросила Грай, поймав его по дороге с озера. Она так привыкла к отказам, что сильно удивилась, когда он согласился.

Роберт следил за действиями Торстена, Сверра и Ола внимательно, стараясь не пропустить ни одного движения — придёт время, и он должен будет сделать то же самое. И не ошибиться.

Чурбаки для свечей высотой и в диаметре около десяти дюймов заготавливали заранее, хорошенько просушивали. Выбирали тщательно — без сучков, с ровными волокнами, чтобы жар шёл ровный. Подходило далеко не каждое дерево. Из-за твёрдой древесины из железноствола или дуба свечи не делали. Из сосны и ели тоже — они смолистые. Чаще всего брали берёзу. Как Роберту пояснила Грай, от неё шёл хороший жар.

— Хороший жар? — переспросил он, ёжась.

— Ага.

Они стояли рядышком и смотрели, и Грай, гордая собственной осведомлённостью и довольная присутствием Роберта, просвещала его вполголоса. Тем временем парни

аккуратно раскалывали свои чурки на несколько частей. Торстен, ловко орудуя новым ножом, выпятил губы вперёд, сложив их трубочкой. Сверр, напротив, от усердия закусил нижнюю губу, а Ол шмыгал носом и время от времени вытирал его рукавом. Закончив, они разложили клинья перед собой в ряд и теперь брали их по очереди и осторожно снимали стружку с серединки каждого сегмента, откладывая соскобленные деревянные завитушки кучкой в сторону. Когда все части были подготовлены, их собрали обратно в целое полено, после чего ребята попытались просунуть пальцы в получившиеся отверстия.

— Что они делают? — спросил Роберт, не отрывая взгляда от стола.

— Примеряют. Дырка не должна быть маленькой, иначе палец не залезет. И большая тоже плохо...

Видать, Ол срезал недостаточно, так как снова разобрал свою свечу и немного подстругал. Когда размер отверстия парней удовлетворил, они соединили клинья и обвязали по низу верёвкой.

— Эта верёвка из крапивы, и потом она ещё вымазана глиной, чтоб не загорелась... — пояснила Роберту Грай.

Напоследок снятую стружку запилили в трубки чурок. Свечи были готовы².

На следующий день поселение гудело, как осиный рой. Отменили не только тренировку, но и все обычные дела. Лишь дозорные отправились в караул охранять подступы к ущелью.

По периметру поляны ставили козлы, на которые клали доски — столов нужно было много, в этот праздник вместе собирались не только члены клана, приходили и женщины из шатра у озера. Роберт заметил Хлои, проворно помогающую Улрике носить угощения, несмотря на отчётливо выпирающий живот. Она сновала с мисками с мочёной брусникой и кусками печёной тыквы, а сама не сводила восторженного взгляда с Хагена, ловила его ответный взгляд и, не дождавшись, расстроено опускала голову.

В центре поляны сложили огромный костёр. Грай пояснила Роберту, что его подожгут ближе к вечеру, когда солнце уже начнёт клониться за горы.

— Ты очень красивая сегодня, — сказал он ей. Грай радостно заулыбалась.

— Сегодня все красивые, Роберт. Посмотри, — сказала она.

Парни были в чистых рубашках, новых дублетах, девушки в туниках из тонкой кожи, вышитых узорами из разноцветных кожаных полосок и украшенных лунными камнями. По их спинам струились распущенные волосы, перевитые кожаными ремешками. Взрослые воины — в варёной коже, в резных доспехах, многие с накинутыми на плечи меховыми плащами — стояли кучками, переговаривались и время от времени окликали шутками снующих туда-сюда женщин. Виновники торжества, одетые в самые нарядные рубашки и кожаные жилеты, гордые от осознания важности происходящего, вышагивали в толпе такими петухами, снисходительно посматривали на тех, кому ещё только предстоит когда-нибудь пройти их путь.

— У Торстена самая красивая рубаха, — отметил Роберт.

Грай зарделась.

— Это я емушила, — пробормотала она, а потом застенчиво улыбнулась: — Для тебя я сделаю ещё лучше, Роберт. Торстен сказал... что ему Ульф сказал... что он сказал тебе, что в следующем году ты можешь стать членом племени.

— Надеюсь, мне позволят...

— Никто не сможет запретить тебе принести свой дар Огненной ведьме и стать

Обгорелым. Нужно только, чтобы трое членов клана поручились за тебя.

— Ну, ты ведь поручишься за меня, правда? — улыбнулся он. — Так что один поручитель у меня уже есть.

— С радостью, Роберт, ты же знаешь. Но... но это должны сделать мужчины. Только мужчины могут поручиться за чужака.

Кто-то схватил Роберта за локоть и поволок в сторону.

— Грай, я его забираю, — крикнул Торстен, а потом повернулся к нему: — Смотри, какой меч мне подарил отец... то есть вождь. Смотри! Это один из тех, что висел у него на стене.

Роберт оценивающе глянул на длинный двуручный клинок и удивлённо вытаращил глаза.

— Да он почти с тебя ростом! Как же таким биться?

— Теперь буду тренироваться... День и ночь буду! Нравится?

— Годный, ага. Надеюсь, Атли не поставит тебя с этой дубиной против меня с моей кривулей... — покачал головой Роберт.

— Зря ты так. Аракх — добрый меч. Он не одолеет двуручник, если они сшибутся. Но если воин с аракхом резвый и ловкий, им и сшибаться не придётся. Ивер так и отказывается учить тебя?

— Он всё рассказал, что сам знал о мече. Показал основные удары и приёмы — как нападать, уворачиваться, защищаться... Но тренировать не хочет. Ничего, я что-нибудь придумаю. — Роберт полез в карман, достал небольшую деревянную кружку-ковшик и протянул Торстену: — У меня тоже есть для тебя подарок. Я сам делал. Специально, чтобы кровь пить. У тебя теперь будет свой собственный черпак.

Торстен хмыкнул:

— Ты до сих пор впечатлён?

— Такое не забывается, — ухмыльнулся Роберт в ответ.

Его чуть не стошнило, когда он увидел это в первый раз. Кабан, которого завалили Хаген и Ульф, был здоровый, не меньше сорока пяти стоунов, а то и все пятьдесят. Охотники, побряхтывая, перевернули поверженное животное копытами вверх и вспороли ему брюхо. А потом Торстен подал Хагену берестяной ковш, и тот погрузил его внутрь туши, наполнил дымящейся кровью и немного отпил, после чего пустил по кругу. Мужчины делали два-три глотка и передавали дальше. Они обсуждали удачную охоту, улыбаясь красными губами, скалили красные зубы, с их ладоней, подбородков, с ковша срывались тёмные вязкие капли, и Роберт с трудом удержался, чтобы не отбросить его от себя, когда он вдруг оказался у него в руках. Обгорелые рассмеялись, кто-то зло пошутил, но заставлять его тогда никто не стал. Только собственноручно убив своего первого оленя, Роберт отведал тёплой свежей крови. «Сегодня ты никак не можешь отказаться», — шепнул ему Торстен. И Роберт первым сделал положенные два глотка из красного ковша, а потом передал его по кругу.

— Это из железности, — сказал он, кивая на свой подарок. Круглая, гладкая, с цельной ручкой с двумя отверстиями для пальцев чаша блестела от полировки, витой кожаный шнурок позволял прикрепить её на пояс, либо носить на шее. — Шигга сказал, это дерево не впитывает в себя ничего, и потому не красится. Теперь у тебя есть личный черпак для охоты³.

— Мне нравится, спасибо, — Торстен хлопнул друга по плечу. — Пойду отнесу подарки в шатёр, завтра заберу. Мы ведь сегодня уже не с вами ночуем.

Роберту стало грустно.

— Кто теперь будет старшим у нас?

— Думаю, Вилфред.

Женщины продолжали заставлять столы мисками с печёным чесноком и луком, толчёным горохом со шкварками из кабаньего сала, огромными блюдами с жаренным на этом вытопленном сале ливером — кабаньими, оленьими и лосиными сердцами, тёмной печенью, пористым лёгким и жгутами заранее хорошенько выскобленных и промытых кишок. На костре медленно томила медвежья туша. Из бочек лилась в медные кувшины берёзовая брага для взрослых и ягодный отвар для детей. Солнце постепенно клонилось к закату, огонь ритуального костра полыхал, швыряя ввысь снопы трескучих искр.

Наконец появилась Силдж, давая понять, что церемонию пора начинать. Ей помогала Шела — серьёзная, тихая, изредка поглядывающая на Сверра вопросительно. Она поднесла по очереди парням большие деревянные чаши, и они стали пить из них, давась и кашляя, проливая прозрачную влагу на подбородки и праздничную одежду.

— Что это? — спросил Роберт у Грай.

— Огненная вода, — сказала она. — Её делают из перебродившего берёзового сока. Я не пробовала, но старшие говорят, что она дерёт глотку, словно драконья моча.

Парни, осушив чаши, водили вокруг осоловелыми глазами, их ноги вдруг стали непослушными, тела закачались. К ним подошли мужчины, Красная Рука встал подле Торстена и положил ему ладони на плечи, удерживая от падения.

— Торстен выбрал Тиметта своим Огненным братом. Теперь они будут братьями не только по крови, но и по духу, — пояснила Грай Роберту.

Огненные братья подали своим подопечным длинные лучины, и те подожгли их от пламени костра.

— Прими, Владычица, дар Торстена, сына Тиметта! Дар Ола, сына Келдта! Дар Сверра сына Лоритса! — закричала Силдж, таращась на пламя слепыми глазами.

Лучины коснулись стружки в свечах, огонь затрещал в полых трубках, начал потихоньку разгораться. Силдж выкрикивала слова молитвы на незнакомом Роберту языке, многие Обгорелые повторяли за ней. Вторили и молоденькие девушки, вставшие вокруг костра. Они взялись за руки, их лица светились тихим восторгом.

Когда сердцевина свечей заалела, занялась ровным, жарким пламенем, Силдж крикнула второй раз призыв к Владычице. Огненные братья подали парням заскорузлые куски толстой кожи с отверстием посередине. Грай покинула Роберта, присоединившись к остальным девушкам, и спросить ему было не у кого, но он сам догадался, что это защита, чтобы уберечь руку от огня. Парни надели кожухи, просунув в отверстие пальцы, которые сейчас принесут в жертву своему божеству.

Знахарка бормотала молитвы, её голос то взмывал вверх, то снижался до зловещего шёпота, завывание сменялось визгливым речитативом. Слова вдруг стали понятны Роберту, их повторяли уже все, стоящие на поляне.

— Огонь моего очага — твой огонь! — говорили Торстен, Сверр и Ол.

— Огонь моего очага — твой огонь! — отвечали им Огненные братья.

— Тепло моего дома — твоё тепло! — сквозь треск пламени слышались юные голоса.

— Тепло моего дома — твоё тепло! — откликались басовитым эхом голоса мужчин.

— Жар моего сердца — твой жар! — почти кричали безусые юнцы.

— Жар моего сердца — твой жар! — гремели старшие.

— Отныне и навсегда! Отныне и навсегда! — взревело племя.

Роберт смотрел не отрываясь, не веря в происходящее, как парни сунули приготовленные в дар пальцы в раскрасневшиеся колодцы свечей, а стоящие сзади Огненные братья сильнее ухватили их за плечи, лишая возможности двинуться, если вдруг кто-то в неосознанном стремлении захочет вырваться. Ол вскрикнул, Сверр охнул, Торстен замычал от нестерпимой боли. Их тела и руки задёргались, но неумолимые братья были настороже. Огонь пожирал плоть, запах оплавленных ногтей и горелого мяса расползлся по поляне. Парни выли, пот струился по лицам, на шеях вздулись вены и натянулись жилы. Зрители, взявшись за руки, хором зывали к Огненной ведьме, прося её принять подношение юных Обгорелых, забрать себе их слабости, а в ответ наделить отвагой и смелостью.

Силдж вскрикнула третий раз, и Огненные братья, удерживающие руки новоявленных мужчин в раскалённом капкане, выдернули их оттуда и опустили сожжённые пальцы в приготовленный заранее травяной отвар.

Однако Роберт уже этого не видел. Он убегал прочь, не разбирая дороги, огибая деревья и перепрыгивая через корни, рискуя упасть и свернуть себе шею. Но вонь жжёной плоти всё равно преследовала его и гнала вперёд. Это не было похоже на запах жареного, даже сильно подгоревшего на костре мяса — приторная до тошнотворности сладковатость горелого человеческого тела смешалась со зловонием оплавленных ногтей и палёной кости, и всё вместе создало нечто настолько невыносимое, дерущее горло и вышибающее слёзы, что Роберт, едва добежав до ручья, рухнул на колени, и его вырвало. Резвый поток мгновенно унёс остатки непереваренной пищи, и потрясённый Роберт опустил лицо в холодную воду, сделал два больших глотка, пытаясь перебить противный кислый привкус во рту.

— Ты как, Роберт? — Грай осторожно дотронулась до его плеча. Она всегда так бесшумно ходила, что даже в лесу под её ногами никогда ничего не трещало и не хрустело.

— Это уж-ужасно, — прошептал он. Его трясло. — Правду про вас говорят, вы дикари. Вы обычные дикари! Это же чудовищно больно... — Последняя фраза больше походила на сдавленный стон.

— Конечно, больно. — В голосе Грай не чувствовалось ни обиды, ни осуждения. — От такой боли даже можно лишиться рассудка. Вот Силдж и даёт ребятам Огненную воду. Она говорит, что Огненной ведьме нужны мужчины в здравом уме. Но иногда парни всё равно теряют сознание, а кто-то может даже надуть в штаны. Силдж говорит, это не страшно. Она говорит, что в момент перерождения уходят все слабости. И остаётся только сила.

— Это ужасно, — повторил Роберт, с трудом воспринимая сказанное. Его ещё мутило. — Зачем вы делаете это с собой, Грай? Зачем увечите себя? Это же не только очень больно... это глупо! Глупо! Вы охотники и воины, но вы сами, своими собственными руками делаете себя слабее. Ведь удержать оружие всей пятернёй проще, чем четырьмя пальцами! А если у тебя нет одного глаза, то ты запросто можешь пропустить атаку врага или зверя со слепой стороны. Тогда зачем?!

Юная Обгорелая с жалостью погладила наивного парня из Долины по спутанным волосам.

— Любой дурак удержит меч, когда у него на руке все пальцы. А ты попробуй удержать его четырьмя... а то и тремя, как мой отец, — с гордостью сказала она. — Попробуй сражаться с несколькими врагами одновременно, когда у тебя один глаз, как у моего брата! — Грай немного помолчала, но её голос не стал мягче, когда она заговорила вновь: — Черноухие отрезают врагам уши... Это так просто, делать своих врагов слабее. Но

Обгорелым не нужны уловки. Мы можем сами сделать себя слабее, и всё равно будем лучше всех! Ни Псам, ни Воронам, ни Черноухим никогда не сравниться с Обгорелыми! И они знают об этом. Они видят обгорелые пальцы наших мужчин и понимают — мало что напугает того, кто так суров к себе. А ты понимаешь?!

— Мне кажется, я никогда не пойму этого... — Роберт взял руку Грай и прижался мокрой от слёз щекой к маленькой жёсткой ладони. — Хорошо, что ваши женщины такого не делают, — сказал он и поцеловал поочерёдно её пальцы.

— Иногда делают, — тихо сказала Грай, но Роберт её не услышал.

Когда случается большая нужда, матери и жёны Обгорелых просят Огненную ведьму о помощи и тоже приносят ей свой дар. Грай хорошо помнила, как пару лет назад маленький сын хохотушки Ирго заболел, а Силдж сказала, что не в силах его исцелить, что Огненная ведьма уводит малыша к себе — тот полыхал жаром, до его лба и тела невозможно было дотронуться. Ирго сделала свечу, умоляла ведьму не отнимать у неё сына, и он поправился. А за год до этого, когда на охоте огромный вепрь-подранок пропорол бок подмастерью Смэда, ведьма тоже хотела забрать человека, сжигая в огненной лихорадке ослабленное ранением тело. Его молодая жена, на днях разрешившаяся от бремени, принесла ненасытной богине дар, сожгла в свече палец, после чего у неё пропало молоко, но мужа она спасла. Ничего из этого Грай не рассказала Роберту, продолжая ласково гладить его по голове одной рукой, к другой он все ещё прижимался губами.

Роберт уже почти успокоился, его дыхание выровнялось, дрожь прошла. Но от внезапно пришедшей мысли он вдруг снова горестно застонал, уткнулся лбом в траву и зарылся пальцами в волосы. Мало избежать приказов нападать на обозы. Сегодня Роберт понял, что не сможет принести свой дар Огненной ведьме. Он не выдержит такую боль, даже если выпьет всю Огненную воду племени.

Ему никогда не стать Обгорелым.

Примечания:

¹ Когда компания Valyrian Steel, занимающаяся изготовлением и продажей декоративных копий оружия и доспехов из книг и сериала, консультировалась с Мартином по поводу аракхов, то их прообразом он назвал персидскую саблю-шамшир, сериальная же версия аракхов ему не понравилась. Здесь за основу взят вариант Мартина.

² Позже финны присвоили эту идею себе, и теперь свеча называется «Финская»:)

<https://nowifi.ru/vyzhivanie-v-dikoy-prirode/kostry/154-finskaya-svecha.html>

³ Позже финны и это присвоили себе, назвав кружку «Кукса»:)

<https://terve.su/finskaya-kruzhka-kuksa/>

Глава 9. Роберт снова надеется

Сзади налетели внезапно — запрыгнули на спину, обвили рукой шею. Сжали, перекрывая дыхание. От неожиданности Роберт качнулся вперёд, но на ногах устоял, и среагировал мгновенно, ответив на атаку отработанными почти до инстинктов движениями. Отбросив лук и приготовленную стрелу в стороны, левой ладонью ухватил за всё сильнее сдавливающий горло локоть, правой вцепился в плечо напавшего и перекинул через себя. Руку не выпустил, вывернул почти до хруста и с силой толкнул в неожиданно узкую спину. Раздался вопль. Роберт разжал пальцы, и противник рухнул на землю.

— Шела?! Какая бешеная мышь тебя укусила?

Он наклонился, собираясь помочь ей встать, но тут же отпрянул назад, уворачиваясь от ощеренной ножом руки — Шела ударила назад наугад, не целясь, и длинное острое лезвие чиркнуло по рукаву, распоров кожу дублета и ткань рубашки.

— Я убью тебя, лордёнш! — свирепо вскрикнула она, перекатилась и легко вскочила на ноги. — Я убью тебя... подлое, лживое, мерзкое андалское отродье!

Её левая рука беспомощно повисла вдоль тела, но сговорчивей не сделала. Очередной бросок, стремительный и яростный, мог окончиться для Роберта весьма печально, но он качнулся в сторону и, снова не отдавая себе отчёта, действуя бездумно, на одном лишь желании уберечься, врезал основанием ладони в подбородок исступлённой девушки — снизу вверх, коротко и резко. Зубы клацнули, кучерявая голова мотнулась назад — Шела упала навзничь и застонала.

К ним уже бежали Обгорелые.

— Ну ты и герой, Роберт! — зло рыкнул Сверр, помогая Шеле подняться. — Хочешь подраться, иди врежь Хагену. Или давай со мной! Или вон хотя бы с Вилфредом...

— Я не дрался, — пробормотал ошарашенный Роберт. — Я из лука стрелял... а она набросилась... с ножом... Вон и одежду порезала. И ещё обзывается.

Сверр подобрал нож и, приобняв Шелу за плечи, попытался увести с поляны. Но та ещё не успокоилась.

— Я доберусь до тебя... гадёнш, — пригрозила она. — Так что оглядывайся...

Зеваки расходились — кто-то посмеивался, другие смотрели с осуждением, неодобрительно цокали языком.

— Ничего не понимаю, — сказал Роберт подошедшему Торстену. — Что это с ней сегодня? Всё же нормально было...

— Говорят, Ивер согласился тебя учить? — спросил тот, протягивая ему отброшенный в драке лук.

— Ну да...

— Шела злится. Она уговаривала его учить её. Ещё до того, как наши ушли на войну в низину. Он не стал. А тебя взял, ага. Почему?

— Я попросил его, и он согласился... Что здесь такого удивительного?

— А то, что Ивер уже давно никого не тренирует. Когда наши вернулись с похода, он вообще ушёл из племени, стал жить один. А когда приходил сюда, приносил травы для Силдж, Шела снова приставала к нему, шагу не давала ступить... умоляла даже. Вбила себе в голову, что должна стать лучшим воином клана. Но Ивер упёрся, и ни в какую. А тебя взял. Все удивляются... а Шела просто взбесилась.

— Ну... может, он не захотел учить её... потому что она девушка?

— Она не обычная девушка, Роберт. Шела его дочь.

Роберт приоткрыл рот.

— Его дочь? — переспросил бестолково. — Ты не говорил...

— А что бы это изменило? Трёхпалый Тиметт мой отец, но разве я рассказал тебе об этом? Ведь нет же? А почему? Да потому что это ни на что не влияет. Это у вас сын лорда может отдавать приказы сыну булочника. А я, сын вождя, не лучше и не хуже других здесь, понимаешь? Я не могу стать верховным вождём из-за матери, но любым другим могу. Командиром разведчиков. Или боевого отряда налётчиков на рудники. Или старшим охотником. Сам, а не потому, что мой отец вождь. Я думал, ты уже что-то стал понимать в нашей жизни, — с укоризной сказал Торстен, а затем продолжил с жаром: — Мы здесь все равны! Но родители... они же... родители. Мне на День Посвящения вождь подарил меч. Никому не подарил, а мне подарил. А Ивер... Он никого не хотел учить... вообще никого. И даже для Шелы исключение не сделал, понимаешь? А тебя взял. Давай, сознавайся — почему?

Роберт скривился, раздражённо пнул носком комок земли.

— У меня талант, — пробормотал он нехотя.

— О как! — вытаращил глаза Торстен, но потом заулыбался, хлопнул друга по плечу: — Я же говорил! Я же тебе говорил... а ты не верил. А какой? В чём ты хорош, Роберт? Аракх? Или лук? Точно, лук! Или ножи? Что?

— Ничего такого, чем может гордиться мужчина... — Роберт сплюнул досадливо, затем нашёл свою брошенную стрелу и тоже пошёл прочь с поляны.

Торстен удивлённо почесал макушку, глядя ему вслед.

Недавняя шутка старого дотракийца до сих пор неприятно царапала самолюбие — Роберт думал, что времена издёвок и подковырок остались в прошлом, что он добился какого-то уважения. Как оказалось, напрасно. Когда он в очередной раз заикнулся об индивидуальных занятиях, Ивер пожал плечами и насмешливо спросил:

— Зачем оно тебе? Ты уверен, что сможешь стать Обгорелым? Я ведь видел, как ты удирал с церемонии, словно перепуганный заяц, стоило лишь немного завонять палёным.

Однако Роберт не смутился.

— Это ничего, Ивер! Я же первый раз такое увидел. Вот я немного и... хм... впечатлился. Ребята, наверное, уже раз десять видели... Но ты не думай, я тоже привыкну... Ну, или что-нибудь придумаю... Чего ты опять смеёшься?

— Что ты собрался придумывать? — хмыкнул Ивер. — Снова убежишь в лес? Ты можешь прятаться там хоть весь год, лишь бы не грабить этих жирных индюков в Долине... Но тебе не перехитрить Трёхпалого Тиметта. Даже не думай об этом. Если хочешь вернуться домой к мамочке, тебе придётся сделать свечу и сунуть туда свой нежный пальчик! Другого пути нет.

— Я не собираюсь хитрить! — с убеждением воскликнул Роберт. — Наоборот, я подумал, что, может, смогу как-то натренироваться... чтоб стать сильнее, чтоб терпеть боль. И ты мне поможешь. Времени у нас валом... Вот скажи... такой, как я, может победить такого, как Одноглазый Тиметт... или хотя бы как Хаген?

— Уходя из племени, хочешь кого-нибудь из них проткнуть насквозь? — прищурился Ивер.

— А такое возможно? — Роберт не ответил на вопрос, но его глаза недобро сузились:

— Я бы смог когда-нибудь одолеть Хагена?

— Врукопашную нет.

— А с оружием? Дотракиец с аракхом смог бы одолеть такого бугая, как Тиметт или Хаген?

Ивер пожал плечами и ухмыльнулся:

— Ну... я остался в живых, когда на Зубце вместе с Красной Рукой бился. Ты же видишь, я не гигант... а завалил там немало одетых в железо парней. И среди них быки попадались не меньше Хагена.

— Научи меня.

— Ты тупой? Или глухой? Сколько раз тебе повторять, что я больше не учу молодых?!

— Но я хочу знать, как это сделать, ясно тебе? — Роберт с мольбой смотрел на непреклонного старика. — Как ты не поймёшь, Ивер... когда-нибудь я хочу вызвать Хагена на бой... и навалить ему!

Дотракиец удивлённо вскинул брови, а затем пренебрежительно скривился.

— Хочется — перехочется, — сказал он жёстко, словно отрубил. — Ты не у себя в замке, маленький лорд, чтоб все выполняли твои хотелки. Вот вернёшься туда, будешь своим слугам приказывать... А мне на твои желания насрать! — неожиданно гаркнул он. — Я вот хочу проехать по Дотракийским степям на резвом скакуне... и чтоб ветер в лицо. И что с этого?! Или ещё хочу поесть кровяных колбас. Толстых чёрных колбас! Такие только у нас делают. Любая дотракийка умеет их делать, но лучше всех их готовила моя мать. Когда я вспоминаю вкус этих колбас, кажется, всё на свете бы отдал, чтобы вернуться и ещё хотя бы раз ощутить его... Ясно тебе? — Ивер, до этого мечтательно смотревший куда-то вдаль, сердито уставился на Роберта.

— Договорились, — согласно кивнул тот.

— О чём?

— Ты научишь меня, как победить Хагена, а я накормлю тебя этими чёрными колбасами. Я обещаю, что ты будешь сидеть верхом на самом резвом скакуне посреди Дотракийского моря, смотреть, как ветер гонит его травяные волны и обедаться своими колбасами... пока у тебя живот не разболится. — Роберт смотрел в упор, не мигая.

— Что ты такое болтаешь, глупый мальчишка? — Раздражение в голосе Ивера сменилось растерянностью.

— Я не простой мальчишка. Я — лорд Долины! Моя семья богата! — Роберт заговорил быстрее, с ещё большим напором: — Когда я вернусь домой... с твоей помощью... я дам тебе корабль, чтобы он перевёз тебя за Узкое море. Я дам тебе лучшего коня, какого мы сможем найти в Долине. И ещё дам столько золотых драконов, что на своей родине ты сможешь купить себе целый табун лошадей... и дом... и женщин...

— Мы не живём в домах, мы живём в шатрах... — пробормотал ошарашенный Ивер, но Роберт его не слушал.

— Ты приедешь туда не старым нищим Обгорелым, — продолжал он с азартом, — одиноким и никому ненужным, а храбрым воином, что вернулся домой из дальних странствий. Богатым... Что скажешь?

Ивер помолчал, потом глянул недоверчиво, и под конец желчно расхохотался. Он гоготал, хлопая себя руками по ляжкам, но, видя, что Роберт остался серьёзным и невозмутимым, замолчал, с подозрением прищурился, и снова оглядел его внимательно и испытующе. В хитрых чёрных глазах вспыхнуло что-то, похожее на уважение.

— Да у тебя талант, парень! — сказал он без тени насмешки.

— Правда? — Роберт просиял и восторженно подался вперёд: — А какой?

— Болтаешь складно! — снова захохотал Ивер. — Очень-очень складно! Я слышал, ты уболтал вождя, и он отменил приказ Красной Руки. Сразу и не поверил... А сейчас вижу, ты и правда мёртвого уговоришь... — Он вдруг прекратил смеяться и смотрел теперь с несмелой надеждой, всё ещё сильно сомневаясь, но спросил требовательно, почти грубо, маскируя неуверенность безразличием: — Ты на самом деле сделаешь это?

После разочарования своим крайне спорным талантом Роберт сник, но ответил уверенно, без колебаний.

— Клянусь своей честью, — твёрдо сказал он.

— Лады, маленький лорд.

Роберт слушал. Смотрел. Запоминал. Повторял. Он никогда раньше не видел, чтобы люди двигались с такой скоростью. И никогда бы не поверил, что пожилой мужчина способен одновременно рубить, колоть и резать, перекидывая клинок с одной ладони в другую, перехватывая его остриём вниз, выбрасывая из-за спины, сверху, с боков, словно некое многорукое существо родом из легенд старой Гретчель. Невысокий и шуплый, Ивер напоминал гибкую куницу — быструю, хитрую и невероятно проворную. С удивлением и даже неким замешательством Роберт рассматривал его жилистое тело, подтянутый живот, крепкие мускулы и многочисленные шрамы — дотракиец предпочитал заниматься по пояс голым — и на поверку оказался не таким уж старым, каким смотрелся в одежде. Арах мелькал в умелых руках словно блестящая змея, живая и стремительная, свистящая и смертельно опасная.

Мастерство Ивера завораживало, но в этот раз Роберт не собирался лишь вздыхать и завидовать. Он с таким рвением и старательностью принялся за обучение, что через два месяца Ивер вынужден был признать, одобрительно усмехаясь:

— Ты, конечно, не ураган, парень, но и не та жалкая кучка липкого дерьма, какой был вначале.

Роберт вставал раньше всех в шатре, когда утренние лучи солнца только-только окрашивали тёмное небо, выбирался тишком и шёл на поляну разминаться. Потом бегал вдоль озера, подтягивался в лесу на сучковатых ветвях раскидистого дуба до мокрой насквозь рубашки и ломоты во всех мышцах. А после завтрака на занятия приходил Ивер.

Ребята поглядывали на них украдкой, с уважением, но если и завидовали, то не выдавали себя. Роберту теперь не хватало времени не только на общение с Грай, но и с ними.

— Роберт, побежали на озеро купаться! — звали они, пробегая мимо него шумной гурьбой.

— Я не могу...

Вода в горном озере была хрустально-прозрачная, но такая ледяная, что ноги сводило судорогой. Однако парней это не останавливало, и время от времени они устраивали состязания, кто дальше заплывёт или дольше просидит на глубине, задержав дыхание. После чего смеялись, показывая друг на друга пальцами:

— Твои камушки стали размером с жёлудь!

— Аха-ха, а твои вообще как заячий горох!

Роберт с удовольствием бы присоединился к друзьям, но по указанию Ивера методично

рубил тростник — дотракиец, уходя на пару-тройку дней домой в предгорье, всегда оставлял ему список заданий. Отсекая жёсткие стебли аракхом по полдьюма — сначала ровно, потом наискось; сначала слева направо вверх, потом наоборот; сначала левой рукой, затем правой — Роберт с тоской поглядывал на удаляющуюся весёлую компанию. Ему осталось ещё восемьсот пятьдесят четыре взмаха, а он уже весь взопрел.

— Роберт, пошли с нами играть в «Земли лордов»! — снова звали они его.

— Мне нельзя...

В глубине души Роберта злила игра в «Земли...», но он никогда не отказывался участвовать. В неё с удовольствием играли все — и девушки, и парни; и малыши, и ребята постарше.

Большую дальнюю поляну делили на участки в зависимости от ландшафта: тут были все замки Долины, в том числе и Орлиное Гнездо на Копье Гиганта, Персты, Чаячий город и, конечно же, Лунные горы. После дождя, когда на земле появлялись лужи, добавлялись Три Сестры в заливе Пасти, Сосцы и Ведьмин остров. Угодья среди участников распределялись по жребию, а потом «лорды» начинали отвоёвывать «земли» соседей, кидая в неё нож и «отрезая» кусок за куском. Если нож по какой-то причине падал — игрок ли его неуклюже бросил, или просто он натыкался на скрытый травой камень, либо если игрок слишком пожадничал и в итоге не смог дотянуться до края, чтобы прочертить новую границу, то «захват» начинал следующий участник. Лучше всех было владельцу гор — только самым ловким и метким «захватчикам» удавалось вогнать лезвие между нагромождением булыжников. Один раз Роберту довелось побывать хозяином Орлиного Гнезда, но недолго — десятилетний Сеок, почти не останавливаясь, отчищал у него поочерёдно Кровавые Врата, затем Лунные, а затем и главный замок вместе с Копьём. Однако с того дня Роберт сильно поднаторел и жаждал реванша.

Но сегодня он снова не мог пойти с ребятами, так как держал аракх в левой руке, примериваясь для удара. На торце вкопанного в землю широкого бревна лежала кедровая шишка с всунутой между чешуек длинной иглой, и ему нужно было срезать её максимально близко к основанию, и сделать это так аккуратно, чтобы шишка не упала. По всей высоте на бревне виднелись десятки зарубок с разных сторон — следы его неудач. Роберт лишь недавно наконец-то начал попадать не по стойке, а по шишке. Однако отсечь тонкую хвоинку, не потревожив шишку, ему пока не удавалось.

— Роберт, открой глаза. — Грай стояла в нескольких ярдах, наблюдая за ним. Порой Роберт уходил для своих занятий в подлесок, и в такие минуты, как сейчас, выглядел очень беззащитным. Но Грай позаботилась, чтобы никто не тревожил его покой. Угрозы Шелы она тогда восприняла всерьёз и потом несколько дней не сводила с неё глаз — и в нужный момент оказалась рядом. Когда Шела уже примеривалась для броска, отведя нож, стрела вонзилась в дюйме от её головы в ближайшее дерево. Грай вышла из укрытия, чтобы противница видела приготовленный для следующего выстрела лук, и та предпочла уйти — так же тихо, как и пришла.

Уголок рта Роберта чуть дёрнулся в улыбке. Грай ходила бесшумно, но он почувствовал чужое присутствие ещё до того, как она заговорила. Роберт стоял на одной ноге, уперев ступню другой во внутреннюю поверхность колена и удерживая равновесие раскинутыми в стороны руками. Стоял так уже минут сорок, поэтому аракх, зажатый в правой ладони, еле заметно подрагивал от напряжения. На голове лежала шишка, готовая свалиться оттуда от

малейшего движения, по лбу и вискам струился пот.

— Роберт, открой глаза, — повторила Грай. — Ивер привёл из низины какого-то старика. Тот говорит, что ищет тебя...

За почти два года, проведённых в плену, Роберт много раз представлял, как произойдёт его освобождение. Чаще всего это были жестокие сражения, которые заканчивались истреблением всего племени и выжженной до пепла пустошью. Но чем больше времени проходило, тем менее кровавыми рисовались картинки — безжалостная бойня и пожарища уступили место тайным побегам, с оружием и небольшим запасом еды. А в последние месяцы Роберт прекратил и бегать в своих фантазиях, мечтая теперь лишь о том, как обрадуется матушка, узнав, что он жив. Он тренировался, ходил на охоту и в дозор, рубил дрова и работал в кузне. И терпеливо ждал того часа, когда сможет стать полноправным членом племени — чтобы уйти по-честному, с гордо поднятой головой, не опасаясь получить стрелу в спину от зоркого караульного. Но никогда в его грёзах не возникал одинокий старик, добровольно пришедший за ним в поселение.

Роберт открыл глаза, медленно опустил ногу, скинул с головы шишку и вложил арах в ножны. И только потом посмотрел на вестницу.

— Старик? — спросил он задумчиво. — Ивер привёл?

— Ты что, словно мертвяк, Роберт? — Грай с трудом стояла на месте, переминаясь с ноги на ногу. — Я думала, ты обрадуешься. И побежишь так, что я за тобой не угонюсь...

— Я рад, — сказал он, поднимая с травы рубашку и неторопливо натягивая её на себя. — Как выглядит старик?

— Высокий... худой и... и старый. Очень старый, даже старше Ивера.

— Он рыцарь?

— Я не знаю. Может быть. Он в кольчуге, но вроде без оружия.

— Хорошо, пошли.

— Побежали, Роберт! Побежали быстрее!

Около костра, казалось, собралось всё племя. Гвалт был такой, что Роберта и Грай заметили, лишь когда они стали протискиваться сквозь плотную людскую массу, расталкивая толпу руками. По мере приближения к центру крики потихоньку смолкали.

Сир Бринден Талли стоял один, словно Обгорелые опасались заразиться от него дурной болезнью. Спокойно, с достоинством, он разглядывал шумящую толпу, неспешно рыскал по ней взглядом, выискивая того, за кем пришёл, и не обращал внимания на вылетающие порой из чьей-то чересчур крикливой глотки угрозы и оскорбления.

Кто-то цепко ухватил ринувшегося вперёд Роберта за локоть.

— Стой на месте, — прошипел ему на ухо Торстен. — И молчи, если жизнь этого воина дорога тебе.

Никто не сделал подобного предупреждения Талли, и тот тоже двинулся навстречу, наконец увидев Роберта, но путь ему преградил Красная Рука, грубо толкнув в грудь своим огромным двусторонним топором.

— Я Тиметт, сын Тиметта, по прозвищу Красная Рука, военный командир клана, — сказал он свирепо. — Кто ты и зачем пришёл?

Незванный гость остановился, взглянул на говорившего и чуть наклонил голову.

— Приветствую тебя, Тиметт-Красная Рука, — уважительно сказал он, а затем представился сам: — Я сир... кхм... Я Бринден, сын Эдмара¹, по прозвищу Чёрная Рыба дядя леди Аррен, несчастной матери этого юноши. — Он кивнул в сторону Роберта. —

Пришёл говорить с вождём твоего племени.

Тиметт шагнул в сторону, освобождая дорогу, и Талли подошёл ближе к сидящему на огромном, устеленном шкурами троне вождю, окружённому вооружёнными мужчинами.

Роберт с удивлением осматривал Обгорелых. Все они были в добротных доспехах, варёной коже, их меховые плащи стягивали массивные золотые пряжки, а оружие блестело. Горло вождя прикрывал золотой, с инкрустацией, горжет, а пальцы, в том числе изуродованные огнём, унизывали перстни с разноцветными камнями. В одной руке он сжимал золотой кубок, другой поигрывал кинжалом из валирийской стали. Даже в День Посвящения Роберт не видел такого великолепия.

— Я Тиметт, сын Торбена, верховный вождь клана, — сказал вождь. — Чего ты хочешь, Чёрная Рыба?

— Мы узнали, что Роберт... сын Джона, законный лорд Долины Аррен, волей Семеры и вашим милосердием жив и здоров. Я пришёл поблагодарить вас, — сказал сир Бринден, снова вежливо, с достоинством кивая.

— Ну так благодари.

— У подножия гор для вас стоит обоз с провизией, доброй сталью, медной и бронзовой утварью. Отпустите Роберта Аррена, и вы никогда больше не будете знать голода и недостатка в хорошем оружии.

Вождь важно кивнул, остальные стали переговариваться, обсуждая предложение, кто-то заспорил. Самая многочисленная компания, в которой был и Красная Рука, громко смеялась.

— А нужник кто будет у нас чистить, а? — выкрикнули оттуда.

Смех перекинулся на остальных, и даже глава клана улыбнулся. Но потом он вновь стал серьёзным и спросил:

— Мои люди говорят, там не просто обоз. Вы встали большим лагерем, там много вооружённых воинов. Это ловушка?

— Нет, — ответил сир Бринден. — Это охрана. На обоз могут напасть другие кланы.

— Мы тоже можем напасть, — ухмыльнулся Красная Рука, и его соратники согласно загалдели.

Сир Бринден дождался, пока гвалт немного стихнет, и величественно расправил плечи. Его рука потянулась прикоснуться к рукоятке меча — в серьёзных ситуациях это всегда придавало ему уверенности в правильности принимаемого решения. Он предполагал предстать перед похитителями полномочным послом великого дома, окружённый свитой из самых достойных рыцарей Долины, с честью выполняющих свой долг, а прибыл в поселение один — безоружный, большую часть пути проведя на лошади со связанными руками и мешком на голове. На переговорах Обгорелые твёрдо стояли на своём, и ему пришлось уступить. Теперь же, чтобы окончательно решиться, приняв на себя все последствия своего решения, ему требовалась хоть какая-нибудь опора. Однако меч у него отобрали ещё в самом начале пути, и он досадливо отдернул ладонь от пустых ножен.

— Если у вождя есть дочь, сестра или внучка, мы готовы рассмотреть возможность брака между нею и лордом Долины, — торжественно и степенно сказал посланник леди Аррен.

Почти месяц простоял обоз в предгорье, пока им удалось отыскать и убедить жившего в одиночестве Обгорелого, назвавшегося Ивером, доложить главе клана о прибытии парламентёров.

— У вождя есть дети? — спросил сир Бринден у упрямого отшельника, когда пытался

сломить его сопротивление, уговаривая хотя бы передать просьбу о встрече. И когда тот не ответил, пояснил свой вопрос: — Если бы они попали в беду, неужели их отец не испробовал бы любой способ помочь? Есть у него дети?

— Есть, — наконец кивнул Ивер. — Сын и дочь. Да, он бы всё сделал для них.

И только тогда дело сдвинулось с мёртвой точки.

Полученные сведения до поры до времени оставались просто сведениями. Предложение о браке в какой-то степени стало неожиданностью и для самого сира Бриндена. «Всё, что угодно, дядя!» — сказала ему Лиза. Но что он мог дать им? Еду и оружие? Обгорелые обсмеяли его — они и правда могли сами брать необходимое, нападая на обозы, рудники и деревни. Посулить золото? Ходили слухи, что уцелевшие в битве на Зелёном Зубце горцы вернулись в свои горы не с пустыми руками, а больше всех золота привезли с собой именно Обгорелые, которые ещё успели послужить в охране десницы короля. Сир Бринден догадывался, что не каждый день племя пьёт из золотых кубков и щеголяет в новых доспехах. Хитрые дикари подготовились к его приходу, выставив напоказ своё благосостояние: искусно сделанное оружие, украшения, богатую одежду и даже кинжал из валирийской стали, который старший Тиметт демонстративно крутил в левой руке с обугленными пальцами. У Арренов не было ничего, что бы они могли предложить Обгорелым в обмен на свободу Роберта. Только сам Роберт.

В полной мере осознавая невозможность решить дело так, как того требовали его происхождение, честь и обычаи, Талли принял как данность и мучительную в своей униженности зависимость великого дома Арренов от чужой воли, и собственное бессилие что-либо противопоставить ей. Однако всё внутри него протестовало против совершаемого над своей природой насилия, и в большей степени даже над безвинным парнем, судьбу которого он сейчас так самонадеянно решал. Поэтому не удержался и надменно добавил:

— С начала времён Долина не знала ничего подобного. До сегодняшнего дня такой чести не достаивался никто.

Все притихли, переводя взгляды с вождя на Грай и обратно. Даже Тиметт-младший замолчал, угрюмо глядя на отца. Тот распрямился и величаво качнул косматой головой.

— Честь и правда великая, Бринден, сын Эдмара, — сказал он не менее надменно. — Но с чего ты взял, что вы достойны такой чести?

Примечания:

¹ в каноне не упоминается имя отца Хостера и Бриндена Талли. Его вполне могли звать Эдмаром — своего сына Хостер назвал в его честь.

Глава 10. Роберт утешает и сердится

Бриндена Талли, по прозвищу Чёрная Рыба, сложно было чем-то смутить. Слишком много дерьма он повидал в своей жизни. Но то, что происходило сейчас на его глазах, не укладывалось в голове. Маленький засранец ухмылялся. Великий дом Арренов предложил брак немытым дикарям, но те заочевряжились, набивая себе цену. А Роберт Аррен, глава этого самого дома, ухмылялся. Талли мог поклясться, что видел ухмылку.

За всё время переговоров Роберт не произнёс ни слова. Он стоял в стороне, словно происходящее его не касалось — не разговаривал с Обгорелыми, не вмешивался в беседу посланника своей матери с вождём и Красной Рукой. Лишь переводил внимательный взгляд карих глаз с одного на другого, и только это выдавало его интерес. Но когда вождь высокомерно и недвусмысленно обозначил свою позицию, и племя одобрительно загудело, Роберт опустил ресницы, а уголок его губ насмешливо пополз вверх.

Только сейчас Талли удосужился внимательно рассмотреть непутёвого родственника, которого помнил своенравным и капризным лоботрясом, за что порой выговаривал Лизе по-свойски за её неумную опеку. До мужчины тот ещё не дорос, но и мальчишкой его уже нельзя было назвать — он вытянулся, раздался в плечах, оставаясь при этом стройным и немного худощавым. Его щёки ещё сохраняли детский румянец, но над верхней губой уже пробивался пушок. Небрежная одежда и длинные нечёсанные волосы делали Роберта неотличимым от остальных горцев, которых Талли немало повидал на своём жизненном пути.

Запах томящегося на огне жаркого дразнил обоняние, а уютное побулькивание из-под приоткрытой крышки огромного стального котла услаждало слух, но посланник Арренов, у которого с самого утра во рту не было ничего, кроме горсти лесной ежевики, равнодушно отводил от костра взгляд. Гомон немного стих, и вождь снова заговорил, всё так же медленно и надменно.

— Тебе есть, что ещё сказать, Чёрная Рыба? — спросил он.

Талли не спешил с ответом, он тоже старался говорить неторопливо, подстраиваясь под манеру вождя.

— Со времён нашествия андалов жители Долины и горцы враждуют. От этого страдают обе стороны, — сказал он, немного помолчал и спросил, окидывая взглядом стоящих рядом с тронном воинов, адресуя вопрос не только главе клана, но и им: — Может быть, пришло время положить этому конец? Мы можем сделать это сегодня. Брак свяжет наши семьи родственными узами, станет залогом мира в Долине.

— И зачем нам это надо? — с искренним недоумением усмехнулся вождь. — Нам и так хорошо.

— Орлиное Гнездо будет снабжать вас продуктами — зерном, горохом и чечевицей, вином, солью, мёдом и засахаренными фруктами. Вам не придётся больше нападать на путников и грабить их... не придётся рисковать своими жизнями и погибать... и оставлять своих стариков и детей без защиты. Стоит ли жизнь вашего воина бочки вина, ящика с оружием или целого воза брюквы?

Талли сделал паузу и огляделся. В его глотке пересохло, и он не отказался бы от кружки доброго эля. Но ему не предложили ни есть, ни промочить горло. Он откашлялся и продолжил:

— Вы сможете торговать в Чаячем городе или в любой ближайшей деревне. Все знают, что нет охотников лучше горцев. Вы сможете честно продавать меха и дичь на городском рынке. Или обменивать их на пилы и топоры, на стальные иглы, ножницы и другие нужные вещи.

Обгорелые снова зашумели, обсуждая, темпераментно жестикулируя. Красная Рука подскочил со своего чурбака-кресла, раздосадованный.

— Ты слышал, что сказал наш вождь, Чёрная Рыба! Не бывать этому! — выкрикнул он. — Мы — потомки Первых людей! Мы не мешаем свою кровь с кровью захватчиков!

— Но вы постоянно похищаете женщин Долины, Красная Рука, — возразил сир Бринден. — Кровь уже давно смешалась.

— Они шлюхи! Мы берём их силой. Для утех и работы.

Обгорелые загалдели, заулюлюкали одобрительно.

— Твоя мать не была шлюхой. — Роберт впервые открыл рот. Он сделал шаг к костру, но смотрел только на Тиметта. — Она была честной и порядочной девушкой. И законной женой твоего отца. В твоих жилах течёт кровь андалов.

Красная Рука в гневе уставился на излишне болтливую сестру единственным глазом, но та не отвела взгляда.

— А зачем мир с нами нужен вам? — спросил вождь, не поддержав ни сына, ни дочь.

— С нашей помощью вы подчините себе остальные кланы и станете самым могущественным кланом в Лунных горах. Вы заставите всех горцев прекратить нападения. И на деревни, и на обозы, и на рудники. Дороги в Долине должны полностью стать безопасными. Это хорошо для торговли. — Сир Бринден пожал плечами и как бы между прочим добавил: — Ну, и Роберт Аррен вернётся домой...

— Мы не только потомки Первых людей. — После недолгого молчания вождь дал понять, что сказанное сыном не прошло мимо него. — Мы не только хорошие охотники, как ты верно отметил, Чёрная Рыба. Ещё мы воины, мы живём битвами. А ты предлагаешь нам стать жалкими торгошниками? Выменивать иголки на рынке в ваших вонючих городах?! — Голос загромыхал горным камнепадом.

Красная Рука хищно оскалился и, подняв вверх блестящий в отсветах костра топор, издал боевой клич, поддерживая своего вождя и родителя. Обгорелые взревели, потрясая оружием.

Талли снисходительно улыбнулся, словно наблюдал бахвальство неразумных детей, однако стараясь при этом, чтобы его улыбка не вышла оскорбительной.

— У вас будет возможность сразиться с сильным врагом. И покрыть себя славой на все последующие века, — громко сказал он, перекрывая гомон. — Менестрели с трудом найдут слова, чтобы воспеть вашу доблесть, а ваша жажда славной битвы будет утолена сполна. Не всю же жизнь вам нападать на честных людей и красть чужое добро...

Крики мгновенно стихли. Красная Рука набычился и шагнул вперёд, отводя топор для удара. Вождь цыкнул на сына, и тот замер на месте.

— Из Чёрного замка, что на Севере, приходят дурные вести, — продолжил сир Бринден. — Король Ночи ведёт на живых свою армию мертвецов. Их сотни тысяч, и ряды постоянно полнятся. Им не нужна еда и сон, они не знают усталости, не боятся холода и снега, и горы им не помеха... Им всё равно, кто из нас чей потомок, чья кровь течёт в наших жилах, каким богам мы поклоняемся и какому правителю верны. Они убивают всех без разбора, и погибшие пополняют их смердящее войско. Ещё и поэтому нам следует

объединиться, милорды.

— Ещё раз назовёшь нас милордами, и я разможу тебе череп, — не спустил предыдущую обиду Красная Рука, снова потрясая топором.

Сир Бринден чуть склонил голову, давая понять, что услышал.

— Многие сотни лет мы враждовали с Одичалыми, Вольным народом Севера, — сказал он. — Мы убивали друг друга, равно как и жители Гор и Долины. Но всегда что-то происходит впервые. Это становится возможным, когда находится человек... смелый человек... готовый пойти против устоявшихся правил. Потому что пришло время. Недавно лорд-командующий Ночного Дозора открыл ворота и пустил Одичалых за Стену...

— Этого не может быть! Он лжёт! Чёрная Рыба всё придумал! — стали раздаваться возгласы. Обгорелые кричали, размахивали руками, обвиняя рассказчика в хитрости и коварстве.

— Одичалые видели мёртвых, видели Белых Ходоков, — сказал сир Бринден. — Манс Налётчик объединил враждующие племена, что живут к северу от Стены. Это ещё один смелый муж, который смотрит в будущее! Тенны и Рогоногие, людоеды и великаны забыли о распрях, чтобы противостоять общей угрозе. Они признали Манса вождём, назвали его Королём-за-Стеной, и пошли за ним. Чтобы спасти своих людей, он направил их на юг. Его войско было готово перебить братьев Ночного Дозора, лишь бы попасть за Стену и спастись от мертвецов. Но братья сами подняли ворота и укрыли их...

Обгорелые переглядывались, Красная Рука склонился к отцу, что-то говорил жарким шёпотом. Но Талли ещё не закончил, теперь его голос звучал почти в полной тишине, долетая до самых шатров.

— Нам тоже нужно держаться вместе, — сказал он. — Потому что враг, идущий с Севера, наш общий! Вы не выстоите в одиночку, мы не обойдёмся без вас. Жители Долины и Гор должны объединиться! И теперь весь вопрос в том, найдётся ли достаточно отважный человек, который сделает это, который сломает вековые традиции...

Вождь еле заметно двинул рукой, и сиру Бриндену принесли чурбак и кружку.

— Будь нашим гостем, Чёрная Рыба, — сказал Тиметт-старший. — Нам ещё многое надо обсудить.

Роберт неспешно шёл к ручью, его голова гудела: от мыслей, которые металась, как вспугнутые куропатки, от вопросов, что копошились растревоженными червями. Но он прекрасно понимал, что невозможно прямо сейчас получить на всё ответы — к дедушке Бриндену было не подобраться. Как только того пригласили подсесть к костру, Обгорелые сразу расслабились, перестали смотреть волком, окружили его плотным кольцом, исключив из него Роберта.

Вождь с видимым облегчением снял все перстни с пальцев и с шеи горжет, передав их Хджордис вместе с золотым кубком. Взамен ему подали большую медную кружку. Появились бочонки с берёзовой брагой, женщины принесли миски и ложки, и с котла на огне наконец-то сняли крышку. Разговор переключился на мертвецов и Белых Ходоков, Обгорелые рассказывали гостю, какие истории слышали сами. О Роберте и Грай, казалось, на время забыли все. Чуть раньше собрание покинула и она, и Роберт знал, где застанет её.

— Я видел, как ты ушла, и решил, что найду тебя здесь. Хотел кое о чём с тобой поговорить. Почему ты убежала? — спросил он, подойдя к ручью.

— Хотелось побыть одной... подумать... Мне страшно, Роберт. — Грай прижала

ладони к раскрасневшимся щекам, пытаюсь унять и жар, и волнение.

— Почему? Чего ты боишься? — Он и сам тревожился. Но если её тревоги те же, что и у него, то они смогут с ними справиться вместе.

— Нет. Сначала ты... О чём ты хотел поговорить?

— Если твой отец согласится... — Роберт запнулся, — если он всё же согласится, чтобы мы поженились... Ну... что ты думаешь об этом? Ты сама хочешь этого, Грай?

— А почему ты спрашиваешь? — Она смотрела настороженно, а потом отвела взгляд, чтобы не выдать обиды. — Нет, не отвечай, я и так знаю... Знаю, что ты этого не хочешь. Там у тебя в Долине, наверное, уже есть невеста... какая-нибудь красивая... хорошая девушка из знатных, правда?

— Я не знаю, — сказал он честно. — Может, и есть. Но я сейчас не об этом... Я спрашиваю, хочешь ли ты уехать со мной и жить в Долине? Уехать навсегда, Грай?

— Но ведь если я не соглашусь... что будет с тобой, Роберт? Как тогда уедешь ты?

— Я не останусь здесь надолго. Как только мне исполнится шестнадцать, я принесу свой дар Огненной ведьме и стану Обгорелым. И потом уйду.

Грай ахнула.

— И ведь правда, — прошептала она. — Обгорелый может уйти из племени. Мужчины почти всегда уходят, когда стареют... ведь они больше не могут приносить пользу. Но я никогда не думала, что уйти захочет молодой. Такого никогда не было... — Теперь Грай смотрела испуганно, её губы подрагивали. — Это тебе Ивер сказал, да? Он сказал, что ты можешь уйти? Ты давно это решил? Почему не сказал мне? Ты хотел уйти тайком? — Она задавала вопросы торопливо, сбивчиво, пытаюсь удержать слёзы, время от времени гордо вскидывая голову. Но выходило у неё плохо — голос срывался, а глаза блестели всё ярче.

— Да, Ивер... Но ещё я должен заслужить право стать Обгорелым. Я хотел тебе сказать, просто немного позже, когда у меня уже будет всё хорошо получаться. Когда я заслужу право, понимаешь? Чтобы не вышло, будто я хвастаю понапрасну. Я бы обязательно тебе всё рассказал.

— То есть если я сейчас откажусь...

— Тогда я просто вернусь домой чуть позже. Но если ты согласишься, то это будет уже завтра... или через несколько дней... Но я не хочу, чтобы ты соглашалась, только чтобы спасти меня. Помнишь, что я тебе обещал? Я больше никогда не буду за тебя прятаться!

Большие серо-голубые глаза смотрели долго, изучающе, а потом Грай напряжённо спросила:

— А ты, Роберт? Ты хочешь, чтобы я стала твоей женой?

— Мне всё равно придётся жениться, — пожал он плечами. — Когда-нибудь обязательно придётся. Это мой долг. У нас о браках договариваются родители, жених и невеста иногда до свадьбы даже не знают друг друга. Моя матушка так вышла замуж за отца — дедушка Хостер ей велел. — Роберт улыбнулся и бодро добавил: — Если мне всё равно придётся жениться, то лучше уж на тебе... Тебя я всё-таки знаю. Ты хорошая... и добрая... Ты спасла меня и помогала мне. И ты понравилась моей матушке. Обязательно понравилась! Ведь ты хорошая... и добрая. И ещё ты умеешь читать и писать...

Роберт растерянно смотрел на свою подружку, лицо которой становилось всё несчастнее с каждым его словом. И он заговорил с удвоенным жаром, взяв её за руку для пущего убеждения:

— А когда она узнает, что ты спасла меня от смерти, она тебя полюбит. Вот увидишь!

Не бойся, Грай. Я хочу, чтобы ты пошла со мной. Очень хочу... но... — Роберт замолчал, и она тоже замерла, закусив губу, ожидая приговора. — Но я не хочу, чтобы ты умерла! — выпалил он вдруг. — Как твоя мама... от тоски. Мы ведь навсегда уйдём, понимаешь? Ты больше не увидишь ни отца, ни брата. И я не хочу, чтобы ты умерла, тоскуя по ним...

— И всё? Ты только поэтому сомневаешься? — Её взгляд просветлел, и Роберт не понял, почему она вроде как выдохнула с облегчением.

— Да... только поэтому. Я не хочу, чтобы ты была несчастной. — Он тоже вздохнул свободнее. — Если бы мне сказали, что я могу сам выбрать себе жену, я бы выбрал тебя. Ты мне нравишься. Ты хорошая... и ты доб... — Роберт запнулся, заметив, как недоумённо стало вытягиваться лицо Грай, и закончил беспомощно: — ...рая. И ещё ты красивая...

— Правда? — на последнем слове она радостно рассмеялась, её глаза засияли. — Ты правда так думаешь, Роберт?

— Да, конечно... Тогда, на церемонии, когда все девушки были в туниках, с распущенными волосами... вы все были красивые. Но ты была самая хорошенькая! Я внимательно на вас смотрел, когда вы танцевали вокруг костра. Ты была красивее всех.

— Даже красивее Шелы?

Он кивнул.

— Ты была словно белая ярочка среди чёрных овец... словно звёздочка среди тёмных туч.

Грай смотрела с восторгом и благодарностью, а потом хихикнула:

— Шела — это туча?

— Грозное облако, — подтвердил Роберт, улыбаясь.

— Или чёрная овечка?

— Очень-очень злая...

Роберт обнял Грай за плечи, прижал к себе.

— Я не хочу грозное облако. Я хочу звёздочку... — Он наклонился, прикоснулся губами к щеке. И спросил, успокоенный, умиротворённый доверчиво прижавшейся к нему подружкой: — Теперь всё хорошо, Грай? Ты больше не боишься? Чего ты, кстати, боялась? Почему убежала от костра?

Грай, только что счастливо смеявшаяся, вдруг напряглась, сжалась, её ладони упёрлись ему в грудь, отталкивая. Но Роберт держал крепко.

— Нет, — прошептала она. — Отпусти меня. Нет, Роберт... Я не буду говорить. Ты не захочешь жениться на мне, когда узнаешь...

— Что? Что такое? — спросил он обеспокоенно. Ведь только что всё было так хорошо!

Но Грай мотала головой, шмыгала носом, а потом вдруг разревелась и уткнулась Роберту в грудь.

— Скажи... скажи... что случилось? — шептал он и гладил её по волосам.

— Нет, я не могу... Ты тогда не захочешь...

Она всхлипывала, пряча лицо в его уже насквозь мокрой рубашке, горестно подвывая, прижимаясь всё сильнее. Он не торопил её, не пытался заглянуть в глаза, не требовал больше ответа.

— Обманывать нехорошо, Роберт. И я не хочу тебя обманывать... Пусть даже ты откажешься. — Грай наконец решилась и пробормотала так тихо, что он едва разобрал: — У меня груди нет.

— Чего нет? — Ему казалось, что он всё же ослышался.

— Сиськи... их нет. Ну, они есть, но очень маленькие.

Озадаченный, встревоженный неожиданно возникшей проблемой, Роберт с трудом подыскивал слова утешения.

— Ну... ты ещё будешь расти, — сказал он, выуживая из памяти чьи-то чужие фразы. — А когда человек растёт, у него всё растёт.

— Силдж тоже так говорит. Но мои не растут... вообще не растут, окаянные. — Она снова жалобно всхлипнула. — Мне почти четырнадцать, а моя грудь плоская, как... как поляна! Только соски торчат, как две землянички...

Грай затихла, но всё ещё продолжала цепляться за Роберта — выдав постыдную тайну своей женской несостоятельности, теперь она уже от смущения не смела взглянуть на него.

— Не переживай. — Он снова наклонился и поцеловал её куда-то в ухо. — Я не люблю большую грудь... она противная...

— Да при чём здесь ты, Роберт? — Грай так резко вскинула голову, что чуть не врезала ему макушкой в подбородок. Но потом до неё дошло, что он имел в виду, отчаянно покраснела, и тут же сердито нахмурилась, уже позабыв, что минуту назад рыдала: — Как я буду кормить наших детей?!

— Детей? Каких ещё детей? — Он снова растерялся. — Ах, да... детей... Ну...

Мысли метались в голове ошалелыми кроликами, от безысходности Роберт сжал Грай так сильно, что она пискнула, и он в испуге расслабил объятия, лихорадочно придумывая ответ. И придумал, громко вздохнув от облегчения.

— Высокородные леди сами этого не делают, — объявил он ей победно. — Они вообще ничего сами не делают! Служанки помогают им одеваться, плетут им разные красивые причёски... А для детей берут кормилицу. Они сами не кормят... Правда-правда, я не вру! Меня кормила матушка, и она очень гордилась этим, и всегда всем рассказывала, что всех вот кормилицы кормят, а меня она сама... Но ты не будешь. Мы возьмём кормилицу с самой большой грудью, которую найдём. Пусть она кормит наших детей, а мы с тобой будем ездить на охоту и в гости! Я покажу тебе Чаячий город. Там камнемёты высотой с самую огромную ель в нашем лесу... И на рынке столько всего интересного! Сладкое мороженое молоко... и ещё жонглёры с обезьянками... из Мира привозят кружева. А ещё портные. Ты знаешь, что в Чаячьем городе самые лучшие портные во всём Вестеросе? Мы нашьём тебе красивых платьев с кружевами и поедem на большом корабле за Узкое море.

Роберт рассказывал неторопливо, описывая в красках их совместное будущее, и Грай слушала зачарованно, простодушно распахнув глаза, приоткрыв рот в детском восторге.

— Мы можем съездить в Королевскую Гавань, — продолжал Роберт. — Я там был... давно, ещё в детстве... но совсем ничего не помню. Матушка рассказывала, что Королевская Гавань стоит на берегу реки, на трех холмах: Эйгона, Висеньи и Рейнис. На самом большом холме Эйгона стоит Красный Замок. Он огромный и красивый, но Бриенна говорила, что Орлиное Гнездо красивее. У него семь башен. И ещё там Железный трон. А на холме Висеньи стоит Великая септа Бейлора. У неё тоже семь башен, и они хрустальные. Я тебе всё это покажу... ну и сам заодно посмотрю... Или поедem в Браавос, посмотрим Браавосского Титана. Дедушка Бринден говорил, он такой огромный, что корабли свободно проходят меж его расставленными ногами. И ещё поедem на остров Тарт, к Бриенне. Я познакомлю тебя с Бриенной! Она тебе понравится. И ты ей тоже, вот увидишь... Тебе больше не придётся приносить пользу, Грай. В Орлином Гнезде ты будешь делать только то, что сама захочешь. Потому что ты будешь леди Аррен!

— И я даже смогу рисовать картинки в книгах? — спросила она.

— Ты можешь изрисовать все книги в нашей библиотеке! — радостно сказал Роберт. — А когда они закончатся, мы купим ещё! Ты можешь расчёсывать волосы и вертеться перед зеркалом хоть весь день, и никто не отругает тебя! Можешь весь день читать... или писать свои истории в книгу.

— Я согласна, Роберт! Я поеду с тобой, — сказала она и счастливо рассмеялась, но потом повторила уже серьёзно: — Я хочу поехать с тобой в Долину. Очень хочу.

— Ты больше не боишься? — И когда она помотала головой, он взял её лицо в ладони и осторожно прикоснулся губами к губам. — Хорошо. А сейчас беги обратно. Скажи сирю Бриндену, что я зову его. Надеюсь, они уже там наговорились вдосталь, и ему позволят отлучиться ненадолго. Я очень хочу быстрее уехать, мне не терпится познакомиться тебя с матушкой.

Роберт изменился — сейчас Талли видел это ещё отчётливей — стоял, уверенно расставив крепкие ноги, на боку в ножнах висел аракс, закатанные рукава замызганной просторной рубашки оголяли загорелые, покрытые синяками и царапинами руки. Во взгляде не было ни страха, ни беспокойства, лишь вопросы и искренняя радость от встречи.

— Дедушка Бринден! — Роберт кинулся навстречу с непосредственностью ребёнка и обнял его. — Спасибо! Спасибо, что приехали за мной.

Благодарность Роберта стала ещё одной приятной неожиданностью — раньше признательность была у него не в чести.

— Я рад, что ты жив и здоров, Роберт, — сказал сир Бринден, похлопывая его по спине. Потом чуть отстранился, с удовлетворением ещё раз оглядел его и повторил: — Очень рад.

В глазах Роберта заплескалось неподдельное беспокойство.

— Как матушка? Здорова ли?

— Все слёзы выплакала. Но она никогда не переставала верить, что ты жив. Леди Лиза в добром здравии и ждёт тебя. — Изборождённое морщинами лицо омрачилось. — У нас мало времени на разговоры, Роберт... так что сразу к делу. Хочу сказать тебе про твою женитьбу. Ты не обязан выполнять то, что я предложил Обгорелым от безысходности.

— Так они вроде бы ещё не согласились, — хмыкнул Роберт.

— Думаю, в итоге согласятся. А пока просто пускают нам пыль в глаза.

— И ведь ловко пускают, правда? — Теперь Роберт уже откровенно веселился. — Признайтесь, дедушка Бринден, вы ведь не ожидали от них такого ответа?

— Не ожидал, — подтвердил тот.

— Видели бы вы своё лицо! — Роберт снова усмехнулся, но затем посерьёзnel и вздохнул: — Тут многое оказалось не совсем таким, как мы себе представляли...

— Ты очень изменился, Роберт. — Сир Бринден внимательно рассматривал его, не переставая удивляться.

— Да уж пришлось, — невесело скривился тот в ответ, после чего спросил с живым интересом: — То есть про мертвецов это неправда?

— Правда. Истинная и страшная.

— А как же тогда...? Почему вы говорите, что я могу не жениться, если не захочу?

— Сейчас мертвецы далеко на севере. Все надеются, что Стена их удержит... А вот если нет, то нам придётся туго. Но для того, чтобы выстоять, Обгорелые нам не особо нужны. Если мы справимся, то справимся без них. Если же наших сил не хватит, то пара-тройка

тысяч дикарей ничего не изменит... Чтобы выжить, мы им нужны больше, чем они нам. Но им об этом знать не обязательно. Главное, чтобы они согласились отпустить тебя. Главное — вывезти тебя отсюда. За это мы готовы пообещать всё, что угодно. А потом, когда ты будешь в безопасности, мы вернём девушку, если таково будет твоё желание.

Сир Бринден ожидал каких-то эмоций — признательности или одобрения, но Роберт просто молча его разглядывал.

— Лорд-командующий... — наконец сказал он задумчиво, и сир Бринден озадаченно нахмурился. — Тот, кто пустил Одичалых за Стену... Кто он?

— Джон Сноу. Тот бастард, который жил в семье Неда Старка.

Роберт снова надолго замолчал, о чём-то напряжённо размышляя. Потом склонил голову набок, уголок его рта вскинулся в презрительной усмешке.

— То есть бастард Старка может ломать традиции, — медленно проговорил он, — а законный сын Джона Аррена нет? Он для этого недостаточно отважен?

В голосе Роберта не чувствовалось ни возмущения, ни даже обиды, но что-то во взгляде и изломе нахмуренных бровей заставило выдавшего вида воина сначала подобраться, а потом почтительно склонить голову.

— Нет, милорд, я не имел в виду это, — сказал он. — Я хотел сказать, что лишь я один несу ответственность за принятое решение. Леди Аррен не давала такого распоряжения. Это была целиком моя инициатива.

В этот раз молчание затянулось ещё дольше — на скулах Роберта вздувались желваки, когда он сжимал зубы, яростно стискивая ладони в кулаки. Внутренняя борьба закончилась тем, что Роберт вскинул подбородок и сказал, с гневной дрожью чеканя каждое слово:

— Я прекрасно понял, что вы хотели сказать, сир. Говоря об отважном человеке, который ломает вековые традиции между горцами и жителями Долины, вы не обо мне говорили... Но я не в обиде. Вы были вправе сомневаться во мне. Ведь до этого я не давал вам повода думать иначе, верно? Но я обещаю, что никогда больше у вас не будет предлога усомниться в моей чести. Ни у вас, ни у кого-либо другого. Я не допущу, чтобы сегодняшнее ваше обещание оказалось нарушено по моей вине...

Талли видел, с каким трудом Роберту даются эти слова, который теперь говорил жёстко, отрывисто, сердито — как лорд говорит с провинившимся вассалом.

— Вы посланник моего дома, сир. Всё, что вы здесь делаете, вы делаете от имени моего дома. Всё, что говорите — говорите от моего имени. Ваше предложение — моё предложение. Помните об этом!

— Да, милорд. — Талли снова склонил голову.

— И никогда больше не предлагайте мне нарушить моё слово!

— Да, милорд. — Голова склонилась ещё ниже, так, чтобы Роберт не увидел довольную усмешку.

— Возвращайтесь к костру и закончите дело, ради которого прибыли сюда. Как можно скорее. Я хочу домой.

— Да, милорд.

— Ваша инициатива... — Роберт замолчал и дождался, пока собеседник поднимет голову, — она мудрая. Моя матушка выбрала хорошего посланника.

— Благодарю, милорд.

Талли развернулся и зашагал обратно. Он шёл к костру и улыбался, качая головой в изумлении. Взбучка, которую устроил ему Роберт, стоила того огромного удовольствия

узнать, что маленький засранец теперь не такой уж и засранец. Соколёнок, быть может, ещё и не был готов к самостоятельному полёту, но пёрышки топорщил уверенно и клевался вполне грамотно.

Последовать за сиром Бринденом Роберт не спешил — он стоял, прислушиваясь к ровному гулу человеческих голосов, идущему от пылающего костра, чьи отблески виднелись даже отсюда. Попытался осмыслить то, что произошло с ним сегодня. Раздумывал, будет ли скучать, когда покинет это место навсегда. «Нет. Никогда», — ответил он себе честно. Ну, может быть, только по неторопливым историям Торстена на вечерних посиделках в шатре... или по играм с ребятами на поляне... по беседам с Ульфом во время укладки копчёного мяса по коробам... по незлым подначиваниям Эши, когда он в очередной раз портил шкуру, по... Роберт отбросил ненужные сожаления и уже собрался вернуться к костру, но шорох из ближайших кустов заставил его замереть на месте и положить ладонь на рукоять аракха.

— Собираешься домой, маленький лорд? — В сгущающихся сумерках тёмные глаза Ивера казались чёрными дырами. — Теперь тебе не нужно держать своё слово, которое ты дал старому нищему Обгорелому, верно?

Роберт молчал, не до конца ещё вернувшись в реальность из своих размышлений.

— Не бери в голову, парень. Я просто спросил... — Ивер невесело усмехнулся.

— Дорога до дома длинная, — медленно сказал Роберт. — Времени для тренировок будет достаточно. У меня ещё не всё хорошо получается. Поэтому, если ты не передумал, дотракиец, собирай вещи. Ты уезжаешь с нами. — Он немного помолчал, словно что-то припоминая, и затем спросил: — Не хочешь кого-нибудь взять с собой?

Недоверие в чёрных глазах сменилось удивлением.

— Нет, — покачал Ивер головой. — Ей будет лучше здесь. У меня дома считают, что женщина должна растить детей и ждать мужа с войны. А не размахивать мечом. Шела не найдёт себе там мужа... Слишком уж непокорная. Её дом здесь.

Роберт кивнул, ему пора было идти.

— Готовься в путь, дотракиец, — повторил он. — Я всё же накормлю тебя кровяными колбасами.

Подходя к костру, Роберт услышал препирательства — Красная Рука что-то возбуждённо доказывал сирю Бриндену, Хаген поддерживал своего командира. Мужчины и женщины переговаривались, пили из кубков и кружек, кто-то собирал грязные миски, лежащие на траве. Грай стояла слева от кресла отца и с негодованием прислушивалась к словам брата. Роберт шёл, открыто любуясь ею, не скрывая своей радости, улыбаясь лишь ей одной. Она заметила его первой и сначала робко потупила взгляд, но потом тоже радостно заулыбалась.

— Мышь никогда не станет сумеречным котом! — с убеждением в голосе воскликнул Тиметт сирю Бриндену, заканчивая спор, и Хаген согласно утукнул.

— Я не мышь. — Роберт наконец оторвал взгляд от Грай и посмотрел на Тиметта, не переставая улыбаться. — Я сокол.

— Это у себя в замке ты сокол, — раздражённо бросил тот. — А здесь ты обычная трусливая мышь. Только жрёшь больше. И срёшь...

Вождь поднял ладонь, останавливая сына, и посмотрел на Роберта.

— Посланник твоего племени был очень красноречивым. Много правильного и мудрого он сказал. Я почти готов прислушаться к его советам и согласиться на ваш брак с моей дочерью.

Роберт положил ладонь на рукоятку аракса и учтиво поклонился.

— Почту за честь, милорд, — сказал он.

Вождь хмыкнул, его лоб разгладился, а глаза довольно прищурились.

— Но прежде, чем принять окончательное решение, я хочу послушать тебя, Роберт, сын Джона. Что ты можешь сказать мне?

Роберт оглядел горцев, медленно переводя взгляд с одного на другого. Здесь были и друзья, и те, кто так и не принял его. Что он мог сказать им? Сир Бринден уже сказал всё, что было возможно придумать — Лиза Аррен действительно выбрала разумного и толкового парламентёра. Разве что...

— Я обещаю, что ваша дочь не пожалеет, что покинула племя. Я постараюсь сделать всё, чтобы она была счастлива в Долине, — сказал он.

Роберт видел, какой признательностью светится взгляд Грай. Как неприязненно хмурится Красная Рука, и одобрительно смотрит сир Бринден.

— Я надеюсь, что она подарит мне много здоровых сыновей, а вам внуков, — продолжил Роберт, и Грай смущённо опустила голову. — Когда Обгорелые объединят всех горцев Лунных гор, то встанут во главе них. Вы поможете нам сделать Долину процветающей. А если союз племён решит принести мне, лорду Долины, клятву верности, то вместе мы сможем вернуть моему дому Соколиную корону, сделать Восток независимым королевством. Как было когда-то. — Он помолчал и добавил, глядя на вождя в упор: — Твой внук, Тиметт, сын Торбена, может стать Королём Гор и Долины! Кровь твоего рода будет течь в жилах королей Востока!

Глаза вождя превратились в чёрные щёлки, Красная Рука изумлённо приоткрыл рот, сир Бринден удовлетворённо крикнул, а взгляд Грай стал восторженно-обожаящим. И лишь старый дотракиец где-то в тени деревьев зашёлся в беззвучном смехе, повторяя про себя: «Вот же плут!»

— Чтобы жениться на Грай, парень, ты должен стать одним из нас. — Вождь наконец принял решение и дал свой ответ. — Ты должен стать Обгорелым. Но сначала нужно, чтобы трое мужей клана поручились за тебя. — Он оглядел собрание: — Кто поручится за Роберта, сына Джона?

Почти сразу в круг вышел Торстен.

— Я поручусь за него, — просто сказал он.

Роберт кивнул, благодаря.

— Кто ещё? — спросил вождь.

Обгорелые переговаривались, но никто не торопился выступить. Красная Рука грозно осматривал своих воинов, Грай тоже с тревогой переводила умоляющий взгляд с одного на другого, выискивая в лицах хотя бы искру поддержки.

— Я поручусь за лордёньюша, — сказал Ульф, выходя вперёд. — Мы не раз вместе ходили на охоту. Парень не хуже наших ребят!

Грай решила, что отдаст Ульфу тот кожаный пояс, украшенный лунными камнями, что она шила для Роберта, исколов себе все пальцы. Ей будет в удовольствие сделать ещё один.

После небольшой заминки к костру протиснулся Ивер.

— Я поручусь за маленького лорда, — сказал он. — Ему есть, чему учиться, но он небезнадёжен.

— Нет! — протестующе воскликнул Красная Рука, тыкая в сторону поручителя топором. — Ты ушёл из племени, Ивер-дотракиец! Ты можешь делить с нами еду у костра,

но больше не имеешь права голоса!

Тот виновато опустил голову и шагнул обратно в тень. Грай обмерла и, стараясь удержаться от слёз и упрёков, вцепилась пальцами в плечо отца.

— Кто ещё? — спросил вождь. Но племя молчало. — Хорошо, тогда я сам поручусь за него.

Обгорелые зашумели, заглушив протестующий вскрик младшего Тиметта.

— Благодарю, милорд. — Роберт вновь почтительно склонил голову.

— Роберт, сын Джона! — торжественно провозгласил вождь. — Мы примем тебя в племя! Чтобы стать одним из нас, ты должен принести свой дар Огненной ведьме!

Роберт был готов к такому, но у него всё равно противно засосало где-то в животе.

— Ты должен убить сумеречного кота! — сказал вождь.

Роберт похолодел.

— И провести ночь с Хджордис. Она проверит, готов ли ты.

Роберт с тоскливым ужасом взглянул на уродливое лицо лучшей охотницы.

— А если я убью двух сумеречных котов? — неуверенно спросил он, судорожно сглотнул и добавил: — Или сожгу два пальца?

— Боишься, что у меня четыре титьки? — расхохоталась Хджордис. — Или что щель поперёк?

Обгорелые загоготали, наполняя кружки пенистой брагой до самых краёв.

Глава 11. Роберт клянётся, уходит и возвращается

Торстен рубил дрова так же, как делал всё остальное, кроме когда бился мечом — неторопливо, размеренно, вдумчиво. Его молодое сильное тело двигалось ритмично, выверенно, без единого лишнего поворота, наклона, взмаха, и очередная чурка сначала разлеталась на две части, а затем их становилось три, четыре, пять... Острое лезвие тяжёлого колуна взлетало вверх, ухало вниз — дерево трещало, лопалось вдоль волокон, и поленья падали по сторонам широкого пня, на который ловкий дровосек ставил уже следующую чурку. Роберт собирал порубленные дрова, уносил в сарай и там складывал ровными рядами. Со вчерашнего вечера он ломал себе голову, зачем нужно проводить ночь с Хджордис, за что над ним такое изощрённое измывательство устроил вождь, но Торстен в ответ на возмущение друга лишь пожал плечами.

— Если парень не был с женщиной, он ещё не совсем мужчина. Даже если уже сжёг себе палец, — наставительно сказал он. — Хджордис показывает, как всё делать правильно, ага. Кто-то первый раз трусит... ну, что у него ничего не получится... и торопится. А сгоряча можно себе и копьё сломать, если тыкать куда попало со всей дури. И ещё бывают мужчины, у которых их копьё смотрит только вниз, и никогда не поднимается к небу. Он не может покрыть женщину, и сына у него никогда не будет. Говорят, раньше эта хворь часто приключалась. Из-за того, что кровь застаивалась внутри племени. Но когда горцы стали брать девушек из низины, кровь разбавилась чужой кровью, и дети снова стали рождаться сильными. Вот Хджордис и проверит твоё копьё, ага. Трёхпалый не отдаст тебе дочь, если ты из таких слабаков.

— Я не слабак! У нас в Долине кровь не застаивается! Когда я был в борделе...

— Это было давно. И то ли было, то ли не было. Хджордис попробует тебя на вкус и скажет своё слово. Здоровое потомство — это очень важно. А для Трёхпалого Тиметта особенно...

— Почему это для него особенно?

— Потому что род его идёт от рождённых от драконьего семени. И Тиметт гордится этим. Имеет право, как думаешь? — Торстен ухмыльнулся, глядя на ошарашенного друга.

— Ну, так-то да... — протянул Роберт растерянно.

— Грай тебе ничего не рассказывала, так?

— Не рассказывала...

— И не расскажет. Она у нас тихоня... И ещё слишком плохо знает вас. Вы, жители Долины, очень кичитесь своим происхождением. И похваляетесь им на каждом шагу, даже когда вас не спрашивают. Мы не хвастаем, как вы, но это не значит, что нам нечем гордиться. Ты думал, когда вождь сказал, что брак с Грай это большая честь, то он просто важничал? На пустом месте щёки раздувал?

— Я подумал, он просто хочет немного сбить с нас спесь...

— Род Трёхпалого Тиметта идёт от Деймона Таргариена и его любимой женщины, которая была наездницей дикого дракона Овечий Вор. Слышал про такого? Нет? — Торстен отставил колун в сторону, распрямился и смотрел теперь на Роберта грозно, с надменностью, делающей его похожим на обоих Тиметтов. — Она была простой девушкой. Но отец её тоже был из Таргариенов! Вот так-то! В следующий раз, когда надумаешь хвалиться своими королями Востока, вспомни об этом... — Торстен чуть сбавил накал, но

гордо поднятую голову не опустил. — Силдж рассказывала, а ей её бабка рассказывала, а та узнала от своей бабки, что наездница вместе с драконом пряталась в Лунных горах от гнева королевы Рейниры, хотя была совершенно бесстрашной. Но она боялась за своё дитя, что прижила от Деймона. Сын вождя Раскрашенных Псов спас их, помог, ага... а потом полюбил её. Он был отважный воин, и когда ушёл из племени к ней, за ним ушли и другие воины, и так появилось племя Обгорелых. Не забывай об этом, когда уйдёшь отсюда в свою Долину. Не вздумай задирать нос перед моей сестрой, и не позволяй другим унижать её! В ней течёт драконья кровь!

— Да я бы и так не дал её в обиду... без всяких драконов... — сказал Роберт.

— Ну, теперь у тебя есть ещё одна причина. Я приду за тобой, Роберт, сын Джона, и сверну тебе шею, если узнаю, что ты обижаешь Грай. — Губы Торстена растянулись в холодной усмешке. — У нас не принято говорить о чувствах... но раз такое дело... Грай моя сестра, и я люблю её. Хотя она и Обгорелая, но не такая сильная, как Шела или Эша. Она никогда не могла постоять за себя... и я как представляю, что кто-нибудь из ваших надутых лордов со своей сраной андальской кровью будет смотреть на неё свысока, то...

— В Грай тоже есть андальская кровь, — перебил его Роберт, а затем ухмыльнулся, передразнивая: — Обычно я не говорю о своих чувствах, но раз такое дело... Я тоже люблю её, — сказал он уже серьёзно. — И не допущу, чтобы её кто-нибудь обидел. Обещаю. У тебя нет причин беспокоиться, брат.

Торстен глядел хмуро, сосредоточенно, а потом кивнул, расслабился и хлопнул Роберта по спине. И далее продолжил уже в своей обычной неторопливо-доброжелательной манере:

— Не знаю, станет ли твой сын королём Востока, но он будет внуком самого бесстрашного и храброго вождя самого сильного племени Лунных горцев и потомком Таргариенов! — Торстен на мгновение задумался и радостно добавил: — И моим племянником! Так что не ной. Хджордис проверит тебя, и это не обсуждается... Нам всем нужен здоровый наследник! — Он уже улыбался искренне, приязненно, обняв друга за плечи.

— Но почему именно она?! — простонал Роберт. — Или это только мне такое наказание?

— А что с ней не так? Меня тоже она проверяла, хоть я тоже уже был с женщиной. И Сверра проверяла, и Ола. И прошлогодних ребят. До неё была Морен, но она уже стала старая, ага.

— Но Хджордис же... она некрасивая... да что там, она страшная, как какой-нибудь грамкин.

— Да? — Торстен озадаченно почесал макушку и затем согласно кивнул: — Ну да, она не красавица. Но ты же не на ней будешь жениться, так какая тебе разница? В шатре темно, а всё остальное у неё, как у обычной бабы. Все мягкие выпуклости в нужных местах, ага... И она очень добрая, Роберт. И ласковая. Тебе понравится, не сомневайся...

Роберт содрогнулся, представив, как её кривые, торчащие вперёд зубы касаются кожи, огромный жабий рот с тонкими, всегда бледно-синими губами разевается и заглатывает его плоть до самого корня... Бррр... Что тут может понравиться?

— Ты не о том тревожишься. Есть вещи посерьёзнее, — прервал его кошмарные видения Торстен. — Я не знаю, почему вождь сказал тебе добыть сумеречного кота. Это странно, обычно молодые просто уходят в лес в одиночку на день-два и приносят любую добычу. Не важно, олень это будет или пяток куропаток. Я подстрелил оленя. Сначала,

дурак, обрадовался. А потом чуть не сдох, пока допёр его сюда. Хорошо, колесо для волокуш с собой взял. Сверр принёс лису и четырёх зайцев, а хитрый Ол связку белок. Но у нас бывали и дурнее меня... Два года назад Шигга завалил лося. Тот был такой огромный, что Шигга не смог унести его даже с колесом. Он разрубил тушу и приволок лишь задние ноги. Наши потом вернулись на место, но нашли только передние копыта и рога. Шигга рога забрал, сказал, что когда женится, повесит над входом в шатёр.

— А ката кто-нибудь из молодых убивал?

Роберт уже встречал этих свирепых хищников с узкими серыми глазами и густым чёрным мехом с белыми поперечными полосками. Не один раз, дежуря ночью у костра в дозоре или на охоте, он слышал вопли дерущихся котов, видел светящиеся в темноте огоньки их глаз. А как-то, спускаясь с гор с нагруженными ледяными глыбами санями, он с другими Обгорелыми заметил двух крупных самцов, деливших убитого горного козла — коты басовито рычали, шипели и били друг друга мощными лапами с длинными загнутыми когтями, тянули тушу в разные стороны, и даже не подумали убежать, когда люди остановились понаблюдать за ними.

— Красная Рука убил ката после Посвящения, да и потом нередко охотился на них, — сказал Торстен. — Сумеречный кот непростая добыча. Он хитрый и очень умный зверь. Почему Трёхпалый Тиметт сказал тебе добыть именно его, не могу понять. Но приказы не обсуждаются, ага. Хотя и об этом ты можешь подумать позже. Сейчас тебе надо принести свой дар Огненной ведьме. Всё остальное потом... Рана после ожога заживает не меньше недели, а если кость загниёт, то и месяц. А то и вообще, может, руку придётся отрубить... Чего-то ты позеленел, Роберт. — Торстен ухмыльнулся. — Да шучу я. Силдж такого не допустит. Это я к тому, что у тебя ещё будет время подумать и о Хджордис, и об охоте. Начни с начала, брат. Хочешь, я помогу тебе сделать свечу?

— Нет, пока она мне не нужна. — Роберт неуверенно взглянул на друга. — И если Трёхпалый со мной согласится, то и не понадобится.

— Вот как? — Торстен удивлённо вытаращился, а потом понимающе заулыбался: — Ну-ну...

Вечером после ужина Обгорелые обсуждали с Талли железные копи и добычу руды, доказывая ему до хрипоты, что жители Долины не вправе рыть горы, которые им не принадлежат, и с гневом выслушивали своего гостя, вопрошающего — где же тогда брать металл для оружия, которое горцы потом сами беззастенчиво крадут, грабя обозы. «Где-нибудь, но не в наших горах», — был упрямый и неизменный ответ.

Роберт никогда не задумывался о том, из чего делают оружие и доспехи. Для него само собой разумелось, что кузнецы куют мечи, наконечники для стрел и копий, шлемы и латы, искусные мастера затем наносят красивую гравировку, покрывают резьбой и эмалью, ставят свои клейма и украшают драгоценными камнями. Но он никогда не интересовался, откуда берётся исходный материал для всего этого великолепия. Скромно сидя в тени, подальше от прославленных воинов, Роберт прислушивался к разговору, не вмешиваясь, отмечая про себя вопросы, которые решил при случае задать сиру Бриндену.

Вождь первым прервал познавательную беседу.

— Ты сделал Ведьмину свечу, парень? — спросил он у Роберта. И когда тот помотал головой, вскинул озадаченно косматую бровь: — А какой дар принесёшь Огненной ведьме, уже решил? Выбрал палец?

— Я не буду сжигать палец, милорд, если вы позволите. Он пригодится мне для охоты и

будущих битв. И в носу ковыряться. Вот... — Роберт подошёл ближе и протянул главе клана дощечку, на которой Грай по его указке всё утро рисовала обожжённой на костре веткой силуэт сокола с распахнутыми в стороны крыльями.

— Что это? — непонимающе вертел дощечку в огромных ладонях вождь.

— Символ моего дома. Попрошу Смэда, чтобы он выковал такое клеймо.

Вождь долго рассматривал картинку, а потом с интересом взглянул на Роберта. Красная Рука, видя такую реакцию отца, не стерпел.

— Мы Обгорелые, — сказал он непримиримо. — Лордённыш должен сжечь часть своего тела в огне! Должен засунуть палец в свечу! Или не палец...

Члены клана согласно закивали.

— Но ты не засовывал. И свечу не делал, — возразил Роберт. — Ты раскалил нож и воткнул его себе в глаз. Мне до тебя далеко, и я не смогу ткнуть себя не только в глаз, но вообще куда-либо. Поэтому я прошу тебя помочь мне сделать это. Если не боишься...

— Чего?! — Тиметта перекосило.

— Смэд раздует меха в кузне и раскалит клеймо, а ты приложишь его к моей груди. Туда, где сердце. Скорее всего, я буду орать так, что Огненная ведьма ещё пожалеет о том, что я решил принести ей дар... а стоящие рядом могут оглохнуть.

Эша и Хджордис расхохотались, и некоторые присоединились к ним. Вождь продолжал с любопытством слушать, не принимая чью бы то ни было сторону.

— Огненная печать на моём сердце станет общей данью уважения моим предкам и семье моей жены! Станет знаком объединения наших домов! Разве это недостойный дар? — спросил Роберт, обводя взглядом стоящих в круге костра.

Не найдя, что ответить, Красная Рука вопросительно посмотрел на отца. Тот качнул головой:

— Парень прав. Законов клана такой дар не нарушит. Воин он неважный, охотник посредственный. Но ум у него коварный. И язык хорошо работает.

— Языком болтать, не мечом махать, — презрительно скривился Тиметт. — Он языком собирается добыть сумеречного кота? Убедит его сдать? Или заговорит до смерти?

— Скоро узнаем... — пожал плечами вождь.

В этот раз церемонию Посвящения устроили полностью для одного Роберта — Вилфред, Тове и трое других ребят лишь весной достигали нужного возраста. Роберт тоже был ещё слишком юн, но, учитывая обстоятельства, для него сделали исключение. И посреди поляны полыхал огромный костёр, вокруг которого девушки в своих лучших нарядах танцевали и пели песни, Силдж читала заклинания, а столы ломились от угощений.

Три дня Смэд колдовал над клеймом, шлифуя сделанную по эскизу Грай заготовку, стараясь, чтобы рисунок получился отчётливым, а его кромка аккуратной и ровной. Увесистый железный кругляш на длинной ручке с силуэтом сокола и лунного серпа слева раскалили в огне, и Красная Рука щурил глаз в предвкушении. Помимо своей воли избранный Огненным братом, он всем видом выказывал недовольство, но был не вправе отказаться.

От первого глотка приготовленного Силдж питья Роберт чуть не задохнулся, схватился за горло, закашлялся и в изумлении вытаращил глаза. Кто-то рассмеялся, а Торстен похлопал по спине ободряюще.

— Не вдыхай, просто пей залпом. А затем резко выдохни, — сказал он.

Глотку Роберта обожгло, будто он пил жидкий огонь, в животе стало тепло, зато через пару минут мир заискрился яркими красками, а все окружающие показались ему добрыми и милыми. Страх отступил, сердце наполнилось любовью — сейчас он любил всех без разбора, даже Одноглазого Тиметта.

— Прими, Владычица, дар Роберта, сына Джона!

— Ты как? В порядке? — Лицо Торстена забавно искривилось, поплыло, и Роберт беззаботно хмыкнул, кивая. Смешное пятно приблизилось и сказала знакомым голосом, в котором слышалась тревога: — По-моему, Силдж перестаралась, надо было тебе поменьше чашу дать...

Голова кружилась, губы сами собой растягивались в счастливой улыбке, ноги вдруг ослабели и стали непослушными, и Роберт прислонился спиной к дереву, желая сползти вниз и прикорнуть там, свернувшись клубочком, пока всё не закончится. Но Торстен не позволил, завёл его руки за ствол — так, что тело почти распласталось по поверхности, и, крепко удерживая за запястья, дёргал их время от времени, чтобы захмелевший Роберт не забывал произносить слова клятвы:

— Огонь моего очага — твой огонь!

— Тепло моего дома — твоё тепло!

— Жар моего сердца — твой жар!

— Отныне и навсегда! — принял его клятву Огненный брат.

— Отныне и навсегда! — приняло его клятву племя Обгорелых.

Заговорщицки улыбаясь, Роберт подмигнул Тиметту и скомандовал:

— Давай, брат!

— Драконий хер тебе брат, — прорычал тот свирепо.

Но Роберт продолжал бесшабашно ухмыляться.

— Решил сменить имя? Тиметт-Драконий Хер? — пьяно икнул он, и в следующий момент захлебнулся криком, вжатый в дерево раскалённым клеймом.

Плоть горела и дымилась, Тиметт старательно давил и кровожадно скалился, а Роберт бился, словно прищиленный булавкой кузнечик.

Грай казалось, Роберт кричит уже целую вечность, что ещё немного, и металл прожжёт его тело насквозь, и она не выдержала, ринулась к брату, как выпущенный из арбалета болт, но врезавшись, лишь отбила себе ладони — тот не сдвинулся ни на дюйм, только чуть качнулся от неожиданности. Однако этого было достаточно, чтобы клеймо отлепилось от истерзанной плоти и упало на землю, а сомлевший Роберт осел на крепкие дружеские руки Торстена и сира Бриндена.

Очнулся Роберт под утро, пропустив весь праздник, устроенный в его честь.

— Привет, — сказал он сонной Грай, всю ночь просидевшей у его ложа. — Где это я?

— У Чёрной Рыбы.

Широкий топчан занимал почти всё крохотное помещение, у затянутого бычьим пузырьём окна стоял единственный стул. В углу Роберт увидел меч, а рядом на полу дорожный мешок, с которым сир Бринден прибыл в поселение.

— А он сам где?

— Эша вчера увела его с собой. Сказала, что позаботится о нём... Как ты, Роберт? — Увидев, что он пытается приподняться, Грай помогла ему сесть и подложила под спину свой свёрнутый плащ.

Коснувшись перевязанной груди, Роберт тут же отдёргнул руку, потом схватился за

голову, сжал её и страдальчески поморщился.

— Дракон спалил мою грудь, потом сел мне на голову и раздавил её, а напоследок ещё и в рот нагадил... — пожаловался он.

Грай нерешительно улыбнулась.

— Ты шутишь, Роберт... это хорошо...

— Ничего хорошего, поверь... Грудь болит, голова трещит. И знаешь, драконья моча не очень-то и вкусная... меня до сих пор мутит.

— Ночью тебя тошнило. И ещё ты бредил. Но всё наладится! Я поила тебя настоем который приготовила Силдж. Она сделала тебе повязку вчера, и сегодня уже заходила, трогала твою голову и руки. Сказала, к вечеру жар спадёт, а через неделю ты уже будешь скакать, как молодой олень.

Роберт недоверчиво покосился.

— Так ты говоришь, что дедушка Бринден... не такой уж и дедушка? Может, Силдж и ему что-то дала, чтоб он скакал молодым оленем?

— О, нет, Роберт, что ты! Чёрная Рыба, оказывается, умелый воин, хоть и старик. Торстен заглядывал сюда ночью, когда уже все стали расходиться спать, рассказывал, как они бились на мечах с Хагеном. Хаген хвалился, что в три удара уложит Рыбу, но не смог его одолеть. А под конец Чёрная Рыба ударил его мечом плашмя по затылку, и Хаген зашатался и упал лицом в грязь... и все смеялись. Хаген тоже смеялся... а потом они продолжали пить берёзовый сок и боролись на руках. И вот тогда Хаген победил. Но Тиметт потешался над ним, сказал, что Чёрная Рыба поддался, чтобы Хаген не расплакался...

— Хотел бы я посмотреть, как кто-то навалял Хагену! Получается, всё веселье я пропустил...

— Да, там много было чего интересного. Торстен рассказывал, что Эша не просто так увела к себе Чёрную Рыбу. Они с Морен за него сражались, и Эша победила. Атли решил весной жениться! Улла объявила, что ждёт ребёнка... и все обрадовались. У них со Смэдом давно не получался малыш. Сверр и Шела целовались, я сама видела, когда бегала за настоем к Силдж. И ещё... ещё... — Грай сбилась, отвела глаза, потом глянула на Роберта в смятении и проговорила еле слышно: — И ещё Тиметт поспорил с Ульфом, что ты... что тебе не удастся добыть сумеречного кота.

— Что будет, если я его не принесу? — Роберт нахмурился.

— Торстен сказал, главное, не прийти с пустыми руками. Если не будет кота, надо принести что-нибудь другое...

— Но если я не принесу кота...

— Это плохо, Роберт... очень-очень плохо... Ты не исполнишь приказ вождя. — Голос Грай дрожал. — Но мне всё равно! Я всё равно уйду с тобой! С котом или без кота...

— Я принесу тебе кота, — сказал он.

Грай доверчиво улыбнулась, присела рядом, подобрав под себя ноги, и положила голову Роберту на плечо, стараясь не задеть повязку. Он обнял её одной рукой, поцеловал и прижал ближе.

— Я принесу тебе кота, любимая... Обещаю. В главной септе Чаячьего города я накрою твои плечи плащом из его шкуры...

Грай старалась не подавать вида, насколько ей тревожно. Но отец слышал по ночам тихие всхлипы из-за суконной занавески, и все вокруг видели её заплаканные глаза. Прошла

неделя, Роберт уже должен был возвратиться.

Добыча сумеречного кота даже для взрослых охотников таила в себе опасности, и когда Ульф и Ивер наставляли Роберта, пока его рана заживала, делились своим опытом, Грай с благодарностью слушала их в сторонке. Мужчины советовали, куда лучше пойти, чтобы выследить желанный трофей, рассказывали, как установить ловушку, как заманить, а потом убить, не попортив ценную шкуру.

— Кот чует кровь за две лиги, — говорил Ульф. — Так что не сомневайся, парень, он придёт! Убей оленя... да хоть полдюжины зайцев или куропаток... обдери их и заряди ловушку. И жди...

Понимая, что ждать, быть может, придётся не один день, Грай всё равно начала выглядывать Роберта обратно чуть ли не на следующий вечер, страшась за его жизнь — ведь он никогда не ходил так далеко в одиночку. А в последние дни всё чаще жалела, что не послушалась отца. Тиметт-старший тогда пришёл домой усталый, почти под утро, и Грай ждала его — полностью одетая, с дорожным мешком за спиной и луком в руках.

— Сегодня Роберт уходит за котом. Я пойду с ним, — сказала она, отважно глядя в суровые глаза. И когда отец не ответил, а просто прошёл вглубь комнаты и тяжело опустился в своё кресло, добавила с вызовом: — Я должна ему помочь. И ты не остановишь меня!

— Я и не собирался, — сказал он. Грай растерянно моргнула и уже собиралась обрадоваться, но Тиметт бесстрастно добавил: — Назад можешь не возвращаться. Я не приму тебя.

Грай ахнула и прислонилась спиной к двери.

— Вы с Робертом можете сразу уходить в Долину... дорогу ты знаешь, — продолжил он. — Племя не примет вас, если Роберт нарушит мой приказ и пойдёт за котом не один.

Лук выпал из ослабевшей руки, котомка соскользнула на пол.

— Но почему, отец? — прошептала Грай.

Тот свёл мохнатые брови на переносице, голос завибрировал от пробуждающегося гнева:

— Он ещё не успел назвать тебя своей перед богами, а ты уже хочешь выставить его на посмешище?! Показать всем, какой он беспомощный и никчёмный?!

Грозный взгляд сковал её, лишил сил даже пошевелить пальцем — отец никогда не смотрел на неё с таким неодобрением.

— Я...

— Тебе было мало того, что ты вмешалась в церемонию? Что унизила своего мужчину перед кланом? Оскорбила брата?! Любого другого я наказал бы! Но кого мне винить, что моя дочь плохо воспитана, кроме себя?!

Только тогда Грай осознала, что наделала, и что собиралась сделать. Она кинулась вперёд, упала на колени перед креслом и уткнулась лицом отцу в ноги.

— Прости меня... прости... — Её плечи тряслись, голос срывался.

— Ну, будет, будет... — Тиметт коснулся узловатыми пальцами шелковистых волос, затем взял дочь за подбородок и чуть приподнял. Его голос ещё звучал сурово, но взгляд смягчился: — Запомни, дитя! Хорошая жена никогда не лезет вперёд мужа. Она всегда стоит за его спиной — готовая помочь, но невидимая для других. Горе тому мужу, чья жена выскочка. Нет такому уважения от других мужей!

Грай кивнула, стирая слёзы ладонью.

— Я глупая, отец. Роберт ведь мне это уже говорил, — сказала она.

Тиметт удивлённо дёрнул бровью.

— Вот как? Что же он говорил? Что ты глупая?

— Нет. Он говорил, что если я хочу быть рядом с ним, то я должна быть рядом, а не впереди. Что он не станет прятаться за меня...

— Смотри-ка, а он не дурак... твой лордёнш... Это хорошо. — Тиметт кивнул, его взгляд просветлел. Он откинулся на спинку и протянул ногу вперёд, чтобы дочери было сподручнее стягивать с него сапог. — Глядишь, у него всё получится...

Грай, помогая отцу разуться, замерла.

— Что получится?

— Всё. И кота сумеречного он добудет, и сам целым останется.

— То есть... — она прижала снятый сапог к груди, её губы снова задрожали, — то есть ты не верил, что он справится, когда говорил...? О! Зачем же ты тогда сказал ему убить кота? Зачем отправил его на верную смерть?

— Я отдаю ему свою единственную дочь, — ответил Тиметт. — И я поручился за него перед кланом. Я должен знать, что Огненная ведьма одобряет мои решения. Если она пошлёт на его тропу самого хитрого зверя в наших лесах, если дарует ему сил и удачи одолеть его... тогда выйдет, что я всё сделал верно. И тогда я с лёгким сердцем отпущу тебя в Долину...

Но с того разговора минуло семь дней, и уже восьмой исходил багряным закатом, а Роберт так и не вернулся. Грай ругала себя, что не пошла наперекор отцу. «Пусть посмешище, пусть беспомощный, зато живой!» — бился в её голове запоздалый довод в мысленном споре с отцом. Они уехали бы в Долину, далеко-далеко, и никто бы не узнал, никому и дела бы не было, что Роберт ходил на охоту не один...

— Он не вернётся, — сказала ей Хаген, шагая в дозор с другими караульными. Отряд шёл мимо неё по тропинке, ведущей в лес, где она дежурила каждый вечер до самой темноты. — Коты сожрали его хилую тушку и даже костей не оставили, хе-хе...

Грай взвилась.

— Если ты скажешь ещё слово, Хаген, сын Элуфа, я всажу стрелу прямо в твоё поганое горло... когда ты будешь гадить в кустах, — бросила она ему в спину со злостью, которой сама от себя не ожидала. — А когда твой сын подрастёт, я расскажу ему, что его отца убила девчонка.

Дозорные засмеялись, а Хаген остановился, развернулся и оторопело уставился на хрупкую девушку, разъярённо сверкающую на него покрасневшими от слёз глазами.

— Не сердись. Я пошутил, малышка.

— А я нет...

Утром девятого дня, как только ночное небо начало сереть, Грай оделась, вытащила из-под топчана с вечера приготовленный мешок и неслышно выскользнула из дома. Когда дверь за ней закрылась, Трёхпалый Тиметт, бесстрашный вождь могучего клана Обгорелых, тяжело вздохнул, лёжа в своей устеленной шкурами королевской кровати. Его дочь выросла достаточно, чтобы далее идти своей дорогой. Как заботливый отец, он сделал всё, что мог, чтобы прорубить просеку к этой дороге.

Своей сомнительной затеей Тиметт не делился ни с кем, даже с сыном. Лишь строго-настрога приказал тому не убивать мальчишку Арренов. Однако когда Роберта доставили в лагерь, чуть было не отказался от задуманного. Совсем не таким он представлял себе будущего мужа любимой дочери — человека, который когда-нибудь увезёт её из гор. Потому

что ей здесь не место. Никто из воинов клана не сможет сделать Грай счастливой — эту мечтательницу, слишком хрупкую и робкую, чтобы суметь постоять за себя. Слишком непрактичную, чтобы выжить в горах без постоянной опеки. Что будет с ней, когда его не станет? И Тиметт торопился обеспечить дочери безопасное будущее, пока ещё был в силе и у власти. Пока мог одним своим словом пресечь недовольный ропот соплеменников и поселить перепуганного заморыша в шатёр к собственному сыну, надеясь на невозможное — вырастить из него мужчину. Предоставив кров, еду и наставников, решил дать ему шанс стать достойным Грай — потомка самих Таргариенов. Никто из Обгорелых ничего не заподозрил. И сейчас всё зависело от того, справится ли Роберт в лесу один, оправдает ли возложенные на него надежды.

Грай знала то ущелье, куда направился Роберт, и теперь бежала по тропинке, сжимая в руке верный лук, жалея, что не отправилась на поиски раньше. Тёмная тень выросла словно из ниоткуда, и она с размаха врезалась в мощную грудь и отскочила в сторону.

— Возвращайся, пока отец не увидел, что ты ушла, — сказала тень голосом брата.

— Нет, Тиметт. Я должна пойти и помочь Роберту.

— Никому ты уже не поможешь. Если бы всё было хорошо, он бы уже пришёл...

— Вдруг он попал в беду? Упал и сломал ногу? Лежит где-то раненый... Нужно найти его...

— Что найти, Грай?! Его обглоданные кости? Зачем они тебе? Повесишь на стену? Не глупи и возвращайся! — Тиметт говорил жёстко, отрывисто, чтобы сестра поняла всё сразу и оставила надежду.

Но та продолжала упрямо мотать белокурой головой.

— Я люблю его, Тимми...

Обычно «мама» — первое слово, которое говорят маленькие дети, но у Грай это было имя старшего брата. Когда он приходил домой из своих первых серьёзных походов с отцом в лес за зверем, она шла не к отцу, радостно распахивающему ей объятия навстречу, а ковыляла к брату на слабых ножках, обнимала его за колени и повторяла его имя — короткое, потому что полное выговорить пока не умела. Сестра уже давно не называла его так, как в детстве, и сейчас Тиметт скрипнул зубами от воспоминаний и досады: на Роберта — за то, что тот заставил её страдать, на себя — что привёл Роберта в племя, а не убил сразу, как того вынесли из борделя безвольным кулём, на отца, который запретил убивать.

— Мне жаль, — сказал Тиметт без тени сожаления, — но лордённыш сам виноват. Он схитрил. Огненная ведьма не приняла его дар.

Грай вскинула полные слёз глаза, замерла на мгновение, затем развернулась и стрелой полетела назад. Готовый к долгим спорам и уговорам Тиметт растерянно развёл руками, после чего удовлетворённо крякнул и пошёл к костру — начинался новый день, а новые заботы сами себя не решат.

Грай ворвалась в дом, где жили пожилые женщины, зацепилась луком в проёме, наделала шума. Старухи ещё спали, и только Силдж уже что-то кипятила на огне в закопчённом котелке.

— Бабушка, помоги, — рухнула Грай перед знахаркой на колени, уткнулась в подол, затараторила сбивчиво: — Я хочу принести дар Огненной ведьме... хочу попросить её, чтобы она помогла Роберту... хочу, чтобы он вернулся невредимый...

Старуха положила корявую руку на девичью голову, погладила с лаской.

— А я-то думаю, что за грохот? Война с Каменными Вóронами началась, али что? А

оно вон что! Ишь, стрекоза... — ладонь задержалась на лбу, сжала легонько, — смотри, уже всё решила. Не отговорить. Отцу-то сказала?

— Нет... и не буду. Он не может мне запретить. Никто не может...

— Никто не может, твоя правда, стрекоза... Свечу сделала уже?

— Нет, сейчас побегу делать...

— В сарае глянь, подальше от двери ищи. Там старые полешки должны быть, которые хорошо просохли...

— Спасибо, бабушка.

— К ручью приходи, как солнце за ёлки зацепится. А я отвар тебе сделаю... по сильнее. Негоже тебе мочу драконью-то пить... Три дня потом, правда, спать будешь, да ничего. Ну, беги, стрекоза. Отвар долго делать, времени мало...

Солнце клонилось ко сну в мягкие зелёные перины, цеплялось лучами за мохнатые ветви, щурилось последними бликами сквозь многовековые стволы дубов да сосен. А Силдж всё не шла. Грай, искусав себе все ногти, подпрыгивала от нетерпения. На кочке у ручья ждала своего часа Ведьмина свеча.

— Бабушка, быстрее, — заторопила её Грай, завидев издали согбенную фигуру.

— Быстро только кролики плодятся, — проворчала старушка. — А в нашем деле спешка не нужна. Лучше помоги.

Грай сняла котомку с плеча Силдж, достала бутылку с отваром, завёрнутый в мешковину и плотно закрытый глиняный горшок с тлеющими углями, защитный кожух для руки, деревянную чашу и склянку с мазью. Разложив всё на чистой тряпице, вытрусил несколько угольков в свечу, отставила в сторону, чтоб разгоралось.

Силдж бормотала заклинания, время от времени проводя руками по голове внучки, дотрагиваясь крючковатым пальцем то до лба, то до макушки. Затем налила заветный отвар в чашу и протянула вперёд. Грай схватила судорожно, чуть не расплескав содержимое, поднесла к губам, глянула поверх края последний раз на кромку леса. Чаша выпала из задрожавших пальцев, вязкие капли брызнули на траву.

— Что там? — вздёрнула голову Силдж, щуря слепые глаза.

— Это он, бабушка, — сказала Грай и рванулась с места.

Памятуя, что сказал отец, она провожала Роберта на охоту по всем правилам клана. Не лезла вперёд, не бросалась с прощальными поцелуями на шею, хотя очень хотела. Не желала вслед удачи, потому что говорить такое тому, кто идёт за зверем, дурной знак. Лишь кивнула с достоинством, стоя за спинами мужчин, и сказала одними губами: «Возвращайся!» В тот день отец мог гордиться ею.

Но сейчас Грай было всё равно. Она бежала, легко касаясь мягкими сапожками извилистой тропинки, раскинув в стороны руки, счастливо смеясь и плача одновременно. Летела, как та стрекоза из бабушкиных сказок. Позади раздавался топот множества ног — из лагеря путника уже тоже заметили и спешили на помощь. Пусть они видят, что она рыдает, словно самая изнеженная из всех леди Долины. Пусть слышат, как она вновь и вновь повторяет его имя. Пусть думают, что у неё нет гордости. Ей всё равно. Главное, Роберт был жив!

Он шёл медленно, тяжело припадая на одну ногу. Его шатало из стороны в сторону, и не падал он, казалось, только потому, что из последних сил держался за жерди волокуш, на которых высился мохнатый чёрный ком с белыми полосками. Его одежду покрывала засохшая грязь, обмотанное вокруг головы тряпьё пестрело кровавыми пятнами. Но он был

ЖИВ.

Роберт был жив. Огненная ведьма приняла его дар.

Глава 12. Роберт прощается и встречается

— Да у него вся бочина истыкана... — Красная Рука осмотрел зверя, перевернул и презрительно скривился: — И вторая тоже. Ты испортил шкуру, тупица!

Кто-то забрал у Роберта волокуши и дотянул их до лагеря. Кто-то похлопал по спине подбадривающе, дал флягу с водой, поддержал под руку, помог пройти. Сир Бринден приветственно качнул головой, улыбнулся с облегчением. Ульф, кивая на добычу, одобрительно присвистнул.

Ивер, Торстен, Атли, Смэд, Ол, Вилфред, Свэрр, Шела, Дагфинн, Эша, Морен, Ирго Хджордис, Улла, Шигга, Тове, толстяк Свон, малыш Дюк, озорник Сеок — лица сливались перед взором Роберта в ряд светлых пятен. Вождь невозмутимо смотрел с высоты своего роста и трона, ждал отчёта. Роберт молчал.

Грай с тревогой взглянула на него, а затем примирительно погладила брата по рукаву и прошептала просяще:

— Не ворчи, Тиметт. Я заштопаю мездру так, что даже заметно не будет. Вот увидишь! Ты ни одной дырочки не сможешь найти!

Роберт молчал. Рана на шее пульсировала, усталость била под колени, а гнев мутил разум — и он прикрыл глаза, пытаясь справиться, чтобы не сболтнуть сгоряча лишнего. Там, в лесу, Роберт пообещал себе, что больше не позволит унижать себя. Никому и никогда.

Вначале всё казалось не таким уж и сложным. До места он добрался к вечеру — Ульф подробно рассказал об этом ущелье, не раз повторив, что не стоит его пересекать, потому как далее начинались владения Каменных Воронов. Однажды поделив Лунные горы, все горцы придерживались договорённости и не охотились на чужой территории. Нарушитель мог и стрелу от дозорных между лопаток поймать.

Уже на следующий день после обеда Роберт подстрелил годовалого оленя — с небольшими, ещё бархатистыми рогами. Он ловко обвязал ему задние ноги верёвкой и вспорол брюхо, чтобы усилить запах крови вокруг. Теперь дело оставалось за малым — залезть на сосну повыше, перекинуть второй конец верёвки через крепкую ветку и поднять приманку так, чтобы кот не смог допрыгнуть до неё с земли и не сразу добрался с ветки. Чтобы было достаточно времени точно прицелиться и сделать верный выстрел. Роберт уже и место себе присмотрел на соседнем дереве — с хорошим обзором и широким суком, где будет дожидаться мохнатого разбойника с луком наготове, не боясь внезапного нападения со спины других хищников. Но в тот момент, когда стал подниматься вверх, чтобы подвесить оленя, ему словно кто стал ворожить на неудачу.

Разматывая верёвку, Роберт сшиб с ветки спящего там ушастого филина. Птица с перепугу ухнула, вцепилась когтями ему в грудь, забила крыльями по лицу. Слепший на мгновение Роберт взмахнул руками, пытаясь отбиться, и сверзился вниз. И вроде забраться слишком высоко ещё не успел, но шмякнулся о землю так неудачно, что подвернул ногу. А хуже всего оказалось то, что упал аккурат на неосмотрительно оставленный под деревом лук, безнадежно испортив его.

На ногу невозможно было ступить, и Роберт сразу понял, что с одной здоровой ногой у него нет ни малейшего шанса убить копьём кота, когда тот придёт за валяющимся на траве оленем.

Два дня он отлёживался и лечил распухшую щиколотку мазью, которую дала ему в

дорогу Силдж. Он жарил на костре куски оленя и слушал рычание и вопли хищников, дерущихся за останки. И ничего не мог изменить.

А невезение на этом не закончилось. Когда опухоль спала, и на ногу Роберт уже вставал без простреливающей всё тело боли, он перевязал её потуже, спрятал свой нехитрый скарб под лапником и, опираясь на копьё, спустился в ложбину в поисках съестного. Набрёл на заросли ягод на болоте и неожиданно провалился в топь. Спасло его лишь то, что не выронил из руки копьё — только оно помогло ему выбраться. Он укладывал его перед собой, подтягивался, стараясь не торопиться и не слишком налегать, подстёгиваемый страхом, и постепенно передвигался к ближайшей берёзе. Дотянувшись копьём, наклонил её и выкарабкался. Но, перехватив согнутое деревце обеими руками, упустил скользкое от тины копьё и оно упало назад в трясину.

Теперь у него не осталось ни лука, ни копья. Он не мог вернуться в поселение с пустыми руками. У него не было оружия, чтобы добыть сумеречного кота. Однако в голенищах ещё лежали два ножа, а в схороненной котомке топор, моток шнура для силков и запасные наконечники для копий. И пусть полный колчан стрел был без особой надобности — всё равно он не смог бы сделать новый лук, да и поломанный починить не сумел, — но как выстрогать ратовище для копья и приладить наконечник, Дагфинн ему показывал не раз.

В следующие дни Роберт мастерил копья и ставил силки на зайцев, складывая тушки в выкопанной яме. И разрабатывал план действий. Связав дюжину освежёванных зайцев плотной гроздью, Роберт рассчитывал подвесить их так, чтобы кот и на дерево не полез, и с земли легко не достал. Если бы ему удалось заставить кота прыгать за добычей и не упустить момент, когда тот будет в прыжке или уже повиснет на ней, то тогда он метнул бы копьё в живот — туда, где более тонкая кожа и мех не такой густой. А затем кинулся на раненого зверя со вторым копьём. Хотя эту часть плана Роберт отодвигал в своих мыслях на самые задворки, надеясь, что первого удара окажется достаточно. И вообще старался не думать, что станет делать, если коты придут парой.

В одно утро он выкапывал ножами из земли сладкие клубни, чтобы зарядить последние ловушки на ушастых прыгунов, когда чёрная тень слетела на него откуда-то сверху и опрокинула навзничь. Сразу Роберт даже не смог понять, человек это был, зверь или восставший мертвяк из самых жутких детских сказок. Но, придавленный тяжёлой тушей, бил, не думая и не рассуждая, в мягкие бока с обеих рук. И лишь потом увидел длинные клыки и хищный блеск серых глаз.

Именно тогда Роберта захлестнул этот лютый, лишающий разума гнев. Два года по чужой злой воле он провёл вдали от дома, терпел лишения и издевательства. Его били, морили голодом и унижали. Хаген трепал за шиворот, как мелкого пакостника, Красная Рука лишней раз брезговал посмотреть в его сторону. Даже женщины насмеялись над ним. И вот сейчас, когда всё это осталось позади, когда он заслужил уважение не только сверстников, но и кого-то из взрослых Обгорелых, нашёл друзей и любимую, когда возвращение к прежней жизни из мечты могло уже завтра превратиться в реальность, ему предстояло позорно погибнуть от лап какой-то драной кошки.

Роберт колот зверя и рычал с ним в унисон. В тот момент он не только бился за свою жизнь, он сражался с самой судьбой. «Драконий хер тебе!» — прохрипел он придушенно в раскосые глаза прежде, чем они потухли.

— Ты решил сделать из его шкуры рыбацкую сеть? Тут столько дыр, что она годится

лишь на это, — продолжал глумиться Красная Рука, нетерпеливо стряхнув с рукава ладонь сестры.

Роберт молчал, не зная, радоваться или огорчаться, что у него совсем не осталось сил. Ему хотелось наброситься на зубоскала, и будь что будет — пусть Тиметт даже зашибёт его. Но сил хватило только чтобы поднять веки и растянуть губы в улыбке.

— Я принёс кота, Тиметт. Ты проспорил. Надеюсь, ты спорил не на свой глаз?

Послышались смешки, а довольный Ульф загоготал во всё горло. Вождь тоже ухмыльнулся.

— Как всё было, Роберт? — спросил он, удерживая вмиг помрачневшего сына от дальнейшей перепалки.

— Кот прыгнул на меня с дерева. Повалил на спину и стал рвать. Мне повезло, что в руках были ножи. Сожалею, но пришлось попортить ему шкуру. У меня не было времени расшаркиваться и приглашать его на танец. И он всё равно успел разодрать мне шею и погрыз ухо.

Вождь удовлетворённо кивнул:

— Повезло, говоришь? Это хорошо... очень хорошо.

Из толпы стали раздаваться недоверчивые возгласы:

— Сумеречные коты не нападают на людей!

— И то верно! Не нападают!

— Только если совсем оголодают и отощают...

— А этот вон какой толстый!

— Поди, дохлого где-то подобрал... Сородичи на кошака напали, я вам точно говорю! Они-то и подрали ему все бока!

— Аха-ха... точно! А этот теперь сказочки нам тут рассказывает...

— Это он умеет!

— Что ты мелешь, болван? Роберт не врёт!

— Так мы и поверили! Правильно Красная Рука сказал: «Языком трепать — не мечом махать»!

— Нечего защищать дружка! Может, вы сговорились?

— Я сейчас начищу тебе хлебало, говорун...

— Ещё посмотрим, кто кому начистит!

Роберт уже открыл рот, чтобы что-нибудь сказать в защиту себя и своего заступника, но со стороны тропы послышался шум — это в поселение вернулись дозорные, и Обгорелые расступились, пропуская вперёд старательно работающего локтями здоровяка.

— Грамкин дрын! — заорал Хаген, ошарашенно глядя сначала в волокуши, а затем на Роберта. — До последнего не верил! Так ты не сдох, лордёнш?!

Грай насупилась, а разозлённый недоверием племени Роберт выхватил нож и шагнул вперёд, тяжело глядя исподлобья:

— Я ещё поднесу факел к твоему погребальному костру...

Хаген вытаращился, приоткрыл рот и вдруг оглушительно расхохотался. А потом хлопнул Роберта по плечу. Тот пошатнулся и, скорее всего, упал бы, если бы Ульф и Торстен не подхватили его с двух сторон. Из груди Роберта вырвался жалобный писк. Стоящие рядом изумлённо уставились на него, да он и сам удивлённо вскинулся, словно только что о чём-то вспомнил — убрал нож, развязал тесёмки непослушными пальцами и достал из-за пазухи мяукающий мохнатый комок. Поднятый за шкуру котёнок был совсем маленький, с только-

только открывшимися глазками, но уже злобо шипел, разевая беззубую пасть, и махал лапами с крохотными острыми когтями.

Те же самые голоса зашумели вновь:

— Он убил самку!

— Так вот почему она набросилась...

— Теперь всё понятно!

— Не, ну теперь-то да...

— Что, выкусили, пустозвоны?

— Так бы сразу и сказал! Мамка логово защищала с детёнышем...

— Детёныша ему тоже надо было убить. Всё равно сдохнет.

— Да, он один не выживет...

Роберт протянул котёнка Грай:

— Я обещал тебе принести кота. Вот он.

Она осторожно взяла того на руки и погладила. Затем с мольбой взглянула на отца, пока оголодавший малыш сосал ей палец:

— Можно, я его оставлю? Пожалуйста... Я не хочу, чтобы его убивали.

Вождь пожал плечами:

— У тебя теперь есть мужчина. У него и спрашивай.

— Роберт, я могу взять его с собой в Долину? — обернулась к нему Грай.

Он улыбнулся.

— Это твой зверь. А ты леди Долины. Ты можешь делать всё, что тебе захочется...

— Я назову его Сумрак. — Грай счастливо засмеялась, но сомнения снова охватили её, и она с тревогой глянула на отца: — Думаешь, его можно приручить?

Тот задумчиво потёр подбородок.

— Дикую тварь приручить нельзя. Держи его в клетке, иначе он натворит беды.

Грай разочарованно поникла — держать животное взаперти ей казалось неправильным.

— Говорят, на севере за Стеной бывали случаи... — В круг света костра зашёл Бринден Талли. — Я слышал, кто-то из Одичалых приручил сумеречного кота. Это сложно, но возможно, миледи.

В суматохе никто не видел, когда он отлучился, чтобы облачиться в кольчугу и плащ, и взять свой меч. Обгорелые озадаченно разглядывали его. Грай благодарно улыбнулась за добрую весть, и сначала Талли учтиво поклонился ей, а затем развернулся к Роберту.

— Милорд, — сказал он негромко, но так торжественно, что все разом притихли. — В то лето ваше путешествие по Долине завершилось бы присягой ваших вассалов. Это ещё случится, когда вы вернётесь домой. Но для меня честь быть первым, кто принесёт клятву верности новому лорду Долины.

Встав на одно колено, Талли на миг склонил голову.

— Мой меч принадлежит вам, милорд, — просто сказал он. — До последнего вдоха.

— Благодарю, сир, — ответил Роберт и протянул ладонь, приветствуя своего первого рыцаря.

Грай испуганно вскрикнула, увидев, что он снова закачался и чуть не упал, но дружеские руки опять вовремя пришли на помощь. Она посмотрела на отца с немой просьбой, и тот кивнул, позволяя:

— Ты исполнил мой приказ, Роберт, сын Джона. Я доволен. Иди. — Затем глянул на дочь и добавил: — Пусть Силдж займётся им. А то Хджордис уже заждалась.

Трёхпалый Тиметт так и не позволил никому из сопровождавших обоз долинцев прийти в поселение. Ивер и сир Бринден несколько раз водили отряд вооружённых Обгорелых и вереницу местных низкорослых лошадей туда и обратно, перевозя дары дома Арренов в горы — оружие, посуду и продукты. Отдельными вьюками доставили одежду для Роберта и ткани на платье Грай. Недавно родившая Хагену сына Хлои и ещё две женщины, умеющие держать иголку в руках, поспешно шили невесте лорда Долины новые наряды.

Предстоящий отъезд никак не нарушил течение жизни в поселении, всё шло по заведённому порядку: охотники ходили за добычей, дозорные охраняли рубежи, молодые по утрам упражнялись, а потом собирали хворост или помогали взрослым по хозяйству, кухарки готовили еду. Роберт не только не спешил переодеться в подобающее его статусу платье — после того, как знахарка подлечила его раны и ногу, он возобновил и тренировки, и свои повседневные дела. И продолжал жить в шатре с ребятами, хотя сир Бринден настоятельно предлагал поставить ему отдельный шатёр или хотя бы переселиться в его домик.

— Теперь я Обгорелый, дедушка Бринден, — говорил Роберт. — И должен уважать правила клана. Тут все равны. А вы гость.

В один из дней на занятия к Роберту пришли Вилфред и Тове и попросили показать им Огненную печать. Они внимательно рассматривали уже хорошо подживший отпечаток и даже потрогали его руками. Затем немного посоветовались, и Тове спросил:

— То клеймо, что сделал Смэд... ты его заберёшь с собой, Роберт?

— Нет, зачем мне оно? Никого в Долине я клеймить не собираюсь.

— Весной мы принесём Огненной ведьме свой дар. Мы бы тоже хотели себе поставить такое клеймо.

— Сначала мы сомневались, — признался Вилфред. — Одноглазый Тиметт сказал, что дар твой никудышный. Что он дохлый, и Огненная ведьма всё равно его не примет. Но ты вернулся живой. И kota добыл. Ульф сказал, это она, ведьма, наслала на тебя зверя. Это она вложила ножи в твои руки и помогла одолеть его. По всему выходит, дар годный!

— И вот мы решили, что тоже хотим себе Огненную печать.

— Я поставлю на плечо! — радостно заявил Вилфред.

— А я вот сюда хочу, — Тове показал тыльную сторону правой ладони. — Чтобы когда я держал меч, враг видел, с кем имеет дело! А если Одноглазый скажет, что этого мало, то и на вторую руку тоже поставлю!

— Но сокол — знак дома Арренов, — охладил Роберт их пыл. — Я не против, но зачем вам чужой символ? Попросите Грай, она нарисует вам что-нибудь другое. А Смэд сделает новое клеймо.

Парни растерянно переглянулись — об этом они не подумали.

— Но что, Роберт?

— Ну... не знаю... Может быть, огонь? Силуэт горящего пламени?

— О, это здорово! Огненной ведьме должно понравиться. Это даже лучше сокола! Ой, прости, Роберт... — смутился Вилфред.

Тове тоже обрадовался, у него появилась новая идея.

— Тогда я ещё себе сделаю Огненную печать внизу живота, прямо над стволем. Чтобы девки сразу видели, что я парень огонь! — сказал он.

Вилфред, отчаянно завидуя находчивости друга, шмыгнул кривым носом, свёрнутым ещё в детстве, когда упал с дерева.

— И я тоже там поставлю...

— Не повторяй за мной.

— Тебе что, жалко?

— Каждый сам придумывает! Я первый придумал!

— Я тебе свой нож отдам. Тот, который с ручкой из железного ствола.

— Ну, ладно... Так уж и быть, ставь...

Памятуя, каково это — быть пленником, Роберт решил попросить вождя отпустить Хлою с ними в Долину, когда тот как-то пригласил его в свой дом для приватной беседы. Пока Тиметт выпроваживал дочь за дверь, ласково поясняя, что не женское дело слушать некоторые мужские разговоры, пусть это даже отец и будущий муж, Роберт с любопытством разглядывал стену, увешанную разнообразным оружием.

— Если что-то хочешь посмотреть ближе, можешь взять, — заметив его неподдельный интерес, разрешил вождь.

Больше всего Роберта привлекали кинжалы из валирийской стали — в Орлином Гнезде у него остался похожий клинок, когда-то принадлежавший Петиру Бейлишу, — и он снял один, чтобы примерить, как рукоять ложится в ладонь. Изучая искусную работу и инкрустацию рукояти, Роберт недоумённо посмотрел на Тиметта, который внимательно за ним наблюдал.

— У этого оружия полно тайн, — сказал тот и забрал кинжал. — Позже я расскажу тебе о них. Но сегодня я тебя позвал не за этим.

Тиметт остался доволен результатом проверки — Хджордис уверила, что ему не нужно беспокоиться о внуках: они будут, и будут здоровыми — и оповестил об этом своего гостя напрямик. От таких разговоров Роберт то краснел, смущённо отводя взгляд, то с облегчением выдыхал, благодаря всех богов, что те надумили вождя обсуждать такой щекотливый вопрос без свидетелей.

Однако отпустить пленницу Тиметт отказался — Хлоя была собственностью племени, и ей надлежало рожать. Молодая и крепкая, она могла принести клану дюжину сильных мальчиков. Но объявил, что Роберт свободен и может отправляться с Грай в путь, когда пожелает. И под конец подарил снятый со стены аракс с золотой рукоятью.

— Это мой тебе свадебный подарок, — сказал он.

В день отъезда провожать Роберта и Грай пришло почти всё племя. Обгорелые оживлённо переговаривались, кто-то желал удачи в пути, другие стояли в стороне молча. Вереницу из десятка лошадей сопровождали вооружённые, в доспехах воины во главе с Красной Рукой и Хагеном. Когда Роберт удивлённо спросил, почему так много лошадей, и чем они навьючены, вождь пояснил:

— Мы живём в лесу. Не в замках, как вы, и не имеем прислуги. Но это не значит, что мы нищие. Никто в Долине не упрекнёт мою дочь, что она пришла в твой дом голой.

Сундук золотых драконов, большой ларец разноцветных лунных камней, серебряные столовые приборы с черенками из оленьего рога, белоснежный плащ из меха ласки, покрытые искусной резьбой огромные лосиные рога — всё это укрыли от дождя рогожей, перевязали верёвками и погрузили на лошадей. Отдельной горой высилось гигантское покрывало из шкур сумеречного кота.

— На ваше свадебное ложе, — пояснил старший Тиметт.

Торстен подарил другу на прощание свой любимый нож с обтянутой чёрной кожей

рукою.

— Скорее всего, мы больше не увидимся, — сказал он, протягивая подарок.

— Кто знает? — пожал плечами Роберт.

Торстен окинул взглядом его серо-голубой дублет, бархатные серые бриджи и из той же ткани укороченный плащ с вышитыми голубыми соколами, а также новый аракс на боку, и одобрительно кивнул:

— Сегодня ты похож на настоящего лорда. Прощай, друг.

— Просто я помыл голову и расчесался, — ухмыльнулся Роберт, беря под уздцы лошадь, на которой сидела Грай. — Прощай, брат.

— А ты похожа на королеву, — махнул ей рукой Торстен и отошёл, освобождая путь. — Прощай, сестрёнка...

Грай — в длинном светло-сером платье из тонкой шерсти и лёгкой, отороченной мехом накидке, с перевитыми кожаными шнурками распущенными волосами — выглядела перепуганной, но счастливой. Её мохнатый питомец ехал в просторной клетке на спине одной из лошадей.

— Прощай, — выдохнула она.

Караван спускался с гор почти весь день, сделав два коротких привала. Роберт шёл пешком, и сам довёл лошадь со своей невестой до предгорья. Он ни разу не оглянулся.

Лагерь встретил их приветственными криками. Первой Роберт увидел Бриенну — она расталкивала воинов и прислугу, протискиваясь через толпу как таран.

— Милорд, — выдохнула она, подбежав к нему. Но потом не удержалась и схватила в объятия, продолжая приговаривать: — Вы живы, милорд, вы живы...

— Пока да, Бриенна... но ты можешь сейчас с этим покончить, — просипел он полузадушенно.

— Ох, прости, Роберт... я ведь не верила... Боялась до последнего. Ты так вырос... ты уже совсем мужчина... — лепетала она, и её глаза блестели от слёз.

— Прекращай реветь, я хочу тебя кое с кем познакомить... — Он подошёл к лошади, помог Грай спрыгнуть — та с непривычки постоянно путалась в длинном подоле, — взял её за руку и сказал: — Это Бриенна. Не бойся её. Не смотри, что она такая... гм... большая. Это потому что у неё сердце размером с самый большой валун в Лунных горах. Она очень добрая.

— Ох, милорд... — сконфуженно пробормотала та и поклонилась.

— Бриенна, это Грай, моя невеста. Люби её. И защищай, как всегда защищала меня.

— Ох, милорд! — воскликнула Бриенна, виновато отступая назад. Её лицо болезненно скривилось, губы поджались.

— Ты не виновата, — твёрдо сказал ей Роберт. — Дедушка Бринден поведал, как всё было. Даже если бы ты тогда была рядом, всё равно ничего не смогла бы изменить...

Обгорелые повели лошадей в лагерь, раскинувшийся почти на милю, там горели костры, переговаривались люди, бряцало оружие. Роберт глянул в сторону и усмехнулся — Хаген и Тиметт стояли рядом и не отрываясь смотрели на Бриенну. Вид у обоих был ошеломлённый.

— Грамкин дрын... — наконец сказал Хаген.

— Да, — подтвердил Тиметт.

— Слышь, лордёнш... то есть Роберт, — Хаген, не сводя глаз с Бриенны, рванул ворот, словно ему не хватало воздуха, — я могу проводить вас дальше... до самого тракта.

— У тебя нет шансов, — не церемонясь, обрубил его мечтания Роберт, и Хаген обиженно скривился. — Бриенна — высокородная леди, она привыкла к учтивому

обхождению. А ты сквернословил, как дикарь. Тем не менее... — Роберт повернулся, взял Бриенну за руку и торжественно вывел её впереди себя: — Позвольте представить вам, милорды. Леди Бриенна Тарт, единственная дочь и наследница лорда Сельвина. Леди Закатного замка, что на острове Тарт в Узком море. Победитель большого турнирного сражения у Горького Моста. Из ста шестнадцати доблестных рыцарей, которые собрались со всех концов Вестероса, миледи единственная, кто осталась в седле. Король Ренли Баратеон присудил победу ей, и в награду взял в свою Радужную гвардию под именем Бриенна Синяя. До моего... хм... вынужденного отбытия в Лунные горы служила моим телохранителем. Если бы в ту ночь она охраняла меня, вам бы не поздоровилось. Она бы уложила вас на месте.

— Да я бы и не сопротивлялся... сам бы лёг, — прошептал Хаген заворожённо. — Лишь бы она легла рядом.

По мере того, как Роберт говорил, лица обоих мужчин вытягивались. Лицо же Бриенны на последних словах окаменело, ноздри раздулись, а губы превратились в тонкую полоску. Роберт повернулся к ней и представил гостей:

— А это брат моей невесты Тиметт и его ближайший помощник Хаген. — После чего их лица ещё и помрачнели, а Тиметт злобно зыркнул, недовольный столь скромным представлением лучших воинов самого могущественного горного клана.

Бриенна, положив ладонь на рукоять меча, тоже взглянула на Роберта, её глаза метали голубые молнии.

— Это правда, милорд? — прорычала она и потянула Верный Клятве из ножен. — Это были они?

— В том числе, — ответил Роберт и успокаивающе похлопал её по руке. — Но теперь у нас мир, Бриенна. Не забывай об этом.

— Миледи, — Тиметт учтиво, словно делал это каждый день, поклонился, — для меня честь быть представленным такому славному воину. Позвольте проводить вас в лагерь.

— Не приближайся... горец. И всегда держись от меня подальше, — снова рыкнула та. — Иначе у меня отшибёт память... и я забуду, что у нас мир.

— Проводи Грай в её шатёр, Бриенна, — попросил Роберт. — И поищи молоко. У нас есть малыш. — Увидев её округлённые глаза, он засмеялся: — Да, мы ещё не женаты, но малыш уже есть. Грай тебе покажет.

— Я тоже могу довести вас до самой Долины, — угрюмо сказал Тиметт, когда девушки отошли.

— А как же объединение племён горцев? Разве тебе не нужно готовиться в военный поход? — спросил Роберт. — Без тебя Обгорелые не сладят с Псами и Воронами.

— Козе в трещину твои выдумки с объединением, лорд. Зачем мне оно надо? — Тиметт пренебрежительно хмыкнул: — Чтобы твой сын стал Королём Гор и Долины? А мне что с того?

Роберт согласно кивнул.

— Ничего. Ты с этого не будешь иметь ничего. Ты вообще ничего больше не сможешь достигнуть в своей жизни. Ведь верховным вождём Обгорелых тебе никогда не стать, ты это знаешь... Таков закон племени, — насмешливо сказал он и, видя, как брови Тиметта сошлись на переносице, а на шее вмиг вздулись вены, вкрадчиво добавил: — Но где сказано, что ты не можешь стать вождём Союза племён?

Не дожидаясь ответа, Роберт развернулся, кивнул изумлённо смотрящему на него сиру

Бриндену и неторопливо двинулся навстречу своим воинам. Тиметт и Хаген продолжали стоять, глядя им вслед.

— А ведь лордёнш прав, — в задумчивости пробормотал Хаген.

Прошло несколько минут, прежде чем Тиметт отозвался.

— Его зовут Роберт. — Тон не терпел возражений. — Он жених моей сестры.

Хаген пожал плечами:

— Да я почти так и сказал...

Лорд Долины и его первый рыцарь стояли на пригорке и смотрели на лагерь. Оба худошавые, высокие — зрелый, убелённый сединами рыцарь, и юный, с горящим, полным надежд взглядом лорд. Дымка вечернего тумана уже опустилась в низину, принеся с собой прохладу, но Роберт и не подумал кутаться в плащ — он не ощущал холода. Талли первым нарушил тишину.

— А вы знаете, что говорить людям, милорд, — сказал он одобрительно, не поворачивая головы.

Роберт чуть помедлил, прежде чем ответить.

— Как-то один человек сказал мне: «Все люди чего-нибудь да хотят, Роберт. И если ты узнаешь, чего хочет тот или иной человек, то поймёшь, кто он, и как им управлять». Я запомнил его слова.

— И кто вам это сказал?

— Дядя Петир. Лорд Бейлиш. — Роберт долго молчал, глядя вдаль и хмурясь. И затем стал спускаться, добавив с грустью: — Иногда я вспоминаю его и скучаю. Жаль, что... что так получилось.

Талли не спеша двинулся следом.

— Кстати, о лорде Бейлише, — решительно сказал он. — Думаю, пришло время вам кое-что узнать, милорд.

Глава 13. Роберт страдает и улыбается

Грай второй день дулась на Чёрную Рыбу. Ей-то по наивности казалось, что этот немолодой благородный воин, так неожиданно при всём клане вставший перед Робертом на колени, на самом деле любит и почитает своего юного родственника. Но, похоже, он наговорил ему каких-то ужасных гадостей, и теперь тот ходил мрачный, неулыбчивый, и в уголках его ласковых губ залегли горькие складки. Она собиралась подойти к Чёрной Рыбе и решительно попросить, чтобы он перестал мучить Роберта. Ведь каждый раз, когда мужчины уединялись — в шатре или в ближайшем лесочке, и Подрик Пейн никого к ним не подпускал, особо назойливым даже угрожая мечом, — Роберт потом становился таким несчастным, что Грай хотелось поколотить коварного старика.

Спросить напрямик она никак не могла — они не оставались с Робертом вдвоём. Он весь день проводил со своими людьми и лишь вечером приходил в шатёр, который она делила с Бриенной и Мирандой — невысокой, полной женщиной с визгливым смехом и пышными каштановыми кудрями. «Леди Миранда Редфорт. Супруга сира Джаспера, командира обоза», — представила её Бриенна в первый вечер. Они трапезничали в узком кругу, и затем Роберт, наспех поцеловав Грай в лоб, снова уходил. Утром третьего дня пути, пока воины собирали шатры и увязывали поклажу, она всё же расхрабрилась подойти к охранявшему тропинку Подрику.

— Меня ты тоже непустишь? — спросила она неуверенно, готовая повернуть обратно.

— Милорд занимается, — сказал тот с поклоном. — Но он не запрещал пускать вас, миледи.

Подходя по тропинке к поляне, Грай услышала звон стали и едкие вскрики Ивера.

— Пошевеливайся, парень! Что ты как баба на сносях! У тебя ноги заплетаются! Уже устал? Ночь провёл в шатре со шляхами, а теперь ходить не можешь? Ах, ты ж, разбойник! Ты меня ранил... А что скажешь теперь?

Грай выбежала на небольшую лужайку и растерянно застыла. Соперники — обнажённые по пояс, потные, с раскрасневшимися лицами и прилипшими к спине и бокам травинками — тяжело дышали, замерев на месте: Ивер с оцарапанной левой рукой приставил меч в правой к шее Роберта. В стороне на поваленном старом дереве сидел Чёрная Рыба и одобрительно глядел на них.

— Здоровая злость, это хорошо, Роберт, — сказал дотракиец, убирая меч в ножны. Затем поднял с земли свою рубашку, оторвал снизу полоску ткани и попытался перевязать рану. — Но не позволяй ей слепить тебя. Думай наперёд! Просчитывай следующий шаг врага! Иначе ты его ранишь, а он тебя убьёт.

Роберт хмуро слушал и согласно кивал, натягивая свою рубашку и застёгивая дублет. Талли первым заметил Грай, встал и приветственно поклонился:

— Миледи.

Она рассеянно кивнула и устремилась к Роберту, и Талли с Ивером тактично ретировались.

— Что-то случилось? — спросил Роберт.

— Нет. Просто я... я тревожусь, Роберт. Ты возвращаешься домой, в Долину, о чём так давно мечтал... но тебе совсем не весело. Чёрная Рыба тебя чем-то огорчил? Я же вижу, что он сказал тебе что-то плохое, от чего ты очень расстроился... Хочешь, я попрошу его больше

не доносить тебя?

Роберт улыбнулся и обнял её.

— Ах, как было бы чудесно, если бы это всё решило, Грай. Но боюсь, так не получится. Меня долго не было, и теперь сир Бринден рассказывает мне новости Долины и Семи Королевств. Много чего произошло за эти два года...

— У тебя кто-то умер? Кто-то близкий? — Ужасная догадка вдруг перебила дыхание, и Грай откинулась, взглянула в глаза: — Матушка, да?

— Нет, она в добром здравии, и ждёт нас.

— Почему же тогда ты такой грустный, Роберт? Что тебя так расстроило?

Его руки напряглись, а пальцы на миг больно впились ей в спину, когда он через силу наконец заговорил:

— Предательство... одного дорогого мне человека. Я любил его... очень-очень. Почти как отца, а может, и больше. Ведь отца я мало видел, а этот человек постоянно приходил в наш дом. Ещё когда мы жили в Королевской Гавани. И всегда с подарками. Знаешь, в детстве я часто болел, а он играл со мной... Я с таким нетерпением его ждал! С ним было весело. Я думал, он мой друг. Думал, он тоже меня любит. И вот этот человек меня предал. Чужими руками он травил меня, чтобы я болел. Хотел, чтобы я стал безумным. И ещё... — Роберт остановился, уткнулся лбом Грай в плечо, его зубы скрипнули, а тело мелко задрожало. — Ещё этот человек убил моего отца. Не в честном бою, а коварно, исподтишка... как делают только трусы и изменники. Мой отец был бы жив... был бы жив до сих пор, если бы не он... тот, кого я так любил все эти годы... чью память хранил. Понимаешь?

— Ох, Роберт! — Грай сначала обняла его голову, затем отклонилась, и он увидел, как её глаза потемнели от гнева — она ярилась его яростью и страдала его страданием. — Как же это подло! Ну он и гадина! Подлая гадина! Его нужно срочно убить! Выпустить ему кишки и намотать на шею... чтобы все знали, что он предатель! Или что вы там в Долине делаете с предателями?

— Он уже умер. Моя матушка его убила. Она узнала о злодействе... и хоть тоже очень любила его, всё равно убила. Чтобы спасти меня.

— Твоя матушка настоящий храбрый воин! Я уже очень люблю её. А того скверного человека забудь, Роберт. Вокруг много людей, которые по-настоящему любят тебя и никогда не предадут. Чёрная Рыба, твоя матушка, Бриенна... и твои воины... и... и я.

— Я знаю, любимая. — Роберт прижал Грай крепче, зарылся носом в волосы. — Как хорошо, что ты рядом. Прости, что я оставил тебя сейчас. Мне нужно многое наверстать. Но когда мы приедем в Чаячий город, у тебя не будет времени скучать. Обещаю. Мы будем готовиться к свадьбе, устроим охоту, турнир, закатим пир, будем танцевать... А потом поедем в Орлиное...

— Танцевать? Но я не умею.

— Я тоже не умел кидать копьё. — Он опустил голову, защекотал ей губами шею, и она повела плечом, хихикнула. — Теперь ты поймёшь, каково это... делать, чего никогда не делала. Ты будешь ходить медленно и степенно, гордо подняв подбородок... никакого бега вприпрыжку и лазанья по деревьям... да-да, тебе придётся заплатить за всё, что я натерпелся. Ты будешь учиться танцевать, долго расчёсывать волосы... одеваться и купаться при помощи служанок... носить красивые платья, делать реверансы...

— Что такое реверансы? — растерянно спросила Грай. Её глаза вдруг расширились от страха: — О нет! Нет, Роберт... пожалуйста.

— Что? О чём ты?

— Я слышала, как Тиметт рассказывал ребятам про бордель... и что там заставляют делать тех несчастных девушек. Я не помню точно, как он это называл, но не хочу делать реверансы... — Она с трудом сдерживала слёзы.

— Ну что ты, милая! — Теперь уже он гладил её успокаивающе по голове. — Реверансы — это такие красивые глубокие поклоны. Леди делают их в знак уважения и приветствия.

Грай застонала и уткнулась ему в грудь.

— Какая же я глупая, Роберт... тебе будет стыдно за такую дикую жену.

— Вот ещё! — Он прикоснулся губами к её волосам. — Представь... закатили мы с лордами пирушку, выпили бочонок доброго арборского, и давай своими жёнами хвастать. Все говорят: «А моя жена уже в девять лет делала такие грациозные реверансы!» А я говорю: «А моя в девять лет оленя завалила!» Им и ответить нечего, потому что сами они в девять лет такую крупную дичь ещё не убивали. — Он взял её лицо в ладони и поцеловал: — Я буду гордиться тобой, Грай.

Но доводы Роберта не убедили её. Она чувствовала — что-то не так. Все инстинкты дикого животного, не раз уберегавшие её в лесу на охоте, трубили громче самого большого рога горного козла, что опасность близко. Прожив всю жизнь среди людей, для которых была своей, под постоянной защитой отца и брата, опекаемая и любимая, сейчас, окружённая всеми этими закованными в сталь рыцарями, смотревшими на неё холодными голубыми глазами с пренебрежительным недоумением, Грай ощущала себя неуютно, потерянно, в постоянном тревожном предчувствии чего-то плохого. Она испытала этот страх в первый же вечер, когда спустилась с Бриенной в лагерь. Они шли медленно, потому что Грай с трудом справлялась с длинным подолом. С завистью посматривая на штаны и доходящий до колен подроспешник Бриенны, она неловко спотыкалась и один раз чуть не упала, пока её спутница не показала, как нужно приподнять край платья, чтобы не наступать на него. Их провожали настороженными взглядами, а один раз Грай даже послышались смешки. Вдохнула она свободно, лишь когда за ними опустился полог шатра. Тем сильнее получился контраст, когда вниз сошли Роберт и Чёрная Рыба, и Грай с Бриенной услышали, как воины ревели, колотили мечами по щитам и выкрикивали имя своего лорда, приветствуя его.

Той ночью никто не спал — отмечали благополучное возвращение Роберта. Он был где-то там, в темноте, переходил от костра к костру, проверял караулы, разговаривал с мужчинами и, отвечая на их многочисленные вопросы, поднимал с ними кубок. А Грай в шатре дрожала от томительной неопределённости, и даже присутствие Бриенны и весёлая трескотня Миранды её не успокаивали.

Подрик принёс им блюдо с жаренным на вертеле мясом, печёные овощи и кувшины с вином и элем, но Грай ни кусочка не смогла проглотить. И ей совсем стало худо, когда из гомона у ближайшего костра стал явственно выделяться голос подвыпившего Хагена. Каждый раз, когда до них долетало слово «лордёнш», Миранда недоумённо вскидывала брови и смотрела на Грай, а Бриенна всё сильнее сжимала кулаки. Грай же молилась Огненной ведьме, чтобы та запечатала рот этого не слишком умного великана.

— Я взял его за шкурку и сказал, что так рубят дрова только малолетние девки... — опять раздался знакомый бас.

Бриенна метнулась в угол, трясущимися руками раскидала сложенные там доспехи, выхватила латную перчатку и, на ходу натягивая её на правую руку, выбежала из шатра. Грай

и Миранда ринулись за ней, подняв подола до самых колен. Не замечая ничего вокруг, Бриенна неслась к костру с перекошенным лицом, сбивая по дороге зазевавшихся, словно боевой конь. Ничего не подозревающие воины сидели в круге света на брёвнах, попивая эль и вино, и она схватила продолжающего хвастать Хагена за шиворот левой рукой, дёрнула на себя, развернула и врезала правой прямо в лицо. Нос тошнотворно хрустнул, брызнул кровью вокруг, но Бриенну это не остановило. Вцепившись насмешнику в волосы, она повалила его на землю и надела сверху, продолжая дубасить тяжёлым латным кулаком, будто кузнец молотом.

В какой-то момент Хагену удалось вывернуться, оттолкнуть её от себя, отцепив руку и вырвав себе клочок волос, но нетрезвый, ослеплённый болью и кровью, он не смог быстро подняться на ноги. Бриенна же, разъярённая и неумолимая, как само возмездие, перекатилась, стремительно вскочила и вновь с рычанием кинулась вперёд. Она замерла лишь на мгновение, глядя на раскоряченного в попытке встать противника, честно давая ему время распрямиться и очухаться. Но вдруг передумала, с размаху засадила ногой в живот, а затем с силой обрушила стальной кулак на затылок. Хаген скрючился, закашлялся и снова повалился, а Бриенна распалилась не на шутку, самозабвенно охаживая его ногами со всех сторон с таким озверелым наслаждением, что на какой-то краткий миг Грай решила, что великан своё отжил.

Никто не спешил вмешиваться: долинцы одобрительно ухмылялись, Обгорелые вопросительно посматривали на своего командира. Тиметт сначала сделал шаг к драчунам, но потом остановился. В его взгляде читалось уважение и неподдельное восхищение — Грай не помнила, чтобы брат когда-либо так таращился на женщину. Скорее всего, он остался бы глух к её просьбе, поэтому она заозиралась вокруг, ища кого-нибудь другого, кто сможет унять Бриенну. Ей не было жаль Хагена, но если бы драка переросла в потасовку между хозяевами и гостями, то это могло навредить Роберту, разрушило бы его планы. А тот стоял вместе с Чёрной Рыбой позади, в тени кустов, и с интересом наблюдал за избиением. Заметив, что Грай на них смотрит, Роберт не спеша подошёл к костру.

— Стой, Бриенна. Хватит, — сказал он. Та вздрогнула и нехотя оставила поверженного обидчика, а Грай удивлённо приоткрыла рот от сквозившей в голосе суровости: — Я ведь говорил, что заключил с Обгорелыми мир. И запретил все склоки. Ты нарушила мой приказ. Иди в шатёр.

Опустив голову, Бриенна зашагала прочь, её перчатка в всполохах костра тускло мерцала от крови. Горцы помогли встать Хагену, который кряхтел и хватался за отбитые бока, сплёвывая под ноги красную юшку. Тиметт двинулся вслед за Робертом.

— Леди Бриенна не виновата, — сказал он. — Мой человек вёл себя неподобающе для гостя. Я приношу свои извинения и обещаю, что он будет наказан. А ты не наказывай Бриенну, Роберт. Она защищала честь своего вождя и поступила, как надлежит истинному воину.

— Хорошо. — Роберт остановился. — Я приму к сведению твои слова. Но решу сам, что мне делать со своими людьми. А ты решай со своими. Доброй ночи, брат.

Пройдя в шатёр, Бриенна сняла перчатку, взяла ветошь и стала стирать с неё кровь. Всё так же не поднимая головы, она виновато проговорила зашедшему следом Роберту:

— Я подвела вас, милорд. Нарушила приказ. Вы можете меня прогнать. Но знаете... — Она остановилась, задумалась, затем с силой швырнула доспех на пол и наконец взглянула на него: — Жаль, что вы так рано вмешались. Я не выдала ему даже за два месяца вашего

плена. И я в жизни не слышала ничего более приятного, чем хруст носа этого тупоголового переростка... Почему вы смеётесь, милорд? Да ещё так задорно...

Утром, когда снег на самых дальних вершинах Лунных гор только-только заискрился от солнечных лучей, Обгорелые отправились назад, и Роберт вместе с Талли и Ивером поехал проводить их до первого подъёма. Грай простилась с братом ещё в горах, в доме их отца, со слезами повиснув на шее сначала у одного мужчины, затем у другого. Они осторожно обнимали огромными ручищами хрупкую фигурку, прижимались обветренной щекой к нежной девичьей коже и шептали: «Ну, будет, будет...» Здесь же, при всех, Грай лишь кивнула Тиметту, а он вовсе просто скользнул по ней равнодушным взглядом и направил свою лошадь прочь от лагеря.

Долинцы тоже собрались в путь, и к тому времени, как провожающие вернулись, шатры сняли и весь скарб погрузили на телеги — обоз был готов.

— Вы так долго, Роберт, что я уже стала беспокоиться, — сказала Грай. — Подумала, не решил ли ты вернуться обратно в горы...

— Нам с Тиметтом нужно было кое-что обсудить, — пояснил он. — И хотелось ещё раз полюбоваться на Хагена... Где Сумрак?

— Подрик сказал, что присмотрит за ним, сам повезёт клетку. Сумраку понравилось кобылье молоко, он так забавно причмокивает, когда лакает! Знаешь, он перестал меня царапать. Он урчит, когда я сажаю его себе на колени и глажу животик. Правда иногда будто вспоминает, что он дикий кот, подпрыгивает, шипит и бьёт меня по руке лапой. Но уже без когтей... Может, мне всё же удастся его приручить.

— Это хорошо... — Роберт, занятый своими мыслями, рассеянно кивнул. — Нам пора ехать. Но сначала нужно кое-что сделать. Сегодня твоё первое утро в Долине, поэтому... — он улыбнулся, — давайте-ка на лошадь, миледи!

Грай подвели гнедую кобылу — тонконогую и нервную — и она легко вскочила в седло. Они с Робертом тронулись вместе вперёд, вслед за ними двинулись Бриенна, Талли, Ивер и Подрик. Приблизившись к ожидавшим их воинам, Роберт остановил лошадей, взял Грай за руку и громко объявил:

— Милорды, сирсы, миледи. Это моя невеста, её зовут Грай.

И вот тогда ей во второй раз стало сильно не по себе, потому что на его слова никто не откликнулся — все словно онемели.

Роберт обвёл взглядом собравшихся, нахмурился и заговорил снова, медленно и с расстановкой:

— Я хочу, чтобы вы с уважением относились к моей будущей жене. Непочтение к ней будет означать непочтение ко мне, вашему лорду. Угрозу её жизни и безопасности я расценю, как угрозу мне лично.

Вперёд вышел воин, на чьей груди ярко выделялся красный замок на белом поле.

— Я сир Джаспер Редфорт, миледи, командир этого обоза. От лица своих людей я приветствую вас. Добро пожаловать в Долину. — Он поклонился, прижав правую руку к груди, но остальные воины продолжали молчать.

Грай в ответ затравленно кивнула, чуть не плача от досады на собственную бестолковость — ей показалось хорошей идеей не надевать в дальнюю дорогу то красивое, но такое неудобное платье, в котором невозможно было ни ходить нормально, ни сидеть на лошади. Облачившись в более привычные суконные штаны и кожаную тунику длиной до

середины бедра, она лишь в этот момент осознала свою ошибку, остро ощутив себя среди всех этих богато одетых людей совершенно лишней. Обе женщины долинцев, такие непохожие друг на друга — и неотличимая от мужчин в доспехах и с мечом на боку Бриенна, и Миранда в тёмно-зелёном платье и сером атласном плаще, заколотом брошью-соколом, — смотрелись естественной и гармоничной частью войска. После того, как Обгорелые уехали, только она и Ивер выглядели здесь чужаками.

На обеденном привале Грай попросила Бриенну достать из поклажи то платье, что ей шила Хлои для отъезда, и поспешно переоделась. А затем отыскала Редфорта, чтобы поблагодарить.

— Спасибо, милорд Джаспер, за ваши добрые слова сегодняшним утром, — сказала она ему.

— Я не милорд, — усмехнулся он. — Я всего лишь сир.

Грай стусевалась, поняв, что вновь опростоволосилась, осрамила Роберта, будто ему своих печалей было мало. А днём позже, когда ещё и срезалась с реверансами — хорошо хоть, никто, кроме Роберта, этого не слышал, — и вовсе пала духом. Чутьё подсказывало, что впереди её ждут только новые унижения: она невпопад одевалась, не умела носить платья, неправильно говорила и очень многого не знала. Оплешность с реверансами жгла стыдом щёки, однако вечером того же дня Грай отважилась попросить помощи и совета, ведь даже Тиметт не с самого рождения умел держать топор.

— Миранда, научи меня делать реверансы, — обратилась она к леди Редфорт, когда ужин закончился, и Роберт, сир Джаспер, Талли и Подрик покинули их шатёр.

— Зачем тебе? — удивилась та, но затем поспешно прикрыла рот ладонью: — Ой!

— Я хочу стать Роберту хорошей женой. Хочу, чтобы он был доволен мной, — не обратив внимания на бестактность, простодушно поделилась сокровенным желанием Грай.

— Ну, реверансы тут не помогут, — рассмеялась Миранда. — Мужчинам нравится совсем другое. Если хочешь, я тебе расскажу.

— Хочу! Я очень хочу, чтобы Роберт гордился мной. И ещё я боюсь не понравиться леди Лизе. Мне нужно научиться делать реверансы, чтобы когда мы встретимся, я могла поприветствовать её. Пожалуйста, расскажи мне, что должна уметь жена лорда.

— Думаю, леди Грай говорит немного о другом, — решительно вмешалась в разговор Бриенна, после чего посмотрела на девушку: — Не переживайте, миледи. Когда мы приедем в Орлиное Гнездо, для вас возьмут септу. Она научит вас всему, что должна уметь леди.

— Но мне нужно уже сейчас, Бриенна... — Грай кусала губы от смущения. — Я ведь ничего не умею... и ничего не знаю. Вот почему вы одних мужчин называете милорд, а других сир? Как их отличить? Почему Роберту иногда говорят «лорд Роберт», а в другой раз «милорд», и тогда имя не называют? Когда я сказала сиру Джасперу «милорд Джаспер», он надо мной посмеялся. Так неправильно говорить?

— Да, говорить нужно немного по-другому. Но в этом нет ничего страшного, вы его не оскорбили.

— И ещё некоторые воины очень не по-доброму на меня смотрят... Я их боюсь, Бриенна. Знаю, что мы с долинцами всегда воевали... Но ведь Роберт замирился с Обгорелыми... и всем сказал, что мы больше не враги. А они всё равно такие хмурые. Только ты, Миранда и Подрик говорите со мной приветливо. Что я должна сделать, чтобы другие полюбили меня?

— Дайте им время, миледи. Наши люди очень злы на горцев за похищение Роберта.

Особенно на Обгорелых. Погодите, пусть они привыкнут к вам, увидят, какая вы добрая и милая девушка. И что вы любите нашего лорда...

— Всем сердцем, Бриенна. Всем сердцем! — Грай прижала ладони к груди и умоляюще воскликнула, поочерёдно взглядывая на обеих женщин: — Помогите мне! Нельзя ждать, пока мы приедем. Нужно уже сейчас что-то делать! Я слышала, как один воин сказал другому, что если Роберт притащил сюда эту глупую дикарку, значит, он и сам такой, совсем одичал в горах. «Лорд ли он теперь?» — так они говорили. Я не хочу быть глупой дикаркой! Не хочу, чтобы Роберт стыдился меня, а его воины насмехались. И чтобы они сомневались, что он настоящий лорд...

— Кто это говорил? — подскочила Миранда, и её огромная грудь колыхнулась. Бриенна помрачнела.

— Я не рассмотрела лица, они спиной стояли. А я в кустиках сидела. Да если бы и рассмотрела, то... — Грай понурилась и пробормотала еле слышно: — Они все для меня на одно лицо.

Бриенна ободряюще кивнула.

— Значит, с этого и начнём, — сказала она. — Леди Миранда покажет, как делать реверансы, а я расскажу о людях Долины и о разных домах. И чем отличаются сиры от милордов.

— А о домах разве нужно знать жене лорда?

— Обязательно. Каждому приятно, когда другие знают его имя, выделяют в толпе. И вдвойне лестно вассалам, если супруга их лорда не путается, обращаясь к ним по имени, узнаёт их дома по знамёнам и символам на одежде и доспехах, знает девиз их рода. Этому учат всех детей Вестероса. Я до сих пор легко могу перечислить все дома Штормовых земель, септа Роэлла добросовестно вбивала мне их в голову. А мой отец по малому обрывку знамени или обломку щита может сказать, какому дому в Штормовых землях они принадлежали.

— А что такое Штормовые земли, Бриенна?

— Мой родной край, очень красивый и богатый. Если плыть по Узкому морю от Чаечьего города на юг, то попадёшь туда... Ваша септа потом расскажет вам и про них, и про другие земли Семи Королевств. А я, пока мы в пути, буду рассказывать про дома Долины. Их я тоже хорошо знаю, потому что учила вместе с Робертом. А мейстер Леран потом проверял. И отчитывал меня, если милорд пугался. — Бриенна улыбнулась воспоминаниям.

— И Роберт учил? — спросила Грай и, получив подтверждающий кивок, горячо заверила: — Тогда и я выучу! Вот увидишь, Бриенна, я очень быстро всё выучу!

Когда обоз прибыл в Стылые Воды, она уже знала почти все дома севера Долины, без запинки отвечая Бриенне, что розовые штандарты с парой каменных клиньев и чёрной звездой между ними принадлежат Илшемам, что у лорда Алесандора Торрента рыжая борода и шрам через всё лицо, островом Длинная Сестра управляет лорд Ролланд Лонгторп, а символ лорда Ройса Колдуотера, хозяина замка, под чьей крышей они нашли приют — синий вилообразный крест на красном фоне.

Теперь Грай запросто отличала высокого светловолосого красавца сира Оливера, наследника лорда Трёх Сестёр Трестона Сандерленда, от лысого, с бесформенным красным носом и толстыми губами лорда Годрика Боррелла, хозяина Волнолома на Милой Сестре. И её очень расстраивало, что оба мужчины относились к ней с неприкрытой враждебностью —

даже в присутствии Роберта их лица оставались кислыми и недовольными, если она находилась рядом.

Как пояснила ей Миранда, лорд Тростон имел семь сыновей, но год назад Обгорелые напали на обоз, который сопровождали близнецы-Сандерленды — Джереми и Рейлон, — и первый погиб в том бою, а второго горцы сильно покалечили, отрубив ему левую руку почти по локоть. Именно истекающий кровью Рейлон, добравшись в Суровую Песнь на последнем издыхании, рассказал, что среди напавших видел Роберта Аррена. Сир Оливер, в одночасье лишившийся двух братьев — разве кто-то возьмёт на службу ни на что негодного калеку? — с ледяной учтивостью пресекал все попытки Грай завести разговор. Причины же неприязни лорда Годрика она так и не смогла понять. Жирный, лишённый шеи, с грубой поседевшей на щеках и подбородке щетиной, он напоминал ей белого паучьего краба со своего родового герба. А перепонки между указательным, средним и безымянным пальцами на его правой руке заставляли её безглаголиво ёжиться.

Стылые Воды стали первым жилищем долинецов, которое Грай увидела воочию. Замок ошеломил её своим величием — картинки в книгах не давали представления об истинном размере зданий, — хотя Бриенна сказала, что по сравнению с Орлиным Гнездом он больше напоминает конюшню. Лучшие покои отвели Роберту, которому прислуживал Подрик. Леди Колдуотер лично проводила Грай в её комнату, где предстояло разместиться и Бриенне. Свои спальни и служанок для выполнения разных мелких поручений получили супруги Редфорт и сир Бринден Талли, а остальным пришлось довольствоваться походными шатрами — лагерь разбили прямо вблизи замковых стен.

В Чаячий город тут же отослали ворона с доброй вестью — Роберт Аррен жив и здоров. И через два дня ворон вернулся с письмом от Лизы, где она писала, что в самые короткие сроки на Персты будет отправлен корабль.

Дни ожидания Грай проводила в малой горнице вместе с Бриенной и хозяйкой замка, в то время как Роберт тренировался с Ивером, секретничал с Чёрной Рыбой и ездил на охоту. Миранда, сопровождавшая мужа повсюду, взахлёб рассказывала, как «милорд сам с семидесяти ярдов попал в лося, а потом вспорол ему живот и потребовал кружку».

— Никто не мог понять, что за кружка, и зачем она ему нужна! — в восторге тараторила леди Редфорт. — Но Бринден, эта старая копчёная селёдка, был готов к такому повороту и дал ему какой-то ковш. Роберт засунул его в брюхо лосю и зачерпнул кровь. Ты представляешь, Бриенна?! А потом знаешь, что он сделал? Отпил! Ха-ха-ха... Видела бы ты их физиономии! Даже мой Джаспер остолбенел.

— Кровь должна стечь на землю, это все знают, — неодобрительно заметила леди Колдуотер. — Иначе мясо будет жёсткое.

— Роберт сказал «в пекло»! И приказал слить кровь в медный котелок до последней капельки! И пожарить ему на обед! — Миранда ликовала. — А ковш пустил по кругу... Не все согласились пить.

— Пожарить кровь? — леди Колдуотер несолидно отвесила челюсть.

Миранда кивнула, азартно блестя глазами — она обожала быть в гуще событий.

— Роберт командовал, а повар готовил. Я всё видела! Сначала он мелко порезал жир и вытопил его в котелке, потом порезал туда лук, а потом вылил кровь. Кровь свернулась и поджарилась. Это очень вкусно, я попробовала! Зря ты не поехала, Грай. Было весело.

— Мне нужно закончить плащ для Роберта, — покачала та головой. — И дописать историю...

Шкуру сумеречного кота, которого Роберт убил в Лунных горах, выделали ещё в поселении, там же Грай аккуратно залатала все прорехи от ножей. И теперь раскраивала мех, стараясь использовать каждый дюйм, после чего притачивала к полам небесно-синюю шёлковую подкладку и хвост на ворот. Роберт уверял её, что будет гордиться и хвастаться ею перед другими лордами, потому что она меткий стрелок, но Грай решила оставить все занятия, которые могли выдать в ней Обгорелую. Ей очень хотелось побыть рядом с любимым, поучаствовать в охоте и немного унять зуд, подстрелив пяток-другой куропадок. Но сейчас для неё было важнее стать настоящей леди — скромной, беззащитной и беспомощной. Ведь всем известно, что они именно такие — бесполезные неумёхи. Ради Роберта она была готова даже грохнуться в обморок, правда, пока подходящего случая ей не представилось.

Однако первое знакомство с женщинами Долины немного сбilo её с толку. Грай с благоговением взирала на Бриенну снизу вверх, понимая, как сильно та отличается от леди в привычном для большинства понимании. Она выделялась бы из общей массы и среди Обгорелых. Шела тогда точно устыдилась бы своих глупых фантазий стать лучшим воином клана! Но и Миранда совсем не походила на жалкую плаксу — острая на язык, толстенная и коротконогая, в простом шерстяном платье, с залихватски перекинутым через плечо плащом, она держалась в седле не хуже своего мужа. А когда поварёнок, строгая на кухне овощи острым тесаком, порезал себе ладонь и кровь залила весь стол, она и не подумала лишаться чувств, а быстро и споро перевязала рану. После чего треснула бедолагу половником в лоб и сказала, что он криворукий олух. Для себя Грай ещё не решила, на кого из женщин хотела бы походить, но точно знала, что ей стоит заняться делами «для леди». Поэтому, продолжая заучивать с Бриенной дома лордов и рыцарей Долины, рисовала или играла с Сумраком, писала в свою книгу истории или, склонившись над шитьём и ловко орудуя иглой, слушала предания семьи Колдуотер, которые им рассказывала хозяйка замка.

Бриенна сильно удивилась, когда увидела рисунки Грай и поняла, что та знает грамоту. — Чем вы заняты, миледи? — спросила она, как-то заметив у неё в руках перо.

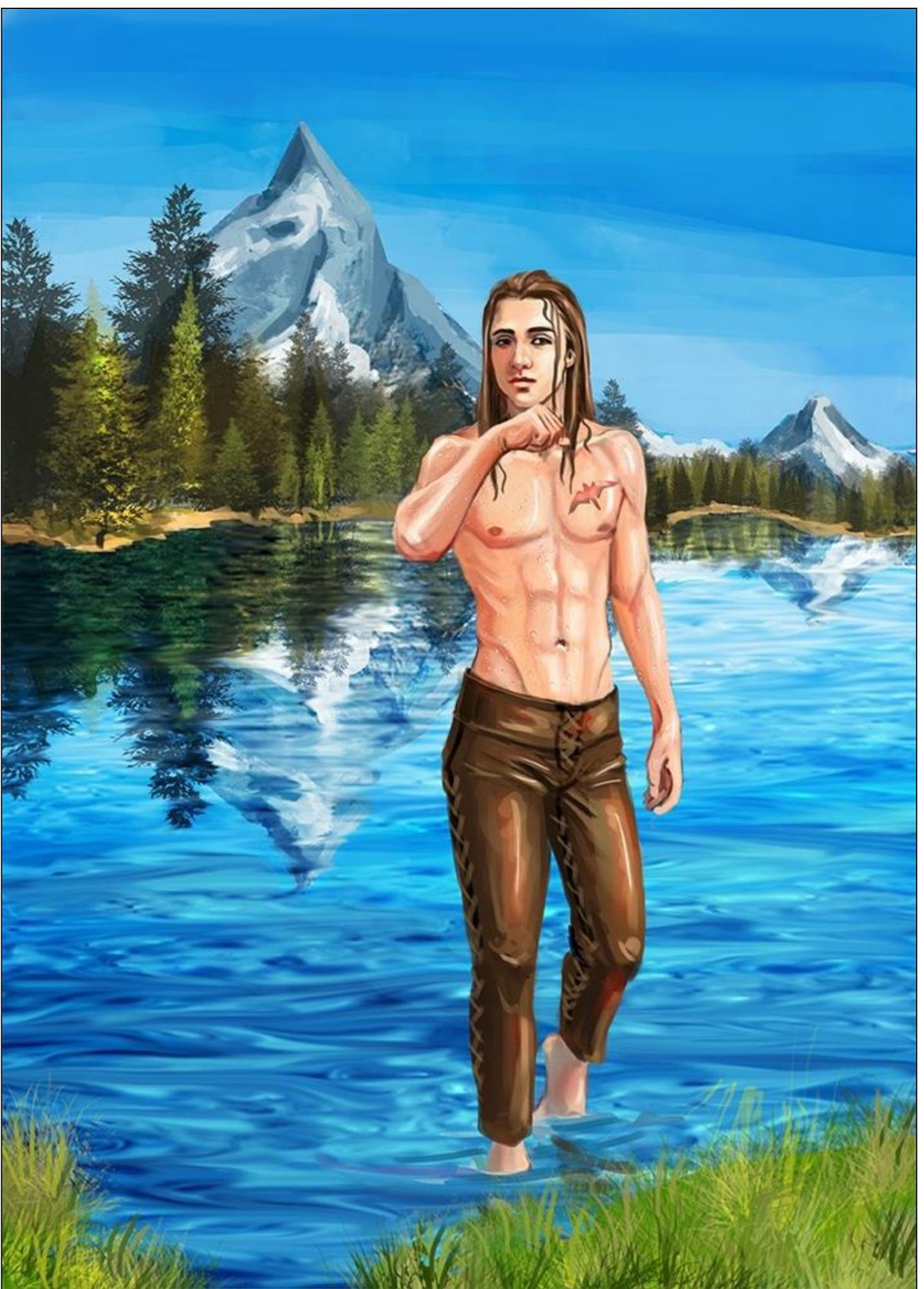
— Пишу одну историю. — Грай замаялась, но ответила: — Про то, как Хагена Непобедимого побил Бриенна Синяя.

После изумлённых охов и вздохов ей пришлось прочитать вслух всё, что она написала — как Тиметт-Красная Рука был на войне, как вождь Обгорелых добывал себе жену, как Роберт Меченый убил своего первого оленя, а потом ещё ходил в горы за котом. Женщины заворожённо слушали, просили повторить, и весть о лорде Долины, умелом охотнике, быстро разнеслась по замку и окрестностям.

Из троих слушательниц Грай пришлось пояснять прозвище Роберта только радушной хозяйке — Бриенна и Миранда видели его без рубашки на одном из дневных привалов, когда мужчины пошли освежиться в озере и напоить коней. Выжженное на груди клеймо потрясло всех, даже старый краб Боррелл ошалело крикнул. А Бриенна расстроено сказала Роберту: «Ох, если бы я увидела это раньше, ничего не спасло бы того хвастуна! Я разбила бы ему голову... и даже вы не спасли бы его...» В тот день она встала на колени и принесла Роберту клятву, как до этого Чёрная Рыба. Уважая её верность, Грай настойчиво предлагала Бриенне сопровождать Роберта на охоту, но та наотрез отказалась.

— Я больше не допущу такой ошибки, миледи, — твёрдо сказала она. — Мне поручили защищать милорда, но я не справилась. Все говорят, что я не виновата, даже Роберт. Но вдруг я смогла бы уберечь его тогда? Если бы была рядом... Поэтому нет, от вас я не отойду

ни на шаг!

Художник: Елена Попова.

Сердце Грай сжималось от гнетущего ожидания. «Уже скоро», — сказал ей Роберт, радостно улыбаясь, но её тревога не утихала. Небольшая быстроходная каравелла уносила их всё дальше и дальше от Лунных гор, скоро они должны были причалить в порту Чаячьего города. Из северян на борт поднялись лишь сир Оливер и лорд Годрик, остальные откланялись, пообещав позже прибыть на свадебное торжество. Перед Грай снова замелькали незнакомые лица, но теперь ей проще было определить имена по знакам на одежде, доспехах и щитах — вместо ржавого якоря она видела Мелколмов, зелёная волна подсказывала, что рядом Апклиффы, а красная кувалда указывала на Брейкстоунов...

— Благодарю вас, сир Утер, — сказала она молодому рыцарю в коричневом плаще с девятью белыми чайками, который вынес ей на палубу стул. Прыщавое лицо вспыхнуло румянцем, юноша поклонился и отошёл, польщённый.

— Великолепно, миледи. Вы очень способная ученица, — одобрительно прошептала Бриенна, и тогда уже Грай зарделась от похвалы.

Хотя когда её познакомили с капитаном корабля, она с трудом смогла вспомнить советы Миранды и присесть в поклоне — от надменного взгляда голубых глаз рыцаря Девяти Звёзд её ноги стали совсем непослушными, да и голос повиновался с трудом.

— Сир Саймонд Темплтон, — представил Роберт крючконосого гордеца.

— Сир... — только и смогла она прошептать.

Почти весь путь Грай провела на палубе. Ей было в новинку всё — бескрайняя синь моря, крики чаек, плеск волн, зеленеющий справа берег. Она сидела на стуле, что любезно принёс Утер Шетт, куталась в плащ и делала наброски угольным карандашом, который ей вместе с альбомом подарила на прощание леди Колдуотер. Бриенна стояла сзади и подглядывала.

— Правда, он очень красивый, Бриенна? — не поворачивая головы, спросила Грай.

Вокруг Роберта всегда толпились мужчины, но сейчас он стоял на носу совсем один и смотрел вдаль. Плащ из шкуры сумеречного кота получился длинным, почти по щиколотку, и объёмным, отчего Роберт казался выше и шире в плечах. По плечам рассыпались отросшие волосы, кожаный шнурок стягивал на затылке убранные со лба верхние пряди, как это всегда делал Тиметт. Толстая серебряная цепь из полумесяцев и соколов скрепляла ворот плаща, но время от времени полы распахивались от ветра, полыхали изнутри лазурью, и становился виден расшитый лунными камнями пояс, прикреплённый к нему аракх и тёмно-серые кожаные бриджи. Роберт был так хорош, что Грай хотелось плакать.

— Истинная правда, — подтвердила Бриенна, с гордостью глядя на него.

— И настоящий лорд?

— Самый что ни на есть настоящий!

Грай увлеклась рисунком, стараясь поймать и передать на бумаге настроение Роберта, и чуть не пропустила заход каравеллы в порт. Она сунула альбом и карандаш в полотняную котомку и отдала её Бриенне, а сама подбежала к борту.

— Что это? — спросила она зачарованно, рассматривая гигантские деревянные сооружения высотой со страж-дерево и чуть далее уходящие в небо крепостные стены.

— Это камнемёты, миледи. — Сир Утер снова был рядом. — Если какой-нибудь вражеский корабль попытается прорваться в гавань, или наоборот, подлый вор захочет улизнуть, эти штуки быстро проделают в них хорошенькую дыру.

— А в нас не проделают?

— Ну, что вы, миледи... посмотрите.

Причал был забит народом. Люди кричали и махали руками. Из открытых городских ворот продолжали валить толпы желающих увидеть прибытие лорда Долины. Вдруг с крепостной стены хлынуло вниз небесно-синее зарево — сверху сбросили огромное знамя дома Арренов. Полотнище развернулось, опустилось почти до створа ворот, и когда все складки разгладились, стал виден в центре белый сокол с полумесяцем. Грай ахнула.

Роберт первым сошёл на пристань. Востроносая женщина в серо-голубом платье кинулась вперёд, опередив сопровождающих её воинов, но не доходя несколько ярдов замерла, присела в глубоком реверансе и склонилась почти до земли.

— Добро пожаловать домой, милорд, — сказала Лиза Аррен, распрямившись. И только после этого упала в объятия сына.

Грай затаила дыхание. Настал самый ответственный момент, к которому она старательно готовилась. «Отводишь одну ногу назад, касаясь земли кончиком носка, — зазвучали в её голове наставления леди Редфорт. — Затем сгибаешь колени и делаешь полуприседание. И не забывай наклонить голову! И взгляд вниз! Вниз, я сказала... И улыбайся». Грай улыбалась. Искренне и радостно. Лиза Аррен улыбалась в ответ.

— Матушка, это Грай, моя невеста.

— Конечно, милый. — Лиза прижалась щекой к плечу Роберта, а потом посмотрела куда-то за спину Грай и приказала: — В темницу её. — Крылья острого носа дрогнули, лицо судорожно исказилось, но голос остался твёрдым и ясным: — И чтобы мы больше её не видели. Хватит дикарям мучить моего сына!

Грай озадаченно взглянула на Роберта. Он улыбался. В глазах стоящего рядом Бриндена Талли читалось сочувствие. Роберт тоже посмотрел на кого-то позади неё. И медленно кивнул.

Интуиция её не подвела. Всё было напрасно. Ей не помогло то, что она, решив стать настоящей леди, отказывалась выезжать с Робертом на охоту. А вместо этого шила ему плащ и отделывала пояс лунными камнями под заунывные истории леди Колдуотер. Училась делать причёски, неторопливо есть, подражая Миранде, которая с таким изяществом обглаживала оленьё ребро, что оставалось лишь тихо завидовать. Она уже умела склоняться в реверансе легко и непринуждённо, и даже идя по лестнице не путалась в подоле. А сегодня надела своё лучшее платье, красивый плащ и уложила волосы по последней моде, принятой в Долине.

Грай обвела затуманенным слезами взглядом стоящих вокруг людей. Высокий седой старик с мохнатыми, совсем как у старшего Тиметта бровями — лорд Джон Ройс, по прозвищу Бронзовый Джон — держал ладонь на рукояти меча и в ожидании приказа смотрел на Роберта. Об удивительных бронзовых доспехах этого воина, с древними рунами, которые защищали их хозяина от любого вреда, она слышала ещё от брата. Слева застыл сир Андар, его сын и наследник, в той же позе, что и отец. А справа ещё один готовый достать оружие старик, такой же высокий и массивный, с седой бородой — лорд Нестор Ройс, родственник лорда Джона и отец Миранды. Сразу за ними стояла семейная пара, скорее всего, лорд Графтон с женой. Судя по штандартам, частоколом обозначившим проход к воротам, тут были Корбреи и Хантеры, Белморы и Уэйнвуды, Липпсы, Редфорты, Линдерли... Она могла обратиться по имени почти к любому воину, стоящему сейчас вдоль дорожки, и ни разу не ошибиться. Но ничего из этого ей не помогло.

Когда в ответ на кивок Роберта за спиной раздался свист обнажаемой стали, Грай

прикрыла глаза и непроизвольно чуть вжала голову в плечи. Всё было напрасно. Капкан захлопнулся.

Глава 14. Роберт раздевается и мечтает

Мало что могло позабавить или удивить Бриндена Талли — за свою длинную насыщенную жизнь он повидал разное. Его уже давно не развлекали напевы менестрелей и не манили дальние земли, женщины перестали быть для него загадкой, и даже звон стали и рыцарские турниры более не будоражили кровь, как раньше. Однако сегодняшний Совет лордов Долины Аррен он ожидал не просто с любопытством, но и с некоторой долей нетерпения. Потому что Роберт улыбался.

Нечасто Талли встречал людей, кто умел управлять своим гневом. А ещё реже таких, кто считал нужным его обуздывать, скрывая от окружающих. И у мужчин, и у женщин — вне зависимости от статуса, дохода и количества на голове седых волос — в приступе гнева брови сходились на переносице, губы кривились, глаза полыхали яростью, а из глотки летели отборные ругательства. Одни махали кулаками, бросались всем, что подвернётся под руку, иные же хватались за меч. Роберт улыбался.

В этот вечер в Большом чертоге замка Графтонов мышь бы не проскочила — потому что негде. На чрезвычайный Совет помимо глав домов, что с некоторыми уважаемыми рыцарями сидели за длинным столом, также пожаловали их наследники и прочие отпрыски, внуки и племянники. Взрослые мужи заняли все стулья и лавки, молодёжь подпирала стены и жалась в углах. Суровое мужское общество разделяли лишь две не менее суровые женщины: леди Аня — глава дома Уэйнвудов, и Лиза Аррен. На расположенном на небольшом возвышении кресле-троне хозяина замка восседал Роберт, справа от него стоял сам Талли, а слева Подрик Пейн. Мейстер Леран, один из троих «не долинцев», занял стул у стены за спиной Лизы.

Сидящие за столом переговаривались неспешно, с уважением давая возможность высказаться друг другу, но чем дальше от центра зала находились хмурые сиры и сквайры, тем несдержаннее они были — жестикулировали, с раздражением брызгали слюной, возмущённо пучили глаза, а некоторые и выражения не особо выбирали.

— Позор!

— Одичалая!

— Неслыханно!

— Да как они посмели!

— Грязные дикари.

— Да надо было...

— Одичалая...

— Она Обгорелая.

— Да какая разница! Дикари они и в Эссосе дикари.

С каждым долетающим до трона словом Роберт улыбался шире и веселее. Он был в бешенстве.

В первый раз, когда Бринден Талли увидел у него такую улыбку, то не сразу понял её значение. Грязный, уставший, раненый, Роберт с трудом держался на ногах, появившись из леса после многодневной охоты. Талли уже подыскивал слова утешения для Лизы, не веря, что привезёт ей сына живым. Облегчение и радость с такой силой нахлынули на него, что он едва совладал с собой, чтобы не нарушить правила дипломатического этикета и не выбить второй глаз младшему Тиметту, когда тот набросился на Роберта с насмешками и упрёками.

И та леденяще-весёлая улыбка в ответ на оскорбления в какой-то момент повергла выдавшего виды рыцаря в безотчётный ужас — ему невольно подумалось, что парень от пережитого в лесу лишился рассудка. Но уже в следующее мгновение Роберт вскинул подбородок, его ноздри чуть дрогнули от подавляемого гнева, и он ответил Тиметту сам, смерив того надменным взглядом из-под полуопущенных век. Ответил спокойно и с достоинством, обратив клокочущую ярость в полную яда шутку. Кроме Талли тогда лишь многоопытный вождь понял, что произошло — в лес уходил юнец, а вернулся мужчина. Мужчина, которому больше никто не смел указывать.

А на пристани по прибытии в Чаечий город уже вообще ничего не выдавало, что Роберт сердится. Потому и обманулась Грай, усомнилась в чувствах своего жениха, сжавшись в страхе словно пичуга малая. Совсем ещё дитя, в тот день в красивом платье и длинном белом плаще из меха ласки она ничем не отличалась от любой другой благородной леди Вестероса, выглядела настоящей королевой, что спустилась с заснеженных гор. Но ни богатый плащ, ни модная причёска, ни милое личико не смогли обуздать злобу Лизы — исстрадавшейся матери и самого преданного вассала Роберта Аррена. А ведь Талли его предостерегал, что та может взбрыкнуть, советовал предупредить Грай о такой вероятности. Но Роберт понадеялся на лучшее, не желая понапрасну тревожить любимую.

Пожалуй, если бы у Лизы было время свыкнуться с мыслью о такой невестке, шанс узнать её поближе, увидеть, с какой беззаветной преданностью и любовью она смотрит на Роберта, как без раздумий кидается на его защиту, то не стала бы так лютовать. И не получила бы удар в самое сердце, когда вопреки её приказу сын подал знак Бриенне Тарт и та, обнажив меч, встала впереди Грай со словами: «Держитесь за моей спиной, миледи. И ничего не бойтесь». А Роберт, скользнув взглядом мимо матери, обратился не к ней, а к Джону Ройсу.

— Кто сейчас управляет Долиной? — требовательно спросил он.

— Совет лордов назначил леди Аррен леди-протектором, милорд. На три года, или до вашего возвращения...

— Я вернулся, лорд Ройс, — сказал Роберт, после чего кивнул матери: — Я вернулся. Я дома, матушка.

Лиза протянула к сыну руки, её подбородок задрожал, а глаза наполнились слезами, но тот не сделал и шага навстречу, и она замерла, оглушённая его выбором.

— Леди Графтон, — Роберт отыскал в толпе взглядом супругу хозяина города, — в вашем замке найдётся местечко для меня и моей невесты? Или нам нужно искать постоянный двор?

Добродушное, в мягких морщинках вокруг блёкло-голубых глаз лицо испуганно скривилось.

— Семеро с вами, милорд! Какой постоянный двор?! — заполошно всплеснула она руками, как заправская крестьянка. — Лучшие покои ждут вас! Почтём за честь, лорд Роберт.

Тогда он подошёл к Грай и медленно, церемонно поклонился.

— Добро пожаловать в Долину, миледи. В ваш новый дом. — И протянул ей ладонь: — Позвольте проводить вас?

Они развернулись лицом к толпе и некоторое время стояли рядом, взявшись за руки — в чёрном плаще из шкуры сумеречного кота лорд Долины и едва достающая макушкой ему до плеча в белоснежном плаще Грай. Роберт давал возможность подданным рассмотреть своего

господина и его будущую жену, открыто наслаждаясь грохотом мечей по щитам, приветственными криками размахивающих знамёнами воинов и воплями простых горожан.

Однако Талли плохо бы знал свою племянницу, предположив, что она так просто сдастся. Если не вышло покарать пришлую девчонку, на защиту которой так неожиданно встал любимый сын, и выместить на ней свою обиду и злость за все обрушившиеся на дом Арренов беды, то это не значило, что никто не поплатится. Сир Бринден Талли, по прозвищу Чёрная Рыба, понесёт наказание за всё. Ибо он один виновен в том, что лорда Долины принудили привезти с собой с гор дикарку. Здесь и сейчас, на чрезвычайном Совете лордов Долины Аррен, он за это ответит.

Что за самовольство наступит расплата, Талли знал с самого начала — с того момента, когда предложил вождю Обгорелых брак его дочери и Роберта. И был готов к упрёкам Лизы и обвинениям Совета. Предупредил заранее и Роберта, что если ему действительно дорога Грай, то за неё придётся выдержать хороший бой.

— Мне два года указывали, что я могу делать, а чего не могу, — ответил на это Роберт. — Думаю, достаточно. Теперь я сам буду решать...

Весь переход от предгорья до Стылых Вод в редкие минуты уединения они обсуждали возражения и вопросы, которые могли возникнуть у противников этого брака, продумывали ответы и доводы. И теперь Талли с интересом ждал поединка. Он ставил на Роберта.

Наконец Джайлс Графтон ударил мечом в висящий позади трона родовой щит, и все разговоры стихли. Совет начался с приветствий и поздравлений Роберту по случаю его благополучного возвращения. После чего в центр зала спустился бывший парламентёр дома Арренов, которому доверили найти и освободить ценного пленника, и стал держать ответ. Сир Бринден говорил обстоятельно, по делу, докладывая о поисках живущего отшельником старого упрямого Обгорелого, затяжных переговорах через него с ещё более упрямым вождём клана, и о полном предосторожностей пути в поселение. Слушали его внимательно, напряжённо, лишь в конце молодые да резвые недовольно зашумели, когда он сказал, что перед дорогой у него отняли оружие и надели на голову мешок, лишая возможности ориентироваться.

— Это унижение дома Арренов! Это бесчестно, так поступать с посланником... — стали раздаваться возгласы. — Надо было кинуть им этот мешок в морду!

Талли кивнул.

— Тогда меня бы не пустили к вождю. И нам пришлось бы вернуться назад без Роберта.

— Нужно было разрубить этого мерзкого отшельника на мелкие куски за такую дерзость!

— И похоронить надежду спасти Роберта? Только отшельник знал проход в лагерь. Он был нашим единственным шансом...

Ещё больший шум поднялся, когда Талли в своём рассказе дошёл до насмешек над подношениями долинцев.

— Они что, и правда отказались от оружия и продуктов? — удивлённо спросила Анья Уэйнвуд.

— Наотрез, миледи.

— А вы говорили, сир, что мы готовы делать это регулярно? — спросил глава дома Белморов.

— Конечно, лорд Бенедар.

— И они отвергли такое щедрое предложение? — не поверил Хортон Редфорт.

— Истинно так, милорд. Сказали, что если захотят, то сами всё возьмут. Им в радость разрушать наши рудники, грабить обозы и деревни.

— А вы говорили им про золото? Что мы можем дать им золото? — рыцарь дома Линдерли подался вперёд, сверля Талли испытующим взглядом.

— Да, сир Лаймонд. Судя по тому, что я видел... что они позволили мне увидеть... золота у них хватает.

— А вы предлагали им торговать в наших городах? — спросил лорд Трёх Сестёр.

— Расписывая во всех красках, лорд Тристон. Они считают, что торговля унижительна для настоящих воинов.

— И вы не нашли ничего умнее, чем предложить брак с лордом Долины? — снова спросила леди Анья.

— К сожалению, не нашёл, миледи.

— Но я не давала вам такого права, сир! Вы превысили свои полномочия! — Лиза не выдержала, подскочила со своего места и замахала руками на своего посланника, совсем забывшись: — Ты не смел торговать моим сыном, дядя!

— Простите, миледи, — Талли на миг склонил голову, чтобы не видеть предвкушающую ухмылку Роберта и не ухмыльнуться в ответ, — но они отвергли и это предложение.

— Что?! — Она рухнула обратно в кресло. — Вы лжётё! Или они совсем безумны...

«Видели бы вы своё лицо!» — сказал ему Роберт тогда в горах. Сейчас, глядя на ошарашенную Лизу и её не менее ошарашенное окружение, Талли понимал, почему в тот серьёзный и ответственный момент Роберт над ним потешался.

— Они сказали, что слишком много чести для нас. Что дочь вождя — потомок Таргариенов, и отпрыск «каких-то там Арренов» ей не пара.

— Неслыханно... Какое нахальство! — Нестор Ройс возмущённо дёрнул себя за бороду.

— Полностью согласен с вами, милорд. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы они в итоге согласились.

— Вы их уговаривали?!

— Со всем доступным мне красноречием...

Большой чертог взорвался негодованием, как бочка с протухшей на солнцепёке кислой капустой. Лин Корбрей, представляющий своего отсутствующего старшего брата, запальчиво стукнул кулаком по столу. Его жёсткий рот изогнулся в пренебрежительной усмешке.

— Нельзя было делать посланником не жителя Долины, — заявил он. — Талли ничего не смыслит в нашей жизни! Мы веками воюем с этими ублюдками. И только мы хорошо знаем их... этих тупых и вероломных животных без чести и совести. Говорить с ними бесполезно! Они понимают только язык меча!

— А что бы сделали вы, сир Лин?

Все головы в зале мгновенно повернулись к трону. Роберт поощряюще кивнул, ожидая ответа на свой вопрос.

— Я бы убил их вождя, милорд!

— Голыми руками? Похвально! Хотел бы я на это посмотреть...

— Я бы раздобыл оружие... не сомневайтесь, милорд! И хорошенько проредил бы их гнусное племя, прежде чем они добрались до меня! И пусть бы я погиб...

— И очень быстро. В этом можете не сомневаться. Ну, это ладно... дурной голове туда и дорога... Но почему за чужую глупость должен платить я? Ведь следом они и меня бы

отправили к Семерым. — Роберт хмыкнул: — Вы точно хотели меня спасти, сир, а не приблизить мою смерть?

— Я бы... я бы вызвал вождя на честный поединок! — Тот насупился и злобно зыркнул в сторону Талли: — И не струсил бы отдать за вас жизнь!

— Думаете, вождь стал бы биться из-за пленника? Чья жизнь и так уже в его власти? Поверьте, сир Лин, спеси и гордости у Трёхпалого Тиметта поболее, чем во всём этом зале. И вы сами только что говорили, как горцы вероломны и бесчестны. Вы бы рискнули моей жизнью, чтобы удостовериться в этом? Мне лестно слышать, на что вы готовы ради меня... Но если бы вы вдруг проиграли, что тогда стало бы со мной? Нет, мне определённо повезло, что вас не сделали посланником...

Корбрей покраснел и замолчал. Роберт обвёл чертог твёрдым взглядом, дожидаясь, пока стихнет малейший шёпот. И объявил:

— Сир Бринден Талли будет признан виновным в своеволии и превышении полномочий посланника моего дома, и изгнан из Долины, если Совет укажет иной действенный способ, как можно было меня освободить.

Сидящие за столом склонили головы и начали совещаться. Время от времени к ним подходил кто-нибудь из зала, чтобы поделиться своей версией решения проблемы, после чего обсуждение возобновлялось.

— Им надо было улизнуть по-тихому...

— Почему же Роберт сам этого не сделал?

— Видать, были причины... Скорее всего, не мог...

— Да уж... вряд ли не хотел...

— Но разве миледи не говорила Талли, что он может обещать им всё, что угодно? Я сам слышал...

— Все слышали...

— Вот он и обещал.

— Ну да, жениться-то не ему... хе-хе-хе...

— Говорят, она прехорошенькая... Хотя всё равно дикарка...

— Попридержи язык, молокосос! Иначе отведаешь моего меча!

— Что вы сказали, юноша? А?

— Чушь! Лорда Роберта за такое могли убить!

— А вы что говорите, сир? Войско?

— Да, точно! Талли мог бы сбежать и привести с собой войско!

— Как бы он сбежал? Его же сторожили!

— Куда бы он привёл? Вы, верно, прослушали — сир Бринден не видел дороги...

— Да и пока ходил, милорда могли убить...

И так до бесконечности — Талли уже и прислушиваться перестал.

По распоряжению леди Графтон в зал вкатили бочонки с вином и элем, общество оживилось, спеша промочить пересохшие глотки. Расторопные служанки с кувшинами в руках сновали между лавками и стульями, наливали освежающие напитки, протягивали проголодавшимся гостям большие подносы со свежее испечёнными пирожками с дичью и луком. Отдельное блюдо с закусками принесли и Роберту. Как только все немного подкрепились, прения разгорелись с новой силой. Но после всестороннего и детального обсуждения отвергли все предложенные идеи. Вердикт оглашал глава Совета — сир Саймонд Темплтон, Рыцарь Девяти Звёзд.

— Совет лордов Долины Аррен, — сказал он громко, — одним голосом против, признаёт сира Бриндена Талли невиновным в превышении полномочий посланника дома Арренов. Он сделал всё, что мог.

— И кто против? — с любопытством спросил Роберт.

— Леди-протектор, милорд.

— Вот как? — Он прищурился, а его губы медленно растянулись в недоброй улыбке. — Если мне не отшибло память, сир, то по закону полномочия протектора заканчиваются, если кто-то показал под присягой, что видел меня мёртвым. И в права вступил бы мой наследник. Или если бы три года истекли, и меня признали безвестно пропавшим, и тогда снова моё место занял бы наследник. Но я вернулся. Что теперь? Вы, как глава Совета, лучше других должны знать.

Темплтон нахмурился, подумал и поклонился.

— Полномочия леди-протектора истекли с вашим возвращением. Прошу прощения, лорд Роберт.

— Значит, леди Аррен больше не может входить в Совет? — продолжал он допытываться. — Она не глава дома, и уже не протектор. Я прав?

— Да, милорд...

— И не имеет права голоса?

— Да, милорд.

Талли старался не смотреть на Лизу. Она опустила голову и прикрыла глаза, а её лежащие на столешнице ладони сжались в кулаки. Роберт и раньше не терпел чужого противления, но сегодня в стремлении утвердить своё право поступать по собственному разумению был особо суров с матерью.

— Значит, ваше решение единогласное?

— Точно так, милорд.

— И...? — Он уже не скрывал того, что злится.

Сир Саймонд вопросительно глянул на сидящих за столом, но те тоже были в растерянности.

— Я не понимаю вас, лорд Роберт.

— Не кажется ли вам и уважаемым членам Совета, что сир Бринден достоин награды за свою службу? — фыркнул он и, не дожидаясь ответа, махнул рукой: — Можете не утруждаться. Я сам этим займусь. А сейчас просто хочу поблагодарить его, и сказать, что лучшего парламентаря вы выбрать и не могли.

Талли поклонился и снова встал справа от трона.

После короткого обмена мнениями Совет сделал первый выпад. Эту честь снова доверили Саймонду Темплтону.

— Мы согласны, что сир Бринден не мог иначе вызволить вас, милорд, — сказал он. — Однако считаем, что вы не обязаны соглашаться на столь унижительный брак! Вы не можете жениться на этой... этой девушке.

Поединок начался.

— Не могу, говорите? — еле слышно процедил Роберт, вцепившись в подлокотники трона, но потом всё же не удержался и выругался так длинно и грязно, что Талли крикнул, а невозмутимое лицо стоящего с другой стороны Пейна озадаченно вытянулось.

— Вы что-то сказали, лорд Роберт? — Леди Аня приложила ладонь к уху.

— Я спросил, почему, миледи, — лучезарно улыбнулся тот. — Почему же я не обязан?

— Вас вынудили, мой мальчик. Обстоятельства были сильнее. Так бывает. Но сейчас, когда вы в безопасности, нужда отпала... Эту милую девушку можно отправить обратно со всем уважением, оказав ей почести, одарив подарками...

— Да, я знаю. Сир Бринден мне уже об этом говорил.

— Вот как?

— Да. Я же сказал, что лучшего парламентёра вы и придумать не могли... Но я отверг его предложение, как отвергаю и ваше.

— Почему же, милорд? — сир Илис, пожилой рыцарь дома Уэйнвудов и дядя леди Аньи, впервые вступил в разговор.

— Данное в нужде слово нередко забирают обратно, сир Илис. После того, как нужда отпадала. Робб Старк обещал жениться на дочери лорда Фрея, и тот дал ему армию, открыл дорогу на юг... но Робб не сдержал обещания... Чем всё кончилось, думаю, никому не надо напоминать? — Роберт обвёл взглядом собрание.

— Красная Свадьба... Красная Свадьба... — пронеслось по залу.

— Старый Фрей поступил жестоко. Но за глупость нужно платить! И Старки заплатили! Надеюсь, оставшихся в живых это чему-то научит...

— Вы опасаетесь, милорд, что Обгорелые будут вам мстить? Но это же не Фрей, у которых замок, доброе оружие и тысячи хорошо обученных воинов... это просто жалкие дикари с гор... — презрительно воскликнул наследник дома Уэйнвудов.

— Которые похитили лорда Долины у вас из-под носа, сир Мортон! И если они смогли повернуть это один раз, кто поручится, что не повторят? Что когда-нибудь они не похитят и не убьют моего сына?!

— Вас будут охранять, Роберт, — с убеждением сказала леди Уэйнвуд.

— Меня охраняли, если вы помните, леди Анья. Вы хотите, чтобы я всю жизнь дрожал от страха и ходил с оглядкой? Я буду ездить на охоту, приезжать к вам в гости, гулять по городу... и ждать, что из-за любого угла или дерева пущенная горцем стрела оборвёт мою жизнь? Жизнь моей матери, моей жены и моих детей?! Мне такое не по нутру, миледи, но боюсь я не этого... Меня страшит другое...

Роберт остановился, оглядел по очереди всех сидящих за столом, вдоль стен, стоящих позади лавок и в углах. Он больше не улыбался, уголки его губ скорбно опустились вниз, а голос вибрировал от искреннего негодования.

— Вы, благородные лорды и рыцари, предлагаете мне нарушить моё слово, — медленно и обвиняюще сказал он. — Робб Старк нарушил своё, но кого это удивило? Его отец привёз в Винтерфелл бастарда, оскорбил свою жену и унизил наследника, опозорил себя и свой дом... Чего можно было ожидать от сына такого отца?! — Презрительная усмешка искривила губы Роберта. — Но есть ли в Семи Королевствах и за его пределами человек, который может назвать бесчестным хотя бы один поступок Джона Аррена? И вы предлагаете мне, его сыну, опорочить его память, запятнать девиз нашего дома! Вы — его друзья, советники, соратники по битвам и верные знаменосцы! Вот это меня страшит... Как я могу доверять вам после таких советов?

Из памяти Талли вряд ли когда-нибудь выветрится то безмерное потрясение, которое он испытал после выволочки, что устроил ему юный родственник в их первую встречу в горах. Потому сейчас прекрасно понимал чувства собравшихся в Большом чертоге людей. Они помнили капризного и болезненного мальчишку, своевольного и дурно воспитанного. И совершенно не знали сидящего перед ними чужака, лишь внешне похожего на возмужавшего

Роберта Аррена. Талли с иронией наблюдал, как ожидаемо озадаченно переглянулись Ройсы, как Эдмунд Брейкстоун ошалело вытаращился, мейстер Леран одобрительно прищурился, поглаживая свою мейстерскую цепь, Юстас Хантер в растерянности раззявил рот, а во взгляде Терранса Линдерли вспыхнули восторг и обожание.

Но безусому юнцу, пусть Семеро и дали ему немного хлебнуть дерьма из кубка жизни, сложно бодаться с закалёнными воинами. Их замешательство длилось недолго — Совет выдвинул вперёд тяжёлую кавалерию. Ради этого сир Илис Уэйнвуд, один из старейшин Совета и самых уважаемых рыцарей страны, даже поднялся со своего кресла. Поднялся с трудом, но его голос звучал уверенно.

— Можете, милорд, можете со спокойным сердцем, — ответил он. — Вы молоды, и ваши юношеские порывы достойны восхищения. Но поверьте старому боевому коню... военная хитрость не запятнает девиз Арренов и не опорочит память лорда Джона. Мы воюем с горцами уже много лет, и нет бесчестья в том, чтобы перехитрить их. Не стоит пугать невинную девушку темницей... тут леди Аррен немного погорячилась... Но и жениться на ней вам никак нельзя. Ведь быть лордом Долины — это не только привилегия, но и великая ответственность! Перед Долиной и её жителями! Ваш брак должен быть выгоден родному краю!

Члены Совета согласно закивали, но Роберт упрямо мотнул головой и насупился.

— Я не вижу большой выгоды, если Долина заключит брак с Простором или Штормовыми землями, с Железными островами или Дорном... А с Винтерфеллом нас и так связывают узы родства. Если им нужна будет помощь, Долина откликнется. И я уверен, что и они не забудут, что в их жилах течёт кровь Талли, если вдруг мы позовём. Лишь брак с королевой Серсеей может быть нам полезен. Но выгоду с него должны иметь обе стороны... а какой ей прок от меня, когда Долина и так подвластна Железному Трону?

— Ну, если вы всенепременно хотите жениться на девушке из родного края, то почему бы не выбрать кого-то другого? — проворчал Годрик Боррелл. — Мой дом кишит девками как шелудивый пёс блохами... У меня столько дочерей и внучек, что я уже со счёта сбился... Куда прикажете их девать? А тут вдруг какая-то выскочка с гор скатилась!

— Моей жене будут нужны подруги, лорд Боррелл, — сказал Роберт. — Вы окажете нам честь, если пришлёте парочку, подходящих Грай по возрасту. И привозите их всех на нашу свадьбу, там будет много славных холостых парней и рыцарей в расцвете лет! Но жениться мне на ком-то из девиц Боррелл было бы расточительством... при всём моём уважении, милорд... — Он поклонился и пояснил, усмехнувшись: — Вы же не грабите мои рудники, и нам с вами не нужно мириться...

— С горцами вам тоже не нужно мириться! — Сир Лин снова стукнул кулаком. — Корбреи с самого начала были против переговоров. Нужно было сразу действовать с позиции силы! Показать этим палёным ублюдкам, кто хозяин в Долине!

— Так почему же вы не показали, сир?

— Чего?

— Я спрашиваю, какого драконьего хера я томился в плену два года, раз вы знали такое простое решение? — внезапно рявкнул Роберт, только что приязненно шутивший с Борреллом. — Каждый день я всматривался в просветы между деревьями, надеясь увидеть своих воинов... которые спасут меня, и превратят всё вокруг в кровавое месиво... Два года, сир! Чем вы были заняты так сильно... чтоб Неведомый вас за это натянул... прелестями своего оруженосца?! И теперь вы смеете мне говорить, что были против переговоров?

Всё же Роберт не сдержался и вспылал, но Талли считал, что это к лучшему — такие, как Лин Корбрей, иной тон считали уделом слабаков. Заносчивый и безжалостный, средний из братьев Корбреев славился не только своим мастерством мечника, но и непомерной гордыней. Уязвлённый хлёткой, издевательской отповедью, он от неожиданности растерялся и заозирался по сторонам. На помощь ему пришёл рыцарь Чаячьей башни Дамон Шетт.

— Мы ни на день не прекращали ваших поисков, милорд, — поднял он выпавший из руки собрата меч. — Мы отправляли людей в горы, прочёсывали дороги и самые дальние поселения. Галеи рыскали вдоль берегов и заходили на все острова. Даже когда мы узнали, кто именно вас похитил, легче стало ненамного... горы слишком велики, милорд...

Сир Лин перевёл дух и снова был готов ринуться в бой.

— Но сейчас-то мы можем найти их! — победно крикнул он. — Найти их поганое логово и вырезать всех до единого! Вы ведь знаете дорогу, милорд! — Он облизнул губы и осклабился: — Так покажите нам! И мы превратим там всё в кровавое месиво, как вы мечтали...

— Правильно! Превратим с радостью, милорд! — поддержал его Оливер Сандерленд.

— Спалим всё к драконьим херам, раз они так любят огонь! — присоединился кто-то из зала.

Роберт покачал головой.

— Мы не можем на них напасть, — сказал он. — Я заключил с Обгорелыми мир.

— Они принесли вам клятву верности?

— Нет. Это я им принёс...

Лишь Оливер Сандерленд и Годрик Боррелл не дрогнули и остались невозмутимыми — они знали, что увидят, когда Роберт поднялся и начал отстёгивать плащ. На Совет он пришёл в светло-сером дублете и лёгком укороченном плаще, оставив и кошачью шкуру, и араках в комнате Грай под охраной Бриенны. Подрик поймал на лету плащ, принял в ладонь заколку-брошь, помог снять дублет.

Роберт раздевался неспешно, внимательно всматриваясь в удивлённые, пышущие негодованием после его признания лица. И чем больше видел на них недоверия, пренебрежения, а где-то и презрения, тем шире и насмешливей улыбался. Сняв через голову рубашку, он спустился по ступенькам к столу и опёрся на него ладонями, позволяя рассмотреть вблизи глубокий тиснёный ожог от клейма на своей груди.

Джон Ройс нахмурился, Ролланд Лонгторп подался вперёд, Эдмунд Ваксли передёрнул покатыми плечами. Застыл, раскрыв рот, Терранс Линдерли. Гаррольд Хардинг оторопело уставился, молодой Утер Шетт задрожал. По Большому чертогу прокатилось дружное: «Аахх!» Леди Анья обхватила дряблые щёки ладонями, Лиза закричала.

— Они тебя пытали?! — насилу выдавила она из себя.

— Не в тот раз, матушка, — беззаботно ответил Роберт, и Лиза снова сдавленно вскрикнула. А он оглядел своих людей и заговорил напористо, с убеждением, заглядывая в глаза каждому: — Обгорелые приняли меня в своё племя. Приняли не за заслуги моего отца, не потому, что мой дом великий и могущественный, что мои предки были королями, а я лорд Долины. А потому что я заслужил это право! Как я могу их предать?! За всю историю горцы не приняли в свою семью ни одного мужчину-долинца. Они похищают наших женщин, чтобы получить приток свежей крови и иметь здоровое потомство. Но им нужна лишь кровь, а не семя. Потому всех мужчин они убивают. Они готовы воевать за любого, кто

им заплатит. Кроме жителей Долины. Они не раз служили за золото Железному Трону. Но никогда не служили нам. Нас они ненавидят! И убивают...

— Но почему они не убили вас, Роберт? — удивлённо воскликнула леди Уэйнвуд.

Он благодарно кивнул за своевременный вопрос.

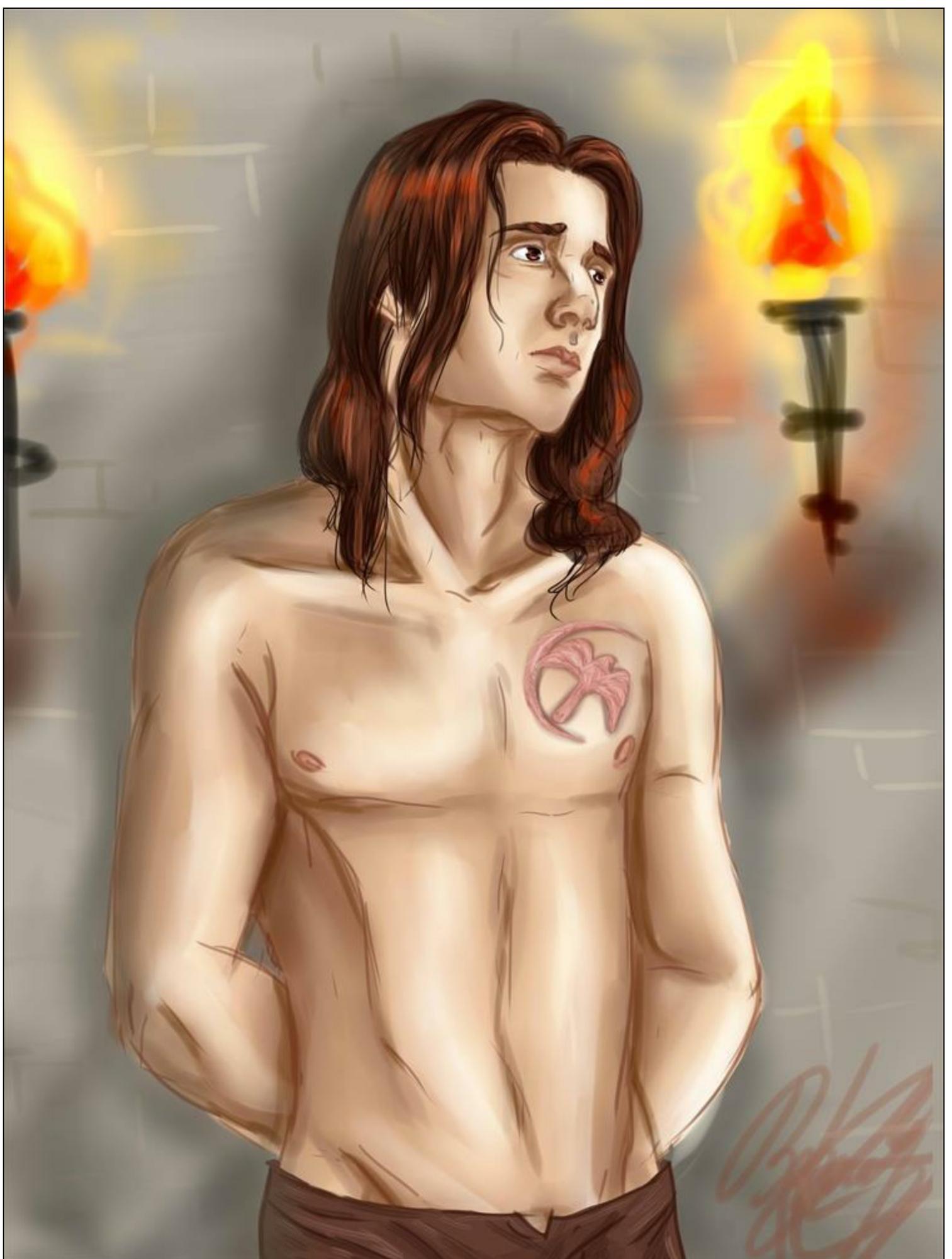
— Потому что мне повезло — у дочери вождя племени оказалось доброе сердце.

Роберт посмотрел на дальний край стола, где сидели самые зрелые воины, и чьё слово имело наибольший вес — Белмор, Ройсы, Илис Уэйнвуд, Гилвуд Хантер, Утор Толлетт, Хортон Редфорт. Убедился, что они его внимательно слушают и перевёл взгляд на мать.

— Грай тайком носила мне еду, пока Трёхпалый Тиметт решал, достаточно ли рудников закрыли Аррены, чтобы убить меня быстро, или стоит проучить их, отсылая меня по частям по разным замкам...

Ему пришлось прерваться, потому что Лиза снова истошно закричала.

— Только благодаря этой девушке я не умер с голода, матушка! И только благодаря ей я вообще остался жив. Она уговорила своего отца не убивать меня.

Художник: Виктор Орешников.

Роберт обошёл стол и приблизился к сидящим и стоящим у стен. Он медленно шагал вдоль, давая возможность рассмотреть свой шрам, наблюдая, как меняются лица, и восклицал с тем же напором:

— Вы правда думаете, что если я покажу дорогу к поселению, то мы легко и просто одолеем их?! Да добрую часть нашего войска они выкосят ещё на подходе! Их дозорные караулят все подступы, сообщения об угрозе передаются сигнальным дымом мгновенно. Я ходил в караул и знаю, о чём говорю! Их лучники перестреляют нас, как куропаток — с деревьев и из-за камней. А для остальных после спуска к ущелью устроят горный обвал. Но те, кто всё же доберётся, придут на голый пустырь. Горцы просто уйдут, покинут насиженное место, забрав с собой всё, что смогут унести. Они забьются глубже в горы, построят новый лагерь. И если до этого они тревожили нас время от времени, то тогда объявят нам войну в полную силу. По нашим дорогам станет невозможно ездить, мы не сможем ходить на охоту, наш скот будут травить, а крестьян вырезать, как свиней. Всё, чего мы добьёмся таким походом, это погубим своих людей и развяжем войну. И ваш лорд станет клятвопреступником!

Роберт сам налил немного вина в кубок и медленно выпил, давая себе передышку, а своим оппонентам время осознать услышанное, и проникнуться им.

— Но в нашей власти не допустить этого, — уже спокойнее сказал он. — Мы можем сделать и больше — мы можем начать жить в мире!

— Мы никогда не будем жить с горцами в мире, — сказал Джон Линдерли. — Слишком много обид у нас друг на друга. Как можно забыть своих убитых родных и друзей? Как это можно простить?

— Горцы убивали и Арренов, милорд, — сказал Роберт. — И там, в горах, я никогда не забывал, кто я и откуда. Когда Обгорелые взяли меня на захват обоза, я не убил ни одного стражника. Потому что это были мои люди! Но я не мог помешать Обгорелым убивать вас. Теперь могу! — Роберт ткнул себя пальцем в грудь. — Это знак того, что я Обгорелый. И ещё это символ дома моих предков. Сокол и Полумесяц навсегда выжжены огнём на моём сердце! Я могу помешать вам убивать друг друга! Ведь теперь и вы, и они — моя семья!

— Но почему ты должен жертвовать собой?! — взмолилась Лиза.

— Потому что другого пути нет. Потому что я лорд Долины. Потому что кто-то должен это сделать. Почему не я? — Он снова обратился к Линдерли: — Мы не забудем погибших, милорд. Мы будем чтить их память. И строить новую жизнь вместе. Я знаю, вы думаете, это невозможно... Но нужно лишь захотеть... и найти что-то такое, что нас объединит.

Роберт подал знак, и Пейн принёс ему рубашку и дублет. Одеваясь, он продолжал:

— Далеко на севере живут дикие племена — великаны, Рогоногие, людоеды, Тенны... Они веками воевали друг с другом. Но нашёлся человек, который смог заставить их забыть о вражде. На это ушёл не один год, но он смог их объединить. У них появился общий враг, и они поняли, что поодиночке не выстоят. У дикарей хватило ума понять, что для них выгоднее!

— А нам нечего понимать, у нас с горцами нет общих врагов! Они — единственные наши враги! — раздражённо воскликнул правитель Трёх Сестёр. Его слова тут же одобрили выкриками и согласным гудением, хотя поддержка уже не была такой единодушной, как в начале заседания. — У нас не может быть с ними одинаковых интересов!

— Вы уверены, лорд Сандерленд?

— Не могу говорить за других, но скажу за себя — у меня не может быть с этими вырожденками ничего общего! Они убили одного моего сына, а другого покалечили. Я знаю, лорд Роберт, что это вы спасли Рейлона, не выдали им его...

— А он спас меня. Ведь это он сказал, где меня искать. Так что мы квиты.

— Но только он остался без руки!

— Вы меня обвиняете в этом?!

— Нет, лорд Роберт. Я говорю лишь, что мне с горцами не по пути!

— Знаете, что сломило упрямство вождя Обгорелых? Какой довод стал решающим и убедил его согласиться на наш с Грай брак? — Роберт, уже полностью одетый, вернулся к столу, небрежными щелчками расправляя кружева манжет. — Возможность, что его внук может стать Королём Гор и Долины.

— Несбыточная мечта! — фыркнул кто-то в толпе.

— Может, и так, — согласился Роберт. — Но разве это недостойная мечта? И такая уж она несбыточная? Что мешает нам стать независимым королевством?! У нас есть для этого всё — богатые рудники, скот и жирная земля, хорошо вооружённая армия, море с трёх сторон и леса для строительства собственных кораблей. Нам нужно только навести порядок в своём доме и обеспечить мир. А потом мы вместе с горцами сделаем Долину процветающей! И теперь весь вопрос в том, хотите ли вы сами этого?! Вы, лорд Тристон, хотите или нет? А вы, сир Лин? — Роберт вновь не стоял на месте, подходил к вопрошаемому и смотрел ему в глаза: — Лорд Джон Ройс? Лорд Нестор Ройс? Сир Темплтон? Сир Хардинг? Лорд Графтон? Лорд Редфорт? Сир Уэйнвуд? Леди Уэйнвуд? Сир Ваксли? Леди Аррен? Неужели вы никогда не мечтали о сильной, богатой и независимой Долине?!

Он остановился в центре и в упор посмотрел на Илиса Уэйнвуда.

— Вы рассказывали мне о выгоде брака и моих обязанностях перед Долиной, сир. А я говорил вам, что не могу поступиться своей честью. Так вот, союз с дочерью вождя самого сильного клана Лунных гор удовлетворит и ваши требования, и моё желание: этот брак непременно принесёт Долине пользу, и мне не придётся нарушать своё слово, данное Обгорелым. Этот брак — единственный из всех мыслимых — не поставит меня перед выбором между долгом и честью. Согласны ли вы дать мне возможность исполнить свой долг, и сделать это с честью?

Члены Совета в замешательстве переглядывались, но никто не спешил отвечать на столь коварно сформулированный вопрос. Остальные тоже озадаченно чесали в затылке, и лишь мастер Леран не скрывал своей ироничной и одобрительной улыбки. Затянувшееся безмолвие нарушила Лиза Аррен.

— Ты любишь её, сын?

Она спросила это просто — без вызова, без подвоха и обиды, и даже без удивления. Задала вопрос спокойно, ласково, словно они с Робертом беседовали где-нибудь приватно в совершенном одиночестве. Может быть, поэтому и он ответил так же просто:

— Да.

— Тогда нечего больше и обсуждать! — решительно заявила Лиза и поднялась. — Никто не может запретить лорду Долины поступать так, как он решил!

Кто-нибудь обязательно бы это сказал. Талли ставил на Темплтона. Роберт же предполагал, что это будет Джон Ройс, и оказался прав — Бронзовый Джон, один из самых уважаемых жителей Долины, сам того не ведая объявил о начале финальной части поединка.

— Боюсь, что такие всё же найдутся, миледи, — сказал он.

Глава 15. Роберт делает полдела и устаёт

В душе Лизы царили спокойствие и безмятежность — пелена спала с её глаз, под ногами вновь ощущалась твёрдая земля. Теперь она знала, как ей жить дальше.

Получив долгожданную весточку от своего посланника, леди-протектор словно лишилась рассудка. Много месяцев она с ледяным спокойствием принимала разумные решения, приводила в спорах здравые доводы, прислушиваясь при этом к чужому мнению и советам. Лорды и рыцари Долины с почтением относились к безутешному горю матери, отдавая должное стойкости её духа. Но когда до приезда Роберта остались считанные дни, всё сдерживаемое напряжение вдруг прорвалось наружу, вся усталость, страх, отчаяние навалились на Лизу, придавили, словно замшелые валуны с Лунных гор, не позволив ей трезво осмыслить неожиданное известие.

«Миледи, — писал Талли, — лорд Роберт в Стылых Водах. Вместе со своей невестой, дочерью вождя Обгорелых. Милорд в добром здравии, и с нетерпением ожидает встречи с вами». Деликатность формулировки, отсутствие хоть каких-то пояснений — как дочь горца вдруг оказалась невестой лорда Долины — породили массу самых невероятных домыслов и повергли Лизу в ярость, заставив буквально визжать от ненависти.

Сейчас, когда сын уже был под защитой своих воинов, она могла дать волю так долго сдерживаемым чувствам и желаниям. И дала — потребовала от Темплтона заверений, что Обгорелая не поднимется на борт и не попадёт в Чайный город, что Рыцарь Девяти Звёзд самолично снесёт той голову, освободив бедного мальчика от позорной обузы. Насилу Совету удалось убедить Лизу дожидаться корабля, сначала укрыть Роберта за толстыми стенами, заперев наглухо городские ворота и двери замка, и только потом решать, как поступить с незваной гостьей.

Никто не верил, что Роберт по своей воле мог согласиться на этот брак, и, оберегая материнские чувства, не обсуждал вслух, каким образом Обгорелым удалось принудить его пойти на сделку. Но и без пустопорожних пересудов жуткие картины пыток и насилия над сыном не давали Лизе спать по ночам, преследуя её и при свете солнца. И на пристани она с трудом удержалась, чтобы не вцепиться мерзавке в волосы сразу.

Лиза приготовилась увидеть чумазую, нечёсаную, свирепую бабищу в грязных шкурах, с гнилыми зубами и зловонным дыханием. И нисколько не смягчилась, когда Грай сошла на пристань, и страхи не оправдались. Напротив, пристойный наряд и кроткий вид ничуть не звероподобной девушки всколыхнули в душе Лизы такую болотную мусть, такую волну злобы, которую она сама от себя не ожидала. Последней каплей стал лицемерный реверанс Грай. Обгорелые хорошо натаскали своего зверька, но явно недооценили Лизу Аррен. Её не провести ни богатым платьем, ни милой мордашкой, ни почтительным поклоном! Им её не облапошить! Она с удовольствием собственноручно затолкала бы Грай в темницу. Но ей не позволили...

И Лиза злилась на всех вокруг. На Бриенну Тарт, эту неблагодарную белобрысую дылду, которую она приютила в Орлином Гнезде, а та вдруг встала на сторону дикарки, зачем-то спустившейся со своих заснеженных гор. На выжившего из ума дядюшку Бриндена, не придумавшего ничего лучше, чем продать Роберта горцам, словно бушель овса. Злилась на Ройсов и Графтонов, оказавшихся рядом и ставших свидетелями её унижения, когда невинный, доверчивый Роберт, одуроченный гнусными проходимцами, предпочёл матери

Обгорелую девчонку, возомнившую себя леди. До дрожи в коленях ненавидела Анью Уэйнвуд, которая обращалась к Роберту «мой мальчик», тогда как сама Лиза робела его так называть.

Она вообще с опаской взирала на сына. Её милого Роберта — хрупкого и ранимого, которого хотелось защитить, укрыть от жестокого мира — больше не было. Лиза не знала этого высокого юношу в длинном меховом плаще, со странным кривым мечом на поясе, уверенно отдающего приказы, смотрящего на всех — и даже на неё, свою мать! — надменным жёстким взглядом, так напоминающим ей леденящий душу взгляд старого Хостера. Выбор Роберта на пристани ошеломил её, выбил почву из-под ног, и с той минуты всё вокруг казалось ей окутано мглой. Может быть, поэтому, когда сын встал на защиту Бриндена Талли, удар был для неё уже не таким болезненным.

Лиза с трудом воспринимала нового Роберта, настойчиво гнувшего свою линию, ловко приводящего словно заранее заготовленные доводы. Только когда он разделся, выставив на всеобщее обозрение чудовищный ожог, она очнулась, будто это ей сейчас приложили раскалённое железо к груди. Только тогда она перестала видеть перед собой лишь своего маленького мальчика, по которому лила слёзы долгие два года. «Согласны ли вы дать мне возможность исполнить свой долг, и сделать это с честью?» — спросил Роберт у Совета, и Лиза едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Ни Хостер Талли, ни Петир Бейлиш, ни даже многоумный Джон Аррен не смогли бы так мастерски загнать в угол столь искушённых оппонентов. Что бы те сейчас ни ответили, всё будет им в урон.

Но почему Роберт не ухватился за возможность избавиться от навязанного бремени, когда весь Совет единодушно поддержал эту идею? А вместо этого последовательно и яростно отметал все возражения, отстаивая своё право на этот брак. Неужели только потому, что не желал нарушать данное слово? И когда на вопрос «Ты её любишь?» он ответил «Да», всё для Лизы встало на свои места. Всё сделалось понятным и ясным, словно утреннее небо, озарённое первыми лучами солнца. В её душе воцарился мир — она теперь знала, что ей делать дальше. По какому-то странному капризу любимый сын хотел заполучить себе эту смазливую горную козу. Значит, он её получит.

Возражение Джона Ройса застало Лизу врасплох. Весь Совет тот просидел молча, почти не участвуя в словесных баталиях, и под конец, когда, казалось бы, Роберт уже достиг желаемого, вдруг заявил, что есть силы, способные этому помешать. Лиза с удовольствием вцепилась бы Джону в волосы и вырвала пару клоков побольше. Но Роберт кивнул строптивому вассалу, предлагая продолжать, да ещё и благосклонно улыбнулся при этом.

— Нет нужды повторять, что Ройсы всегда были верными знаменосцами Арренов, но я всё же повторю, — сказал лорд Ройс. — Моя верность вашему дому непоколебима, милорд. Я приносил клятву Джону Аррену, и всегда гордился, что служил ему. И всё, что я сегодня увидел и услышал, лишь укрепило мою решимость. Я хочу, чтобы вы знали — какое бы решение вы сегодня ни приняли, в трудный час Орлиное Гнездо может опереться на Рунный Камень. Он с вами навсегда...

Роберт церемонно поклонился, зорко следя за остальными. И видел, как словам Бронзового Джона без раздумий кивнул лорд Линдерли, как озадаченно приподнял брови Белмор и переглянулись Мелколм и старый Илшем. Утор Толлетт хотел что-то сказать, но Саймонд Темплтон поднял ладонь, призывая к молчанию.

— Я вижу, что к сегодняшнему разговору вы подготовились основательно, советники ваши на славу постарались, — продолжил Ройс. — Они всё предусмотрели, но одного не

учли... Их вины в этом нет — законы, в которых давно не было нужды, забываются, а Джон Аррен женился слишком давно. — В лице Ройса читалось сочувствие. — Получить одобрение и поддержку Совета лордов Долины недостаточно, милорд. Есть сила выше Совета, которая не позволит вам жениться на пришлой девушке. Королева Серсея... — Он снова прервался, помолчал и спросил напрямик: — Или вы хотите пойти против Железного трона?

— Не вижу причин, лорд Ройс. Зачем мне идти против трона? — Роберт беспечно пожал плечами.

— Вы говорили о независимости Долины.

— Это случится не сегодня. И даже не завтра. Для этого нам нужно хорошенько потрудиться...

— Тогда сейчас вы будете обязаны исполнить волю её величества. А она никогда не даст согласия на ваш брак. Будь вы простым лордом, могли бы сами выбрать себе жену. Но избранницу лорда Долины должен одобрить Железный трон. Как когда-то одобрил леди Лизу Талли для вашего отца. В этот же раз на согласие можно не надеяться. Все знают, сколь ревностно Серсея Ланнистер относится к величию больших домов Вестероса. Она не позволит вам заключить брак с дочерью вождя горцев и посягнуть на достоинство рода Арренов...

Лиза охнула и с жалостью посмотрела на сына. При всём желании преподнести ему Грай на золотом блюде она не могла не признать правоту Ройса. Однако Роберт не выглядел огорчённым.

— А заключить брак с внучкой Илиса Уэйнвуда её величество мне позволит? — небрежно спросил он. Его глаза наивно распахнулись, в голосе сквозило неподдельное мальчишеское любопытство: — Как думаете, лорд Ройс?

«Из него получился бы неплохой лицедей... если б не родился лордом...» — Крамольная мысль мелькнула в голове Бриндена Талли шустрой сойкой и тут же пропала. Не был бы он готов к тому, что скажет Роберт, то безоговорочно поверил и в искренность его любопытства, и в наивное недоумение.

А тот уже перестал паясничать и заговорил серьёзно, с напором:

— Дом Уэйнвудов один из самых могущественных в Долине, а о мужестве и ратной доблести сира Илиса известно далеко за её пределами. Разве его родная кровь — дочь одной из леди Уэйнвуд — может умалить величие дома Арренов... хотелось бы мне знать, милорд?!

Талли постарался вернуть лицу бесстрастное выражение, благо никто внимания на него не обращал — собрание гудело, словно полчища болотного гнуса. Лиза недоверчиво, почти со страхом, смотрела на сына во все глаза. Аня Уэйнвуд открывала рот, собираясь что-то сказать, но ей словно не хватало воздуха от возмущения, и она опять его закрывала, пока наконец, рассерженная до предела, не выдавила:

— О какой внучке вы говорите, Роберт?

— Всё о той же, миледи, всё о той же... — Он снова благожелательно улыбался. — Её зовут Грай, если вы вдруг запомнили.

Леди Аня развернулась к сирю Илису, негодующим взглядом призывая его обуздать распоясавшегося мальчишку. Старый воин с трудом поднялся с места.

— Нехорошо это, милорд... нехорошо насмехаться... — сказал он с упрёком. Его голос дрожал от обиды.

Улыбка сошла с лица Роберта так же быстро, как появилась. Глаза зло прищурились, а подбородок надменно вздёрнулся.

— Я и не думал, сир! — осадил его Роберт и чуть наклонил голову.

Резкий, почти грубый тон, внезапно раздувшиеся в гневе ноздри вкупе с нарочито небрежным поклоном разом утихомирили самых дерзких и резвых говорунов — в Большом чертоге стало тихо, словно в септе.

— Много лет назад Обгорелые похитили одну из ваших дочерей, сир Илис, — то ли объявил, то ли спросил Роберт всё тем же ледяным тоном.

— И не было ни единого дня, чтобы мы не оплакивали с Алис нашу девочку... — прошептал тот в полном смятении.

— Её похитили, когда она ехала к Бракенам на свою свадьбу. Под знамёнами Уэйнвудов и своего жениха.

— Да, милорд... Наша Дженни... она была такой доброй... такой ласковой... Она стала бы хорошей женой своему мужу. Но эти негодяи напали на обоз, убили всех... всех убили, милорд... а тело Дженни мы не нашли. Наверное, её убили где-то в другом месте... — В голосе уже слышались слёзы. — И не было дня, чтобы мы не оплакивали её... истинно так, милорд... Нехорошо шутить над бедным стариком, лорд Роберт... нехорошо это.

— Обгорелые не убивали вашу дочь, сир. Горцы не убивают девушек! Крадут, но не убивают... В Долине это всем известно!

— Ох, нет, милорд! — Сир Илис замахал руками, отгораживаясь от того, чего не хотел ни знать, ни слышать. Слёзы уже пролились на дряблые щёки, из горла рвались стоны: — Все знают, зачем дикари крадут девушек... Они тешат свою звериную похоть с бедняжками. Им всё равно, милорд, крестьянка то глупая или дочь благородных родителей! — Он достал из рукава большой полотняной платок, высморкался и вытер лицо. Затем с испугом взглянул на Роберта и упрямо пробормотал: — Лучше бы она умерла... лучше бы умерла в тот самый день... бедное наше дитя. Чем такие муки... и такой позор...

— Но в тот день она не умерла! — не менее упрямо возразил Роберт. — И забавой для Обгорелых не стала! На ней женился один славный воин. Взял её в жёны со всем уважением, по законам клана. Тиметт, сын Торбена из рода Таргариенов, перед лицом богов стал мужем леди Джейн Уэйнвуд!

Большой чертог безмолвствовал. Сир Илис комкал платок подрагивающими пальцами, его подбородок ещё трясся. Леди Аня растерянно поглядывала то на такую же растерянную Лизу, то на невозмутимого Бриндена Талли.

— Тиметт уже больше двадцати лет вождь Обгорелых. После своего отца он по праву занял это место. И нет в Лунных горах более хитрого, отважного и мудрого правителя, — продолжил Роберт. — Он любил вашу дочь, сир, заботился о ней и никогда не обижал. Долгие годы леди Джейн была женой вождя самого грозного клана горцев. — Уэйнвуд вскинулся, и Роберт на миг скорбно склонил голову: — Несколько лет назад миледи умерла от зимней лихорадки. Умерла, окружённая почётом и уважением. Подарив мужу двоих детей...

Талли сделал знак, и Подрик спустился к Роберту, чтобы налить и поднести ему чашу с вином — от долгих разговоров у того уже немного осип голос. Время давно перевалило за полночь, и мальчишки-слуги проворно сновали между потных спин, перешагивая через мечи и вытянутые ноги, меняли оплывшие свечи и наполняли опустевшие кувшины.

Осушив чашу и немного отдышавшись, Роберт заговорил вновь:

— Тиметт-Красная Рука — первенец леди Джейн, гордость отца и всего племени, их военный командир! Лучший охотник и лучший воин! Придёт время, сир, и он превзойдёт своего отца, затмит его славу. Потому что в его жилах не только пыл и горячность таргариеновской крови, но и выдержка и холодная рассудочность благородной крови Уэйнвудов!

«Это брат моей невесты Тиметт», — сказал Роберт, представляя того Бриенне, и не добавил ничего более. Сейчас же он подробно перечислял все заслуги младшего Тиметта, расхваливая на разные лады, словно торговец свой товар на рынке, его храбрость и отвагу, меткость и силу, при этом обходя молчанием его кровожадность, свирепость и звериную жестокость. Если верить Роберту, то выходило, что в битве на Зеленом Зубце уцелевшие воины принесённого в жертву левого фланга были обязаны своей жизнью исключительно одному Тиметту-Красной Руке. И разве удивительно, что после сражения сам десница короля взял к себе телохранителем не кого-нибудь, а именно его? Тирион Ланнистер известен своим умом, и он оценил Тиметта, как смелого и искусного бойца. Благодаря чему Обгорелые вернулись в горы с честно заработанной кучей золота. И кому какое дело, что до этого в игорном притоне Королевской Гавани Тиметт голыми руками разорвал горло сыну виноторговца за то, что тот жульничал, а по дороге домой горцы грабили обозы мирных селян, убивали и насиловали? Это, право, такая мелочь...

Не стал Роберт упоминать и о диком в своей бесчеловечности ритуале посвящения в мужчины, в результате которого Тиметт собственноручно лишился глаза. Зато краткий эпизод, когда он вступился за Бриенну после стычки с Хагеном, превратился в красочный рассказ о присутствии молодому воину врождённом благородстве и чувстве справедливости.

— Если мы хотим сделать Долину богатой и независимой, без помощи горцев нам не обойтись, — подвёл Роберт разговор туда, куда планировал заранее. — И лишь один человек способен для этого объединить горные кланы. Это Тиметт-Красная Рука! — Он глянул на Уэйнвуда и теперь уже поклонился ему ниже, с уважением: — Вашего внука ждёт великое будущее, сир.

Не дав никому ни времени опомниться, ни возможности недовольно запротестовать или даже задать вопрос, Роберт продолжил, уже с трудом переводя дыхание:

— Но Грай не такая, сир Илис. Ей не по силам повести за собой воинов, потому что она сама не воин и не боец. И в своей жизни не убила ни одного человека. От матери ей достались не только глаза и волосы истинного андала, но и кроткий нрав и доброе сердце настоящей леди. Ваша дочь, сир, никогда не рассказывала Грай о вас и о жизни в Долине, но воспитала её в традициях отчего дома, которые и в горах не забыла. Она обучила её грамоте и рукоделию, привила скромность и уважение к старшим. Грай чиста помыслами и целомудренна телом, послушна, и почитает отца и брата... И если вы ей позволите, сир, то и вас она будет почитать и любить не меньше.

Сир Илис уже снова сидел в своём кресле, время от времени промакивая вспотевший лоб, и замороженно слушал, но Роберт сделал вид, словно прерывает готовый сорваться с его губ протест:

— Вам нет нужды беспокоиться о приданом! Старший Тиметт дал мне щедрые дары за свою дочь.

И снова он не скупился на краски и детальное описание искусно сделанных серебряных столовых приборов с черенками из оленьего рога, ящичков, полных золотых драконов и разноцветных лунных камней, огромного покрывала из дюжины шкур сумеречного кота,

белоснежного свадебного плаща из меха ласки, рогов гигантского лося, покрытых затейливой резьбой. Роберт даже приблизительно не знал, насколько на самом деле щедрыми были подарки вождя, а поинтересоваться у сира Бриндена не удосужился. Однако судил по реакции людей в Большом чертоге — по мере перечисления лица вытягивались всё сильнее, рты приоткрывались, а брови налезали на лоб. Даже Лиза не могла скрыть своего удивления.

— Ваше право принять Грай в свою семью, сир Илис. Или не принять, — сказал Роберт. — Но я повторю то, что сказал в начале Совета своей матушке. Грай спасла мне жизнь. И каким бы ни было ваше решение, я никогда этого не забуду. Горцы суровый народ, но Грай настоящая Уэйнвуд! От вашей дочери она унаследовала милосердие и сострадательность, и только благодаря этому я стою сегодня перед вами. И я клянусь своей честью, сир, Аррены никогда не забудут, чем обязаны Уэйнвудам!

Удар достиг цели. Талли видел это и по расслабленной позе и смущённо-довольной улыбке сира Илиса, и по вмиг порозовевшим морщинистым щекам леди Аньи. Её губы ещё были скептически поджаты, но глаза уже победно поблёскивали — иметь в должниках самого лорда Долины и лестно, и выгодно.

«Если узнаешь, чего хочет человек, то поймёшь, как им управлять», — сказал Роберту Петир Бейлиш много лет назад. И когда Роберт спросил у своего верного советника, чего могут хотеть Уэйнвуды, как склонить их на свою сторону, тот ответил: «Они спесивы и тщеславны. Сюда и бейте, милорд». И он бил.

И в этой битве одержал победу. Полдела сделано.

* * *

— Гаррольд, побежали! Побежали быстрее! — Грай без всякой почтительности теребила за рукав на полторы головы возвышающегося над ней молодого рыцаря, притоптывая на месте от нетерпения. Она уже хорошо считала, знала основные правила этикета, как вести хозяйство, умела за столом пользоваться ножом. Но ей никак не удавалось обуздать свою природную живость и ходить чинно, как того требовала септа — она постоянно бегала вприпрыжку, даже по лестницам. А сир Хардинг над ней добродушно посмеивался.

Её жизнь изменилась в одночасье. Казалось, вот только она сошла на пристань, только сжалась в страхе от свиста обнажаемой стали и почти простилась с жизнью, и вот у неё уже слуги, септа, собственная подруга и огромная семья — дедушка, тётушки, куча кузин и кузенов, среди которых даже есть самый настоящий рыцарь.

В ночь после приезда Грай не сомкнула глаз от беспокойства. Роберт был натянут, как тетива, и неразговорчив, поцеловал её в лоб, пообещал, что всё будет хорошо, и ушёл, напомнив Бриенне уже в дверях, чтобы они крепко-накрепко заперлись и никуда не выходили.

Время тянулось медленно, и Грай извелась от неизвестности и ожидания, меряя шагами комнату от стены к стене. Несколько раз она просила свою охранницу сходить и узнать, как у Роберта дела, но та была неумолима.

— Милорд рассказывал нам с сиром Бринденом, как вы заступились за него перед вождём и спасли от смерти. Теперь он делает то же самое для вас, — увещевала её

Бриенна. — Потерпите. Он всех их одолеет и придёт.

— Ах, Бриенна, — Грай уже сидела на полу и гладила Сумрака, — я так виновата перед Робертом... Я ведь подумала, что он и правда меня в темницу кинет. На коротенький миг, на один только миг я в нём усомнилась. Я должна попросить прощения. Прямо сейчас должна... — И она кидалась к двери, но Бриенна в очередной раз ловила её и отправляла назад, гладить кота.

— Если вы и вправду хотите извиниться перед милордом, то просто доверяйте ему. И никогда больше не сомневайтесь в том, что он делает. — Бриенна помолчала и через какое-то время пробормотала нехотя: — Роберт сам виноват, ему тоже стоило вам довериться... Леди Лиза хорошая, но нрав у неё крутой. И очень уж она настрадалась, пока Роберта не было...

Так они и сумерничали втроём, потревожив тяжёлый засов только раз, когда им принесли ужин и дополнительные свечи. И спросили, не нужно ли чего.

— Не нужно, — сказала Бриенна и бесцеремонно вытолкала девушку-прислугу за дверь. И только тогда убрала меч в ножны.

Роберт пришёл глубокой ночью — осипший, с воспалёнными глазами, шатаясь от усталости. На их расспросы, всё ли хорошо, молча кивнул, забрал кота, аракх и плащ. И снова ушёл, так ничего и не пояснив.

— Я столько сегодня говорил, — прохрипел он в ответ на умоляющий взгляд Грай, — что теперь буду молчать до самой свадьбы. Ложитесь спать, леди. Всё завтра...

А завтра начались чудеса. С первыми лучами солнца к ним пришёл Чёрная Рыба — быстро и чётко сообщил самое главное, и наказал быть готовыми к приёму гостей. Ошалевшая от новостей Грай безропотно позволила курносой служанке себя раздеть и усадить в большую лохань с тёплой водой, которую притащили расторопные слуги, вымыть и расчесать волосы, и нарядить в красивое платье.

— Ты совсем не удивилась про Уэйнвудов. Ты всё знала про них? — спросила она Бриенну, дожёвывая третью булочку с малиновым джемом. — Ну, что они...

— Да, миледи. Ваш отец перед отъездом всё рассказал Роберту, а Тиметт потом ещё кое-что добавил... А Роберт потом нам...

Они едва успели позавтракать, когда пришли Илис и Аня Уэйнвуды.

Грай знала, что леди Аня глава дома, поэтому её реверанс был особо глубоким и почтительным — она присела и замерла, не смея поднять глаз.

— Ну что ты, дитя, встань, — сказала старая леди, ласково взяв её за руки.

Затем уселась в кресло и благожелательно, но подробно и детально стала расспрашивать новоиспечённую родственницу о матери, о жизни в горах, просила почитать ей, внимательно рассматривала вышивку, которую Грай начала ещё в Стылых Водах для свадебной рубашки Роберта. И в целом казалась удовлетворённой. Сир Илис тоже слушал и смотрел, но на вышивку даже не глянул — его больше заинтересовали рисунки. Над одним, где Грай нарисовала мать по памяти, в длинном платье и с причёской как у настоящей леди, он долго плакал, приговаривая, что «бедная Дженни, как живая». А перед уходом попросил называть его дедушкой.

Каждый день Грай ждали новые сюрпризы и новые дела. Септа Ксантия учила её счёту, ведению хозяйства и манерам. И теперь она уже знала, что за один золотой дракон дают больше двухсот серебряных оленей, хорошего скакуна можно купить за девять-десять драконов, а приданое в триста драконов — это очень-очень много. После обеда приходил

учитель танцев, а после него покои заполняли белошвейки и портнихи, чтобы продолжить шить свадебное платье — измеряли, закалывали булавки, намётывали и подрезали, — а Грай два часа стояла на табурете и не смела пошевелиться.

Ей очень нравилось ходить на городской рынок в сопровождении большой толпы, которая называлась свитой. По правую руку неспешно вышагивал сир Хардинг — теперь он вместе с Утером Шеттом и Харланом Хантером охранял её взамен Бриенны. По левую руку опираясь на клюку, семенила септа, зорко следя, чтобы молодые люди вели себя прилично. Гелла Боррелл, внучка лорда Годрика, срочно прибывшая с Милой Сестры специально, чтобы стать подружкой Грай, сама с любопытством кидалась от прилавка к прилавку, за что получала от септы тычки клюкой пониже спины.

Но больше всего Грай радовало, что многие приближённые Роберта перестали на неё зло коситься. И когда она как-то повстречала во дворе замка сира Темплтона, то заметила, что его крючковатый нос не такой уж и страшный, а голубые глаза могут быть приветливыми.

Роберта Грай почти не видела. Он пропадал где-то целыми днями, уезжая из города то на неделю, а то и на две. Иногда неожиданно появлялся в её покоях, но пока она обрадованно отбегала к комоду, чтобы принести бювар с очередным рисунком или новый миниатюрный кинжал «специально для леди», который ей подарил Гаррольд, Роберт уже спал прямо в кресле, положив на пуфик ноги в грязных сапогах. Тогда Грай закрывала окна, чтобы шум со двора ему не мешал, а септа выходила из комнаты на цыпочках и предупреждала стражников у двери, чтобы никого не пускали, потому как «милорд умаялся и почивает».

Но порой он приходил полный сил, проводил с ней весь день, развлекая рассказами о том, как они после свадьбы поедут в Орлиное Гнездо, и как она там в библиотеке будет разрисовывать книги своими картинками. Один раз Роберт вдруг прервал себя на полуслове, схватил её в объятия, прижал к себе крепко-крепко и зарылся лицом в волосы, шепча:

— Всё будет хорошо, любимая... Вот увидишь, всё будет хорошо.

Грай это очень напугало, потому что шептал он с таким неистовством, с таким упрямством, что она не могла понять, кого он пытается убедить — её или себя. И она спросила с тревогой:

— О чём ты, Роберт?

Но он не ответил на вопрос, лишь отклонился, чтобы увидеть её глаза, взял её лицо в ладони и снова прошептал с отчаянием:

— Я должен это сделать, Грай. Иначе они так и не поверят в меня...

— Что сделать, Роберт? — Ей было страшно.

— Я выжил в горах... Горцы приняли меня. Но этого мало. Этого мало, Грай... Они всё равно сомневаются...

— Кто, Роберт? — Ей хотелось плакать.

— Все. Сандерленды, Темплтон, Бронзовый Джон... твой дед... и даже моя матушка... Они не верят в меня. А я устал, Грай. Знала бы ты, как я устал... Но я должен это сделать. Ты понимаешь, любимая?

Она ничего не понимала, но кивнула твёрдо:

— Да, Роберт. — Ведь Бриенна сказала доверять ему.

Желая хоть как-то отвлечь жениха от горестных дум, в один из таких дней Грай улучила момент, чтобы подразнить его.

— Ты меня обманул, Роберт, — грозно нахмурилась она, но не удержалась и хихикнула. — Сказал, что ваши леди только и делают, что развлекаются. И не приносят никакой пользы. Но это неправда... Ох, Роберт, они столько должны уметь! Я всегда думала, что женщины Долины криворукие бездельницы... Но они трудятся не меньше мужчин! Им нужно знать, сколько в замке запасов зерна, и сколько бочек вина и масла, и нужно ли закупать дополнительно яблоки и сливы, чтобы наделать варенье. И следить, чтобы всего было в достатке. И чтобы слуги не крали и не ленились. А уж если скоро зима... или война... то тогда забот ещё больше... Ты знал, что твоя матушка сама ведёт учётные книги, чтобы знать доходы и расходы Орлиного Гнезда?

— Ммм... нет... А зачем?

— Что ты, Роберт, это же очень важно! Если не вести учёт, то можно... — Грай заглянула в свои записи и прочитала по складам: — О-банк-ро-тить-ся. Это значит, разориться. Или, по-другому... — она снова сверилась с конспектом: — Вылететь в трубу!

— Чего?! — Роберт округлил глаза. — Это септа тебе такое сказала?

— Про обанкротиться да, а про трубу мне мейстер Леран рассказал. Знаешь, что это значит? Что если не будешь считать свои деньги, то твои мечты купить доброго коня или новые доспехи улетят словно дым из камина прямо в печную трубу... Ещё он рассказывал, что леди Лиза сама много лет управляла вашими рудниками... ну, это где вы дыры в горах копаете, а мой отец от этого злится... Так что, мой любимый Роберт, ты великий обманщик! Заманил меня сюда, наобещав, что я буду тут только волосы расчёсывать. Но септа и мейстер рассказали мне всю правду! — Грай расхохоталась, когда Роберт поднял её в воздух и закружил по комнате, смеясь вместе с ней. А потом упал на кровать.

— Да, я такой, — сказал он задиристо и начал её целовать, бормоча: — В пекло и мейстера... и твою септу...

— А ты знаешь, что такое пекло? — спросила она в перерывах между поцелуями, с трудом переводя дыхание.

— Никогда не думал об этом. А ты что, и это теперь знаешь?

— Угу. Я спросила у мейстера Лерана.

— И что он сказал?

— Сказал, что далеко на юге, в Дорнийской пустыне, есть такое место, называется Пекло. Там умерла королева Рейнис Таргариен. Это очень-очень далеко... Поэтому если какой-то человек сильно надоел и хотят от него отвязаться, то посылают туда — в Пекло.

— Тебе весело, Грай? — спросил он, с беспокойством заглядывая ей в глаза.

— Мне плохо, когда ты не рядом, Роберт, — честно ответила она.

Леди Уэйнвуд отбыла домой — собственные дела призывали её в родовое гнездо, — клятвенно заверив, что обязательно вернётся к свадьбе. Она настойчиво приглашала Грай с собой, обещая познакомить со своими дочерьми и внучками. Но Роберт воспротивился, сказав, что не сможет без невесты так долго, да и платье к торжеству ещё не готово. И в свою очередь заверил, что по дороге в Орлиное Гнездо они обязательно заедут в Железную Дубраву погостить.

Несколько раз к Грай заходила Лиза, в основном, чтобы спросить, чем так сильно занят Роберт, что свадьбу уже второй раз откладывают на целый месяц. Грай искренне отвечала, что не знает, но Лиза, похоже, ей не верила.

— Войска Арренов встали лагерем в трёх лигах от города, — как-то сказала она с упреком, но Грай только недоумённо взглянула на Бриенну и пожалала плечами.

— Милорд хотел сделать своей невесте сюрприз, — пояснила та. — В день бракосочетания показать ей свою армию.

— Говорят, что Редфорты и Бронзовый Джон тоже ведут своих воинов к городу?

— Конечно, миледи... Свадьба лорда Долины — важное событие. Да ещё и такой большой турнир! Городской стражи недостаточно, и милорд беспокоится о безопасности. Ведь придёт посланник самой королевы. А народ на турнир потянется со всей страны... а сколько черни, мошенников и всяких пройдох... и не сосчитать...

О турнире говорили все. Желающих принять участие оказалось так много, что в первый день поединки планировались до самой темноты. Но Грай больше волновал второй день, где будет всего одна схватка — сир Гаррольд Хардинг против лорда Роберта Аррена.

— Ох, нет, Бриенна! А вдруг Роберт убьёт Гаррольда? — вскричала она, когда Бриенна первый раз рассказала ей об этом. Нерассуждающая вера в силы жениха вызвала на лице Бриенны улыбку, и Грай тут же великодушно добавила: — Ну, или Гаррольд ранит Роберта... всё-таки он рыцарь...

— Они не убьют друг друга, миледи, — твёрдо сказала Бриенна. — Ведь бой будет ненастоящий. Это старая традиция Долины. Когда девушку здесь отдают замуж, за неё сражаются. Против жениха встаёт самый близкий родственник невесты. Обычно брат или отец. Иногда дядя или даже дед. Но сир Илис слишком стар, поэтому эта честь досталась вашему кузену. — Бриенна хитро прищурилась: — У семьи Уэйнвуд есть кое-что... вернее, кое-кто, кого Аррены очень хотят забрать себе и увезти в Орлиное Гнездо. Не переживайте, Грай. Лорд Роберт обязательно победит. Это больше красивый ритуал, чем поединок. Они с сиром Хардингом сойдутся на конях с копьями в руках. Роберт ткнёт его в щит или грудь, Гаррольд упадёт на коня и всё закончится. А сир Илис потом поведёт вас в септу, а там к алтарю. И милорд наконец-то накроет ваши плечи своим плащом.

— Но копьё может поранить Гаррольда... — Грай продолжали терзать нехорошие предчувствия.

— Нет, миледи. Турнирные копья только с виду грозные, но при ударе они ломаются.

— Гаррольд может расшибиться, если упадёт с лошади...

— Поверьте, миледи, Роберт не планирует лишить вас кузена... Никто никого не убьёт. Даю вам слово. — В голосе Бриенны звучала такая убеждённая уверенность, а голубые глаза лучились такой правдивостью, что в итоге Грай полностью успокоилась.

Если Лизу и леди Анью она побаивалась, а деда пока ещё стеснялась, то с Гаррольдом Хардингом ей с первого дня было легко. Очень уж он походил на Торстена — такой же огромный, неторопливый и малоразговорчивый. Изредка он подтрунивал над ней, говорил, что её нужно привязывать, иначе она обязательно куда-нибудь ускачет, никто и глазом моргнуть не успеет. В это солнечное утро, когда они прогуливались по рынку, Грай снова пыталась растормошить своего степенного кузена.

— Побежали, Гаррольд! Ну побежали же! — она потянула его за рукав, умоляюще глядя широко распахнутыми от восторга глазами, продолжая тараторить: — Тот лысый летнивец с серьгой в ухе обещал мне сегодня принести птичку из лунного камня с крылышками из настоящих перьев. И глазки-бусинки у неё... Гаррольд... ты представляешь?! Зелёные!

Сир Хардинг снисходительно улыбнулся.

— Нет никакой нужды спешить, милая кузина, — прогудел он. — Мы не спеша обойдём с тобой все лавки, и купим всё, что твоей душевненьке угодно. И даже больше, если захочешь...

— А вдруг кто-то другой купит мою птичку? Вдруг предложит старику больше цену, и он продаст?

— Не посмеет, — уверенно сказал он.

— Хотите, я с вами сбегаяю, миледи? — услужливо предложил свою помощь Утер Шетт. Его прыщавое лицо не покидала восхищённая улыбка.

— Я тебе сбегаяю! — тут же вступила в разговор септа, замахнувшись клюкой: — А вот я тебя палкой! Не посмотрю, что рыцарь, протяну вдоль спины, будешь знать... шалопай! Вы не слушайте его, голубка моя. Негоже молодой леди носиться по улице словно кура ошпаренная. Слушайте сира Гаррольда, он вас плохому не научит...

Однако когда они вернулись в замок, её способности быстро бегать оченьгодились. Во дворе стоял переполох — конюх и кузнец придавили оглоблей двери птичника, вокруг гудели судомойки и подмастерья. Увидев входящую в ворота толпу во главе с Грай, леди Оливия Графтон кинулась к ней:

— Миледи, помогите... Кот ваш дикий... в сарае сидит. Сбежал из вашей комнаты, носился по замку, перепугал всех слуг. Прачка у меня на сносях... так потуги раньше времени начались. А потом кошка этот оглашенный вниз улизнул, а потом... — леди Оливия скривилась, — забрался в птичник и передал все уток... и индюка... и мою лучшую несушку... — Она всхлипнула. — Мы его там заперли, душегуба, а что делать, не знаем...

— Нужно позвать Роберта! — Грай оглянулась в поисках, кого бы за ним послать. — Сумрак только его слушается...

— Милорд в своих покоях... Сказали, что он очень устал — ездил проверять, как арену для турнира строят. Спит теперь. Строго-настрога наказали не тревожить... Мы и не осмеливаемся.

— Я сама сбегаяю. — И без лишних разговоров рванула в замок, задрав юбки, опасаясь, как бы конюх не пустил в ход вилы, которые так воинственно держал в руках.

Она неслась по коридорам и вверх по лестнице, и стражники, стоявшие на её пути через каждые несколько ярдов, покорно перед ней отступали. В конце Грай улыбнулась карающему дверь Террансу Линдерли и толкнула спиной тяжёлый створ.

— Мне очень нужен Роберт, — шепнула она, проворной белкой прошмыгнув внутрь. Растерянный стражник даже не успел ничего ответить.

— Роберт, там... — Грай осеклась, оглядывая комнату жениха.

Помимо него вокруг большого дубового стола стояли Джаспер Редфорт, оба Ройса, Бриенна, мейстер Леран, Подрик и Саймонд Темплтон. Первым нашёлся Рыцарь Девяти Звёзд. Он быстро сдёрнул со стола какую-то схему и скатал её в трубку — Грай даже толком ничего не увидела, кроме мелькнувших разноцветных крестиков и красных стрелок — и поклонился:

— Миледи! Вы очень вовремя. Мы тут обсуждаем рыцарский турнир. Лорд Роберт хочет отобрать победителей первого дня и сделать из них личную гвардию на манер королевской. И назвать «Братство Крылатых Рыцарей». Красивое название, не правда ли? — И когда она послушно кивнула, продолжил: — Но мы никак не можем прийти к общему решению, сколько гвардейцев там должно быть — семь, как у королевы, или восемь?

— А как хочет Роберт?

— Милорд хочет восемь.

— Значит, я тоже думаю, что лучше восемь. — Грай отвела растерянный взгляд от Темплтона: — Роберт... там Сумрак... его могут убить...

Когда Роберт вернулся с сыто облизывающимся котом, Бриенна закончила рассказывать Грай о Королевской гвардии. Мужчины уже ушли.

— Что же нам делать с этим разбойником? — Грай с беспокойством осмотрела довольную кошачью морду — та была вся в крови и перьях. — Он стал уже такой большой.

— Думаю, нужно выпустить его в лес, — сказал Роберт, закрывая за Бриенной дверь. — После свадьбы я так и сделаю.

— Я уже не верю, что день нашей свадьбы когда-нибудь наступит... — Грай протянула к нему руки. — Ты всё время чем-то занят, я тебя совсем не вижу.

— Я хочу, чтобы всё прошло хорошо, любимая. Нам нужно многое подготовить... — Роберт прижал Грай к себе, поцеловал в волосы.

— Мне иногда кажется, что ты готовишься не к свадьбе, а к войне... Дата всё время отодвигается...

— Я написал в Королевскую Гавань несколько прошений к нашей свадьбе. Её величество пока раздумывает.

— Дедушка говорил, что меня должна одобрить королева. Думаешь, она может отказать?

— Нет, это прошение Серсея одобрила, недавно ворон принёс письмо. Позже посланник трона привезёт подписанные бумаги с королевской печатью... Но мне нужны и другие, и как раз над ними она всё ещё размышляет.

— А почему Серсея сама не приедет на нашу свадьбу?

— Королевские особы редко это делают, Грай. Обычно они посылают своего представителя.

— И кого пошлёт королева? Уже известно?

Роберт выпустил Грай из объятий и отодвинулся. Его лицо свела судорога, зубы скрипнули.

— Тириона Ланнистера. На свадьбу лорда Долины они не нашли никого лучше, чем мерзкий карлик...

Глава 16. Роберт язвит и придумывает

Большой чертог замка Графтонов был полон народа, но никто не смотрел на посланника королевы приветливо. Он оказался не таким уж и крохотным, как представлялось Грай после рассказов Тиммета. Прикинув на глазок рост гостя через разделявшие их несколько ярдов, она определила — он ей где-то по грудь. Хотя, наверное, брату как раз по пояс.

— Благодарю, лорд Аррен, что позволили мне ещё раз посетить Долину, ваш чудный край, — сказал Тирион Ланнистер и поклонился.

Роберта не смягчили ни его признательность, ни тёплые слова о родном крае, ни почтительный поклон. Ответил он надменно, с подчёркнутой холодностью:

— Благодарю, лорд Ланнистер, что признаёте за мной право распоряжаться в собственном доме.

Кто-то за спиной Грай фыркнул, стоящие сзади Тириона охранники насупились. Он сам чуть дёрнул уголком губ, но на язвительный ответ не откликнулся, а перевёл взгляд на неё — она продолжала с любопытством рассматривать невиданное чудо. Его кривые и короткие ноги, непомерно большая голова с выпуклым лбом и даже идущий через всё лицо уродливый шрам не казались ей страшными, и ни капельки не отталкивали. При всей своей надутой уверенности, великолепной одежде и неприветливо-грозных сопровождающих карлик выглядел несчастным и жалким.

— А вы, как я понимаю, и есть будущая леди Аррен, миледи? — сказал он, цепко осматривая её. — Я имел удовольствие быть знакомым с вашим братом... — Лёгкий поклон сопровождала ироничная улыбка: — Рад, что вы совсем на него не похожи!

Грай зачарованно смотрела в разноцветные глаза — один зелёный, другой чёрный.

— Вы тоже, милорд, совсем-совсем не похожи на свою сестрицу, — сказала она восторженно. За дружным хохотом её пояснения услышали лишь те, кто стоял совсем близко: — Я видела на городском рынке у одного торговца портрет её величества. Она... совсем другая...

Перекошенное шрамом лицо скривилось ещё сильнее, Тирион снова посмотрел на Роберта и кисло произнёс:

— Как же это прекрасно, когда будущие супруги столь единодушны во мнении... Вам повезло с невестой, милорд. Удачный выбор!

— Здесь я с вами, пожалуй, соглашусь. — Роберт смеялся вместе со всеми.

Невольная шутка юной леди Уэйнвуд передавалась из уст в уста, и женщины хихикали деликатно, в ладошки, мужчины же не сдерживались, гоготали во всё горло — Тириона Ланнистера здесь не любили. Грай уже осознала свою оплошность и покраснела от досады на глупые правила, которые запрещали людям в Долине говорить то, что они думали на самом деле. Она лихорадочно вспоминала темы для светской беседы. Нашлась быстро:

— Как чувствует себя королева Серсея? В добром ли она здравии?

— Понятия не имею, мы с ней не виделись очень давно, — отрезал уязвлённый посланник. — Она даже не подозревает, что я здесь. Вы, верно, не в курсе последних событий?

Он с видимым удовольствием ухмыльнулся, когда Роберт вмиг перестал смеяться и нахмурился, вопросительно взглянув на Талли. Остальные приоткрыли рты от изумления.

— Поэтому о её здоровье я ничего не знаю, — продолжил Тирион, насладившись моментом. — Знаю лишь, что наш брат, сир Джейме Ланнистер, посчитал невозможным оставить сестру одну в столице именно сейчас и уехать так далеко. Как-то он оказал мне неоценимую услугу. И эта поездка — меньшее, что я мог сделать для него.

— Кое-что доходит и сюда. Но в верительной грамоте ваше имя, лорд Тирион. — Талли развернул бумагу, которую только что принял из рук Роберта. Он ещё раз пробежал текст глазами. — Именно вы уполномочены передать все королевские разрешения. И подписано её величеством...

— Имя вписать несложно, сир. Особенно в уже подписанную бумагу. Кого ещё сир Джейме мог выбрать? Кто, по-вашему, может заменить Ланнистера? — Тирион развёл руками. — Полагаю, только другой Ланнистер. Пусть он и не вышел ни ростом, ни лицом...

— То есть посланником королевы должен был стать сир Джейме? — спросил Роберт с облегчением. Тирион понимающе хмыкнул и поклонился, и Роберт презрительно скривил губы: — И вы согласились поехать вместо него, зная, что вам здесь... мягко говоря... не рады? Какая глупость... и какая самонадеянность!

Лобастая голова склонилась набок, разноцветные глаза смотрели изучающе, с интересом.

— У меня много недостатков, милорд, но кем я никогда не был, так это глупцом. Неужели вы думаете, я тащился через всю страну, только чтобы выручить Джейме и досадить вам своим присутствием? Совместить приятное с долгом и службой это не глупость, лорд Роберт... — твёрдо произнёс Тирион, но затем улыбнулся почти искренне: — Можете не верить, но мне на самом деле приятно вновь побывать в Долине.

— О какой службе вы говорите, лорд Тирион? — Лиза Аррен тоже не скрывала, что ей крайне неприятен его визит.

— Я должен передать лорду Долины послание моей королевы.

Толпа взволнованно загудела, а Тирион поклонился Роберту ниже, но с невероятным достоинством. Потом распрямился и заговорил громко и торжественно:

— Дейнерис Бурерожденная из дома Таргариенов, законная королева андалов и Первых Людей, неопалимая, Матерь Драконов, кхалиси Великого травяного моря, Разрушительница Оков, законная наследница Железного Трона и защитница Семи Королевств — передаёт тебе, Роберт Аррен, законный лорд Долины и Хранитель Востока, свои поздравления по случаю грядущего бракосочетания. Вместе со свадебными подарками, разумеется...

— Хранитель Востока? — недоверчиво прищурился Роберт.

— Ах, да... чуть не забыл... — Тирион повернулся к одному из своих стражников, который держал в руках ларец, и тот откинул крышку. — Пока вы всё ещё верите в силу подписи Серсеи Ланнистер, то вот вам... — он подал свиток, перетянутый золотой лентой и скреплённый восковой печатью. — Ваше прошение удовлетворено. Вы снова Хранитель Востока, милорд. — Затем протянул следующий свиток: — Вам дозволено жениться на леди Грай Уэйнвуд. — И небрежно махнул ладонью: — Ну, и там остальные... Все эти бумаги я получил от сира Джейме, и спокойно мог бы сжечь. Но отдаю в ваши руки, милорд, в знак дружеского расположения к вам королевы Дейнерис. У меня есть точно такие же, но подписанные ею, как законной королевой. — Тирион достал из ларца в руках другого стражника свиток с алой лентой, показал его Роберту, и затем положил обратно. — Я уполномочен передать вам и другие бумаги от её величества. И надеюсь, вы найдёте время, чтобы обсудить их со мной. К моменту моего отъезда вам придётся выбрать, какой из этих

двух ларцов бросить в камин...

На лицо Роберта медленно напозла широкая улыбка. Он задумчиво кивнул, после чего повернул голову к Талли:

— Проводите нашего гостя в его покои, сир.

* * *

За право попасть в личную охрану лорда Долины пожелали биться шестьдесят четыре рыцаря со всех уголков королевства, а участвовать в общем турнире в честь его свадьбы в два раза больше. Заявки поступили не только от прославленных рыцарей, отпрысков знатных лордов и наследников малых домов, но и от вольных рыцарей и простых сквайров.

Вокруг Чаячьей башни выросло целое временное поселение. Десятки шатров — больших и не очень, богато украшенных и попроще — раскинулись рядами в небольшой ложбине, образуя подобие городских улиц. Состоятельные рыцари поставили отдельные шатры для себя, своих оруженосцев и прислужников, остальные были скромнее и решили проблему проживания в складчину. На шпильях развевались знамёна, у входов на стойках висели щиты и высились частоколом копья, а позади шатров в выстроенных специально для этого дня стойлах с навесами хрупали овёс лошади.

Турнирную арену соорудили в восьмистах ярдах от шатров, на огромной ровной поляне — с запада к ней подступал дремучий лес, с востока она заканчивалась обрывом в море. Для благородных лордов и леди, а также для зажиточных горожан возвели трибуны, оставив выходящую на лес сторону открытой — для черни. Там крепкое деревянное ограждение сделали в три раза ниже, но верхний край заострили, чтоб не вздумалось кому перелезть. Широкие ворота в северной части ограды охраняли стражники, зорко следя, чтобы внутрь не проскочили простолюдины.

Оружейники и расторопные торговцы с главного рынка Чаячьего города прикатили свои повозки и тележки с товарами, поставили палатки и открытые лавки. Доспехи и оружие соседствовали с бочонками с вином и элем, копчёными окороками и колбасами, крепкими башмаками и игрушками из дерева и стекла. В нескольких богато убранных павильонах леди с дочерьми и служанками могли посидеть на мягких подушках и освежиться стаканом прохладного летнего вина, а лорды и титулованные рыцари пропустить пару кружек крепкого эля. Для участников турнира напитки и угощения устроили в отдельной большой палатке почти у самого входа на арену. Чуть поодаль для них же кузнец раздувал меха походной кузни, а мелькающая в толпе мейстерская цепь давала понять, что где-то рядом есть и лекарская помощь.

Бринден Талли обвёл придирчивым взглядом ристалище и трибуны, обменялся кивками с двумя другими распорядителями ратного поля, и всё же решил ещё раз подъехать и проверить стоящих у западной стены стражников. Много раз он сам участвовал в рыцарских турнирах, но никогда не отвечал за их подготовку и не присматривал за соблюдением правил.

В центре восточной трибуны неспешно рассаживались самые важные гости — Роберт с невестой и матерью. Справа от них расположились мейстер Леран, Бриенна, Гелла Боррелл и септа Ксантия, слева Анья Уэйнвуд с дочерьми и Миранда Редфорт. На ряд ниже Подрик о чём-то увлечённо беседовал с коротконогим посланником не понять какой королевы. Рядом

уселись его телохранители. На южной трибуне, окружённый именитыми пожилыми рыцарями и знатными лордами, занял своё место главный распорядитель турнира — Илис Уэйнвуд.

Толпа простых горожан, крестьян и мастеровых шумела на открытой стороне, дралась за лучшие места у низкой ограды. Однако наверх никто не лез, опасаясь и остроконечных брёвен, и копий стражников, что стояли через каждые три ярда. Тёмная масса худородных зевак простиралась вверх по склону до самого леса. За ветки ближайших деревьев, усыпанных сидящими на них людьми, свары ещё не закончились.

Распорядители ратного поля — Бронзовый Джон Ройс и Рыцарь Девяти Звёзд Саймон Темплтон, верхом и в полном боевом вооружении — медленно объезжали ристалище, неусыпно следя за порядком. При их приближении мгновенно замолкала чернь, затихали споры спихивающих друг друга с лавок купцов и сквайров. Талли занял место у ворот, наблюдая за ожидающими снаружи участниками.

Зрители замерли, когда Илис Уэйнвуд поднялся с кресла и ударил в висящий за спиной гонг, объявив о начале турнира. После чего Темплтон подъехал к трибуне и протянул ему копьё. Сир Илис насадил на остриё свиток, который затем передали глашатаю. Утих малейший гомон, все внимательно слушали правила первого дня: «Из поданных заявок случайным образом будут отобраны восемь первых претендентов в личную гвардию лорда Аррена! Любой другой участник, подавший заявку, вправе выбрать себе противника из этой восьмёрки! Одолевший претендента занимает его место на южной стороне поля! Одержавший три победы подряд считается победителем и получает плащ и щит Братства Крылатых Рыцарей! Если претенденту не поступил вызов, это засчитывается ему как победа! Все гвардейцы Братства получают по восемь тысяч золотых драконов и полный боевой доспех! Участники, не попавшие в гвардию, позже могут попытаться счастья во всеобщей схватке! Победитель получит десять тысяч золотых драконов, коня и полный боевой доспех!»

Помогающий сире Илису рыцарь поставил перед ним сундук со свитками заявок. Старый воин вытащил наугад восемь и стал зачитывать имена, которые потом повторял глашатай во всю мощь своей глотки. Первые счастливики под приветственные крики толпы въехали в ворота, сделали круг, красуясь и гарцуя, после чего, следуя указаниям распорядителей, заняли места под южной трибуной.

После небольшого препирательства определилась вторая восьмёрка — эти рыцари тоже дали круг, демонстрируя зрителям свои доспехи и убранство лошадей, выбрали себе соперника прикосновением копья к щиту, а затем встали у северной стены. Сир Илис ударил в гонг, подав сигнал, и поле задрожало, когда всадники помчались друг на друга.

Первым серебристо-голубой плащ и бело-голубой щит с серебряными крыльями из рук главного распорядителя турнира получил Лин Корбрей. Въехав во второй восьмёрке на поле, он не стал тратить время и рисоваться перед публикой, обогнал сотоварищей и первым выбрал себе соперника — молодого Утера Шетта. А затем легко сшиб того с коня. Парень вылетел из седла словно камень из камнемета, и его унесли на щитах. В следующий раз сир Лин сошёлся с более опытным воином. Пожелавший биться с ним Бен Колдуотер и во втором заходе усидел в седле, но потерял стремя, и сир Илис отдал победу Корбрею. В третьем заезде он сшибся с Андаром Ройсом. Четыре захода оба копья разлетались в щепки, но всадники оставались верхом. Оруженосцы выбегали на поле и приносили им новые. В пятый заход противники снова встали на противоположных сторонах ристалища, и снова сшиблись на середине. Но в этот раз сир Лин ударил не в щит противника, а по шлему,

оправдав свою славу искусного и удачливого воина — наконецник скользнул по забралу, и один из зубцов зацепился за край смотровой щели. Ройса откинуло назад, шлем слетел с головы. И хоть сам всадник чудом удержался в седле, его конь присел на задние ноги, а потом и вовсе упал набок. Победа вновь досталась претенденту.

Особое удовольствие зрители получали, когда на ристалище сходились равные по силе и ловкости рыцари, и поединок не заканчивался с первой схватки. Наибольший восторг вызвал наследник лорда Трёх Сестёр. Сначала Оливер Сандерленд одержал победу над Джоном Редфортом в третьей сшибке, потом в четвёртой над Харланом Хантером, после чего семь раз встречался на середине поля с Гаррольдом Хардингом. И хоть в итоге всё же проиграл, толпа провожала его одобрительными возгласами.

Бринден Талли стоял на своём посту, бдительно оглядывая вверенную территорию. За воротами проигравшие расстроено гладили морды своих коней — им теперь предстояло отдать и их, и свои доспехи победителю. Троекратные победители, с покрытыми голубым плащом плечами толклись на краю арены, гордо сжимая в руках новенькие щиты и ожидая следующего «крылатого рыцаря». Претенденты защищали своё право на место в рядах Братства, а их соперники изо всех сил пытались его отнять — бойцы неслись навстречу друг другу и сталкивались на середине ристалища снова и снова. Падали, ломая руки и расшибая головы, и рычали от разочарования. Удерживались в седле и горланили от радости. Рёвом сотен глоток восторженных зрителей порой полностью заглушались конский топот и ржание, звуки ударов и падающих тел, хруст сломанных копий и стоны раненых. Солнце медленно уходило с зенита, а поединки всё продолжались. Изумрудная зелень поляны уже давно превратилась во взбитую копытами грязь.

Следующим после Лина Корбрея вожделенные регалии Братства взял Гаррольд Хардинг, сначала не без труда — лишь на седьмом заходе — одолев старшего из братьев Сандерлендов, затем среднего Апклиффа и напоследок Эндрю Толлетта. После победы он снял шлем и объехал арену по периметру, посылая любезные улыбки направо и налево, — и сердечки трепетали не только у юных дев и молодых вдовушек, но и у благородных замужних матрон. Сир Гаррольд был чудо как хорош!

Поначалу Робара Вайдмана зрители приняли не очень восторженно, уж очень неказисто он выглядел в своём скромном пластинчатом доспехе. И когда делал предварительный круг, потрясая копьём и вычурным щитом, удостоился лишь жидких выкриков простолюдинов. Для первого боя он выбрал только что занявшего заветное место претендента Терранса Линдерли, и мощным ударом в грудь вышиб его из седла, не оставив наследнику Змеиного Леса ни единого шанса выехать на поле снова. Встав у южной трибуны, Робар всем своим видом показывал, что теперь это право не уступит никому. Публика не сразу поняла, чему он так обрадовался, когда Крейтон Редфорт тронул его щит своим копьём.

Сидящий на трибуне лорд Хортон выругался и двинул кулаком по колену, после того, как и от его второго сына в этот день отвернулась удача. Он совсем потемнел лицом, видя, что отстоявший своё место Робар не просто красуется перед зрителями, а выставляет свой щит на всеобщее обозрение, ударяя по нему копьём. Когда-то основатель дома Вайдманов победил на турнире пять прославленных рыцарей из пяти благородных домов, и в их числе были Редфорты и Линдерли. И сегодня Робар напоминал всем, что на его фамильном щите не зря нарисованы замок и змея, и что он частично повторил успех своего далёкого предка. Ему хотелось большего, ведь ещё там было колесо Уэйнвудов, но те не откликнулись на его воинственный призыв. Этого претендента не удалось вытеснить и последнему сопернику —

рыцарю из дома Херси. Публика ликовала, приветствуя третьего члена Братства.

Многие потом говорили, что Седрику Игену, единственному сыну и наследнику погибшего сира Вардиса, в совсем юном возрасте ставшему главой дома, повезло. Достался бы ему чуть более умелый рыцарь, и не видать мальчишке серебряных крыльев. Для первого боя он мудро выбрал соперника своего возраста — младшего сына леди Уэйнвуд, зайку Уоллеса — и в повторной схватке одолел его. На второй поединок его вызвал грузный, с необъятным пузом Оссифер Липпс, явно переоценивший свои силы. Лишь по счастливой случайности тот не отправился к Семерым, когда Иген мастерским ударом направил своё копьё поверх щита ему в горло. Латный воротник спас жизнь сира Оссифера, но сам рыцарь пару недель после турнира не мог говорить. Финальная победа молодому Игену досталась в схватке с седьмым из братьев Сандерлендов — Бенедикт тоже решил выбрать себе соперника своих лет, но прогадал.

Лорд Тристон так сильно переживал неудачу своего дома на этом турнире, что загонял чаши туда-сюда, и к началу общей схватки громогласно храпел от горя. Из пяти принимавших участие в борьбе за бело-голубой щит сыновей в восьмёрке победителей оказался всего один — и это был не любимчик Оливер, а второй по старшинству Кайл.

Лаймонд Линдерли, Эдмунд Брейкстоун и брат лорда Длинного Лука Юстас Хантер блестяще завершили первую часть первого дня турнира, пополнив ряды Братства Крылатых Рыцарей.

Глашатай объявил перерыв, и народ хлынул с трибун, торопясь облегчиться прямо у ограды, и тут же вновь наполнить брюхо вином или элем у ближайшего прилавка. Грай и Гелла, на минутку заглянув в один из павильонов, под бдительным надзором септы бегали от лавки к лавке, рассматривая разношёрстный товар.

— Ах! — воскликнула Грай, увидев бродячих артистов. Она замерла на месте и захлопала в ладоши.

Молодой арлекин в пёстром трико жонглировал металлическими обручами, возвышаясь над гомонящей толпой на длинных ногах-ходулях. Бородатая женщина с необъятной грудью выдувала через трубочку мыльные пузыри, и они уносились ввысь, переливаясь всеми цветами радуги. Вокруг неё прыгали три карлика, пытаясь поймать пузыри. Развлекая зевак, они строили рожи и тузили друг друга.

— Веселитесь, леди? — Тирион Ланнистер криво ухмыльнулся, наблюдая за жадным любопытством Грай. Рядом застыли его охранники.

— О да, милорд! Я никогда так не веселилась! — призналась Гелла.

— Я тоже, — пробормотала Грай и опять залилась звонким смехом от очередной проделки артистов-недомерков.

— Вы не видели раньше карликов? — с иронией спросил Тирион.

— Нет... Никогда в жизни! — покачала Грай головой, не отрывая от них восторженного взгляда. — В горах ведь всех уродов давят сразу при рождении... — добавила она простодушно и с очередным возгласом «Ах!» метнулась к следующему прилавку.

Септа Ксантия, ворча, засемила следом. Гелла виновато присела в неглубоком реверансе и направилась за ними. Тирион проводил их тяжёлым взглядом.

— Ты только посмотри! — шептала Грай, вертя в руках деревянную куклу-рыцаря. Игрушечный воин был плечистый, в доспехе из крошечных стальных пластинок, с голубыми глазами-стёклышками и даже с волосами из наклеенной на голову бежевой пряжи. В одной

руке он держал длинное турнирное копьё, а в другой покрытый эмалью щит. Красные и белые ромбы не оставляли никаких сомнений, кого именно изображает кукла.

— Берите, юная леди! — видя её восхищение, стал уговаривать торговец. — Сир Хардинг был сегодня лучше всех! Одна монета, и он ваш!

— А у вас нет... — стоящая рядом Гелла потупилась, — у вас нет других воинов?

— Есть, милая леди. Кого бы вы желали?

— Линдерли... нет ли случайно у вас Линдерли?

— У меня есть всё! — гордо сказал торговец. Он достал коробку, погремел железками и отыскал маленький чёрный щит с нарисованными на нём зелёными закорючками, вероятно, должныими изображать змей. Затем снял с куклы красно-белый щит и прикрепил новый. — Вот вам ваш Линдерли! — радостно улыбнулся он щербатым ртом, протягивая Гелле перерождённого «сира Хардинга». — Вылитый сир Лаймонд!

— Но я хотела другого... который Терранс...

— Вот как? — Ушлый торговец не растерялся, взлохматил воину «волосы», придиричиво оценил свои усилия, остался доволен и опять протянул Гелле: — Вылитый Терранс Линдерли!

Девушки переглянулись и дружно расхохотались.

— Не хотите Линдерли, возьмите сира Гаррольда, — не отставал щербатый, вновь поменяв щиты. — Он ведь приглянулся вам, юная леди! И правильно! Он красавчик, каких поискать...

— Зачем леди деревянный сир Гаррольд, когда уже завтра она может заполучить настоящего?

Хохотушки разом обернулись. На них злыми разноцветными глазами смотрел Тирион Ланнистер.

— Что вы такое говорите, милорд? — растерянно спросила Грай.

— То, что завтра у Долины может появиться новый лорд.

— Я вас не понимаю... — Она попыталась улыбнуться, как учила септа, но ничего не вышло.

— Вы слышали, миледи, как сира Хардинга в этих местах называют Гарри-Наследник? Нет? А почему его так называют, хотите узнать? — Тириону не нужны были ни ответы, ни согласие. — Потому что, если вдруг что-то случится с лордом Робертом, его место займёт... кто? Правильно — Гаррольд Хардинг! — Он мстительно ухмыльнулся, видя, как её глаза расширяются от страха. — Интересно, он женится на вас? Хотя почему бы и нет... к свадьбе-то всё готово. Не пропадать же добру.

Грай глубоко вдохнула, как делала всегда перед выстрелом из лука, утихомиривая бьющееся сердце, и в недоумении покачала головой:

— Я не знаю, зачем вы это делаете... зачем говорите мне все эти ужасные вещи... Но Гаррольд не убьёт Роберта... он так не сделает!

— Вот как? Это почему? Из-за того, что бой ненастоящий? Что это такая традиция?

— Да... и это очень красивая традиция, м-милорд... — Она всё же не справилась, и голос задрожал.

— Помимо старых глупых традиций есть ещё честь. И гордость, — безжалостно отрезал её мучитель. — Вы знаете, что намеренный проигрыш — это недостойно рыцаря, миледи? А уж если противник богаче и выше по положению... — Он осуждающе поцокал языком. — Это позорное пятно останется на его репутации до конца времён...

— Это если из корысти или трусости! — отважилась вступить за подругу Гелла. — А сир Гаррольд проиграет, потому что это традиция! В этом нет позора! Это не уронит его чести!

— А вдруг он передумает, м? В самый последний момент... Вдруг он... случайно... слишком сильно ударит копьём Роберта?

— Нет! — твёрдо сказала Грай. — Бриенна обещала, что никто никого не убьёт! Она дала слово!

— Ну, искренность и честность леди Тарт не подлежат сомнению, — проворковал Тирион. — Она говорит то, во что верит... но вдруг она просто чего-то не знает? И думает, что говорит правду...

Над площадью разнёсся гул гонга — зрителей созывали занимать свои места. Тирион поклонился и не спеша направился к воротам. Настроение у него сильно улучшилось. Грай, дрожа как в лихорадке, ухватилась за руки Геллы и септы.

— Не зря его называют Бес! — сказала юная леди Боррелл, с яростью глядя в маленькую удаляющуюся спину.

— Вот бы ещё в моё время карлики рассуждали о рыцарской чести! — всплеснула руками септа. — Они только и годились, что быть шутами... а сейчас, смотри-ка, и лорды появились. Так, глядишь, и рыцари скоро будут... Тьфу, срамота!

Глашатай вновь получил свиток с правилами из рук главного распорядителя турнира через копьё сира Саймонда. И зачитал их во всеуслышание: «Все бьются против всех! Победителем считается последний удержавшийся в седле или устоявший на ногах воин! Воспрещается использовать боевое оружие! Мечи, топоры и секиры должны быть затуплены, копьё без острия, а булавы без шипов! Мечами можно рубить, но не колоть! Конный не может атаковать пешего! Воспрещается нападать на лежащего! Если воин не может подняться сам, его оруженосец вправе помочь ему покинуть арену! По звуку гонга все должны прекратить бой! Да победит сильнейший!»

Общие схватки всегда были опаснее одиночных поединков, поэтому организаторы турнира, посоветовавшись, решили всё же добавить в правила пункт о гонге. Если бой вдруг затянется и окажется слишком кровопролитным, сир Илис его остановит. Совсем избежать смертей не удастся, но и устилать арену сплошным покрывалом из мёртвых тел накануне свадьбы Роберта никто не хотел.

Бойцы стояли на поле — конные и пешие — и, внимая глашатаю, одновременно перемещались туда-сюда, присматривая себе и временных союзников, и первых противников. Именно этим общие схватки всегда и привлекали больше участников — до самого последнего момента турнира каждый мог выбрать себе соперника по силам. А дальше — как пожелают Семеро.

Отдельной группой выселись на конях четыре брата Сандерленда. Под Оливером гарцевала другая лошадь, и доспех был не такой роскошный. С этого воина сир Хардинг уже получил своё за победу. Бенедикт тоже рассчитался с Седриком Игеном, но, в отличие от старшего брата, второго комплекта не имел, поэтому сидел среди зрителей рядом с одноруким Рейлоном. Оба с тоской смотрели на поле и на братьев.

Выделялся из общей массы и Робар Вайдман, с хищной улыбкой поглядывающий на Роланда Уэйнвуда — внука леди Аньи. Уоллес не стал участвовать в общей битве, но сиру Робару и одного Уэйнвуда было достаточно, чтобы потешить своё тщеславие. Он показывал Роланду свой родовой щит и скалился в предвкушении.

Разномастная толпа волновалась, словно море. Богатые, с инкрустацией и чеканным рисунком наплечники и наручи одних воинов перемежались нагрудниками из варёной кожи и скромными открытыми шлемами других. Под одними стояли смиренно мощные боевые кони, под другими гарцевали изящные, тонконогие, но чуткие к командам жеребцы. Символы на одежде и щитах давали участникам понять, кто стоял перед ними: веер из серебряных стрел указывал на Хантеров, копейные наконечники на Муров, крылатая чаша на Херси, три белых свечи на Ваксли, чайки и золотые крылья на Шеттов, красная кувалда на Брейкстоунов, синий вилообразный крест на Колдуотеров. На поле даже был белый паучий краб Борреллов. Не имея ни одного сына, лорд Годрик купил согласие жениха одной из своих дочерей, и тот взял его имя — и сегодня отстаивал честь Волнолома с Милой Сестры.

Распорядители ратного поля заняли свои места, и сир Илис ударил в гонг.

Схватка началась далеко за полдень и продолжалась до самых сумерек. Талли, Ройс и Темплтон носились по периметру на взмыленных лошадях, следя за боем, указывая стражникам на участников, что нарушали правила, в глупой надежде, что в сгущающейся темноте и пылу сражения этого никто не заметит: кто-то колот мечом противнику в бок, кто-то на коне наезжал на пешего, кто-то продолжал охаживать булавой лежащего. Таких выволакивали с поля, чтобы потом призвать к ответу. За свои недостойные поступки нарушители расплачивались доспехами, оружием и добрым именем.

Бойцы создавали временные группы, бились с другой, столь же недолговечной, потом расходились в стороны, чтобы объединиться с кем-то ещё против недавних союзников. Скрещивались мечи и топоры, лязгали о нагрудники и шлемы. Секиры и булавы грохали по щитам, сминали наплечники. Рыцари падали, сражённые мастерством противника, сбитые с ног чьей-то мощью или сноровкой. Кони сшибались грудью, ржали, топтали упавших. Только что два воина сражались плечом к плечу, и вот они уже рубили друг друга мечами с тем же ожесточением. Кто-то пытался выбраться из толпы, иные лежали, не в силах подняться. И роскошные, и невзрачные доспехи покрылись вмятинами и грязью. И молодые, и изборождённые морщинами лица покрылись пылью и кровью.

Когда на поле остался лишь один стоящий на ногах воин, на ограде горели десятки факелов, а по четырём углам поля подожгли железные котлы со смолой. Талли даже не сразу узнал старшего Сандерленда за сплошной коркой из грязи и крови — своей и чужой. Лорда Тристана разбудили с большим трудом, вылив на него ведро воды.

Простолюдины расходились, громко обсуждая поединки и победителей. После получения наград победители, опьянённые успехом и первой чашей вина, пожаловали за ворота на пир. Для них и знати на кострах уже давно жарились туши кабанов и оленей, на телегах высились бочки с вином. Около павильонов поставили скамьи и длинные деревянные столы. Поварята бегали, спеша подать лордам и рыцарям блюда с мясом, печёной кукурузой, пряными травами, свежеспечённым хлебом и кислыми сливами. Лорд Годрик Боррелл, лишившийся в общей схватке зятя, заверял всё проспавшего лорда Тристана, чьего пятого сына Брайана затоптал насмерть конь, что это был славный бой.

Бринден Талли двинулся от праздничных столов к воротам, но кто-то из темноты потянул его за рукав. Грай смотрела на него несчастными глазами.

— Да, миледи?

— Скажи мне, Чёрная Рыба... — Она не отпускала рукав, теребила его пальцами. Её губы дрожали, а глаза подозрительно блестели в отблесках факелов. — А правда, если

Роберт умрёт, то лордом станет Гаррольд?

Талли нахмурился, но кивнул.

— Правда, миледи...

— Но Гаррольд ведь не убьёт Роберта из-за этого? Он не убьёт его завтра?

— Нет, миледи, — твёрдо сказал он. — Кто вам наговорил этих глупостей?

— Тирион Ланнистер.

— Скорее, я убью этого мерзкого зловязкого карлика... Никогда не обижал убогих, но для него сделаю исключение.

— Он сказал, что Гаррольд может будто бы случайно сильно ударить Роберта копьём...

— Никто никого не убьёт!

— Вот и Бриенна мне так сказала. И даже дала слово.

— Леди Бриенне можно верить, — снова твёрдо сказал он, — а вот карлику нет. Я расскажу вам, как всё будет. А вы обещайте, что не станете больше тревожиться. Хорошо?

— Да, сир.

— Гаррольд и Роберт поскачут друг навстречу другу, как сегодня рыцари. Но к середине поля сбавят скорость. Там поднимут копьё вверх и скрестят их. Потом Роберт наклонит своё копьё и придавит им к земле копьё Гаррольда. Это будет означать победу.

— Они не станут тыкать ими друг в друга, как рыцари сегодня?

— Нет, миледи. И сир Хардинг знает об этом. И ваш дедушка тоже знает, он одобрил.

— О, как же это хорошо, Чёрная Рыба! — Она обняла его, прижавшись щекой к широкой груди.

— Это Роберт придумал. — Он осторожно погладил её по голове. — Сказал, что сир Гаррольд добрый рыцарь, и не дело заставлять его падать на шею коня, словно какого-то лицедея.

— Ох, сир, Роберт самый умный и добрый на всём свете, правда?! Он всегда всё придумает!

— Правда, дитя. А теперь беги с миром. А то вон септа уже все глаза проглядела...

Пир продолжался. Все три распорядителя ратного поля сошлись у ворот для краткого совета. Мнение было единогласное — первый день турнира не принёс никаких неожиданностей. Всё шло по плану.

Глава 17. Роберт доделывает дела и сквернословит

Традиция и правда была очень красивая.

Из-за того, что сама «церемония преклонения дома Уэйнвудов перед домом Арренов», как уже прозвали в народе этот потешный турнир, занимала не слишком много времени, организаторы праздника постарались на славу, чтобы развлечь и знать, и простой люд. С самого утра публику забавляли жонглёры и арлекины с озорными обезьянками, смешили уроды-карлики, ставили свои представления кукольники. Менестрели всего за одну монету слагали песни на любой вкус — велеречивые баллады про храбрых рыцарей и прекрасных дев, или уморительные куплеты про простофилю-кузнеца, влюблённого во вдову булочника, к которой шастал по ночам молодой конюх. Живописец за те же деньги по мгновенному взгляду на указанную особу писал портрет или чиркал забавный рисунок.

В одной стороне шумно подбадривали петухов, что квохтали и бились на потеху зевакам. В другой шло состязание лучников, где главным призом была возможность сидеть на одной трибуне с невестой, пока жених «сражался» за право увезти её в Орлиное Гнездо. У ворот бродячий дудочник удивлял всех учёным медведем, который танцевал под незамысловатые трели. Вино и эль в этот день лились рекой — добрый лорд Роберт позаботился, чтобы его подданные могли пить задарма, сколько влезет, и славили щедрость своего господина.

Лорды были в великолепных камзолах и заколотых дорогими старинными аграфами плащах, рыцари в начищенных доспехах, купцы и сквайры в костюмах из лучшего сукна. Замужние леди, их дочери и служанки, знатные горожанки и богатые лавочницы — все в своих самых красивых нарядах — получили от улыбающихся цветочниц букетики лазоревых фиалок, перетянутых серебристой лентой. «Лорд Роберт и леди Грай желают вам счастья!» — говорили они, вручая цветы.

Плющ и еловые ветви увивали стены ристалища, гирлянды из роз оплетали рукояти факелов и древки трепещущих на ветру флагов. По периметру воткнули штандарты всех домов Долины, даже самых худородных и почти вымерших, сделав поле похожим на гигантскую торжественную залу. С бортика южной трибуны свисали полотнища двух знамён: сломанное колесо Уэйнвудов слева от кресла-трона главного распорядителя турнира, а справа белый сокол и полумесяц Арренов.

Несмотря на то, что предстоял не настоящий турнир, а, скорее, пышное торжество, устроители постарались по максимуму сохранить атмосферу реального рыцарского состязания. Стражники охраняли ворота и западную стену от черни, вооружённые и в доспехах Джон Ройс и Саймонд Темплтон степенно объезжали арену, присматривая, чтобы за места не возникало склок и ругани. Сир Илис горделиво восседал в своём кресле в окружении лордов и именитых рыцарей. И так же, как и накануне, он передал свиток с правилами сиру Саймонду, а тот глашатаю.

Бриндену Талли сегодня отводилась особая роль — в кольчуге и с мечом на боку он занял вчерашнее место Роберта на восточной трибуне между Грай и Лизой. Вокруг них расположились дочери и внучки лорда Годрика Боррелла, леди Аньи Уэйнвуд и Бронзового Джона Ройса. Чуть ниже уселись септа Ксантия, Миранда Редфорт, сама леди Анья и Тирион Ланнистер с охранниками. Юная невеста в честь праздника надела тёмно-зелёное, отороченное чёрным кружевом платье в цветах своего рода. Её шею закрывал воздушный

зелёный шарф с шёлковой вышивкой чёрного сломанного колеса.

Но никто в радиусе сотни лиг не выглядел в этот день так роскошно, как два всадника, неспешно въехавшие в ворота под звуки труб, барабанов и флейт. Зрители, с самого утра разгорячённые дармовыми напитками, распотешенные всевозможными забавами и дивно украшенным зелёною ратным полем, восторженно закричали, когда Роберт и Гаррольд появились перед их взорами.

Конь Гаррольда по белизне мог соперничать со снегом на вершинах Лунных гор. Ярко разукрашенная броня и сбруя была в красно-белых ромбах Хардингов. Так же, как и щит самого всадника, нагрудник его латного доспеха и даже копьё и ножны меча. Шлем с красно-белым плюмажем скрывал светлые волосы и голубые глаза Гаррольда, его орлиный нос и ямочки на щеках. Зрительницы с восторгом оглядывали статную фигуру, крепкие ноги и широкие плечи, укрытые плащом Братства Крылатых Рыцарей.

Лорд Долины ехал на великолепном серебристо-сером жеребце. Небесно-синий шёлк и атлас, лунные камни, светло-серая кожа и серебро, орнаменты из полумесяцев и соколов украшали скакуна и наездника. Лишь с золотой рукоятью аракх чуть выбивался из палитры их богатого убранства.

Всадники медленно объезжали арену, благожелательно кивая в ответ на приветственные крики толпы. Они ненадолго задержались у южной трибуны, чтобы раскланяться с главным распорядителем турнира, а потом двинулись к тому месту, где сидела невеста. Сир Гаррольд протянул ей копьё, и она повязала на край снятый с шеи шарф. По правилам сегодняшнего турнира Роберт должен наклонить и прижать к земле это копьё своим — с серебряным наконечником в виде головы сокола. И тогда колесо окажется под соколом, снизу. Так леди Грай Уэйнвуд при всех обязывалась быть покорной своему мужу и властелину.

Представители двух знатных родов Долины встали на противоположных краях поля. Сир Илис ударил в гонг, и пришпоренные лошади рванули вперёд. Толпа радостно взревела, подбадривая их криками. Одолев две третьих разделяющего их расстояния, всадники стали сбавлять ход. Когда между ними осталось не больше десяти ярдов, Роберт ударил пятками в бока своего коня, опустил руку с щитом вниз и разжал пальцы. Щит упал на землю. Роберт перекинул копьё в левую руку, и с плеча, без размаха, коротко и резко метнул его в приближающегося Гаррольда. Зрители ахнули, когда соколиная голова врезалась ему в лоб, и он сверзился с седла, потеряв свой великолепный шлем.

— Это неслыханно! — Леди Аня подскочила с лавки и в ярости оглянулась. — Это против всяких правил, сир! Какое неуважение рыцарских традиций! — с возмущением бросила она Талли.

Тот пожал плечами:

— Так он и не рыцарь. Он всего лишь законный лорд Долины.

Гаррольд уже поднялся, ошарашенный и сердитый. Краска гнева постепенно заливала его шею, поднимаясь к щекам. Падая, он удержал щит, но выронил копьё, и теперь сжимал и разжимал правый кулак, решая, что делать дальше.

— Это против правил, милорд! — повторил он слова своей родственницы. — Если бы это был настоящий турнир, я был бы вправе взяться за боевое оружие!

— И что вам мешает, сир? — насмешливо спросил Роберт, спрыгивая с коня. — Вас так раздуло от важности, что рука не дотягивается?

Гаррольд покраснел уже до самых волос и выхватил из ножен меч.

Грай вцепилась в руку Талли. Пальцы оцарапались о кольчугу, но она не почувствовала боли.

— Зачем, Чёрная Рыба? — прошептала она. — Зачем Роберт так сказал? Ведь Гаррольд хороший и добрый... но он такой вспыльчивый... Теперь он ни за что не остановится...

— На то и был расчёт, миледи.

От безжалостности ответа Грай сжалась. Она видела, с каким мастерством Роберт обращается с аракхом, и теперь боялась за Гаррольда. Не раз она наблюдала за тренировками Гаррольда, знала, какой он умелый мечник, и до тошноты боялась за Роберта. Но Бриенна обещала... Крохотная надежда, что всё было разыграно, что этот поединок лишь часть развлекательного представления, улетучилась, когда Грай увидела, с какой яростью её кузен набросился на её жениха.

— Щит, милорд! Поднимите свой щит! — крикнул кто-то с западной стороны.

Не отрывая взгляда от Гаррольда и его меча, Роберт указал аракхом туда, откуда раздался совет.

— Найдите этого человека! — скомандовал он стражникам. — Разыщите того, кому дорога жизнь его лорда! И отдайте ему моего коня!

— Нужно остановить бой! — Лиза вцепилась в другую руку сира Бриндена. — Гаррольд может поранить Роберта... или даже убить...

— Ройс и Темплтон не дадут остановить бой. Стражники никого не пустят на поле. — Он смотрел туда, не отрываясь. — Они не послушаются приказа Роберта.

Лиза сжала пальцы сильнее.

— Почему он хотя бы не возьмёт щит?

— Он будет мешать ему двигаться...

— Но на нём даже нет кольчуги... А Гаррольд весь в броне! Это глупо! — Лиза металась по лавке.

— Это тоже решение Роберта, милая.

— Ты же его советник, дядя! Он к тебе прислушивается! Сделай что-нибудь!

— Я сделал всё, что мог. Теперь слово за Робертом. — Талли наконец посмотрел на племянницу: — Верь в своего сына, Лиза.

Она пыталась изо всех сил, но получалось плохо. Слишком здоровый и искусный был у него противник, слишком мощными были удары его ужасно огромного меча. А Роберт даже не отвечал. Он лишь уворачивался, легко, будто танцуя, двигался вокруг закованного в латы Гаррольда. Всего раз ему не удалось отскочить, когда Гаррольд сделал резкий колющий выпад. Но Лизе хватило, чтобы закричать и схватиться за сердце. Роберт качнулся назад и вправо, подбил аракхом меч вбок, приняв удар. Раздался скрежет, и гарды лязгнули, наконец-то встретившись. Гаррольд подался вперёд и толкнул со всей мощью. Роберт не удержался, упал на спину, резво перекатился и вскочил на ноги — невредимый, но измазанный в грязи. Лиза ахнула вслед за толпой.

— Почему Роберт не нападает? — вновь требовательно спросила она у Талли.

— Аракх не пробьёт доспех...

— Тогда зачем нужен аракх, Неведомый тебя забери?! — Она уже трясла его, обмирая от ужаса. — Почему ты не научил его биться мечом?!

— У него есть наставник. Он сказал, что Роберт справится. Не только потому, что готов. Но ещё и потому, что очень сильно этого хочет...

Роберт и Гаррольд продолжали кружить по арене. Меч Гаррольда не знал усталости. Он

со свистом рассекал воздух в считанных дюймах то от плеча Роберта, то от его лица или живота. Роберт так и не сделал ни одной попытки ударить в ответ. Гаррольд очередной раз рубанул мечом сверху вниз, чуть наклонился вперёд, и аракх вдруг ожил. Сверкающий полукруг вспыхнул на мгновение, кривое лезвие коснулось лба, и безобразный кровавый шмат со светлыми прядями взлетел вверх. Гаррольд зашатался, осел на колени, а потом упал ничком.

Ощущение огромной, непоправимой беды придавило Грай к лавке. Она слышала, как уже в который раз за сегодняшний день ахнули зрители. Как раненой волчицей взвыла леди Аня. И, вторя ей, запричитала какая-то женщина. Видела, как на южной трибуне подскочил со своего кресла дед, и тут же без сил рухнул обратно. Словно в тумане наблюдала, как стражники выбежали на поле, уложили недвижимое тело её кузена на щиты, а Роберт, разъярённо сдёрнув с его плеч серебристо-голубой плащ Братства, набросил на окровавленную голову, закрывая от взоров толпы чудовищную рану.

Дрожа, Грай повернулась к Чёрной Рыбе, силясь вспомнить, что же хотела спросить. Но так и не вспомнила, продолжая сидеть и смотреть. Рыцари несли щиты за ворота. Плащ Гаррольда пропитался его кровью и стал бурым. Кони втаптывали в грязь арены зелёный шарф с чёрным сломанным колесом. Грай хотелось выть вслед за леди Аней.

— Стой, Лиза. — Бринден Талли преградил племяннице путь, не позволяя выбежать на поле вслед за хлынувшей вниз толпой.

— Пусти, дядя! — Она толкала его в грудь, вырываясь из рук. — Если эта старая змея Аня что-нибудь скажет Роберту... что-нибудь ему сделает... клянусь Семерыми, я выдеру ей все космы.

— Не нужно, милая. — Ему пришлось постараться, чтобы удержать её и при этом не сделать больно. — Он сам справится. А ты пойдёшь туда, только если пообещаешь молчать.

Лиза замерла, лицо пошло красными пятнами.

— Что вы себе позволяете, сир?! — Её затрясло от возмущения.

— Приказ лорда Роберта! — бесстрастно ответил он.

Она обмякла в его хватке, взгляд стал растерянным, уголки губ обиженно опустились. Талли положил руки ей на плечи и ободряюще сжал.

— Нет причин волноваться, родная. Ему ничего не угрожает. Посмотри вокруг. — Он отошёл, освободив обзор, и Лиза посмотрела.

Посреди арены стоял Роберт с окровавленным аракхом в руке. Справа его охранял Подрик Пейн, слева Нестор Ройс, спину прикрывали Бриенна и Терранс Линдерли. Вторым кольцом их окружали Крылатые рыцари. Они не были посвящены в планы Роберта и, как многие, не понимали, что происходит. Тем не менее, без раздумий ринулись на поле, как только зрители стали вскакивать с трибун. «Охраняйте своего лорда, Крылатые рыцари!» — заорал кто-то из них. И теперь все семеро стояли наготове с обнажёнными мечами — Робар Вайдман, Лин Корбрей, Эдмунд Брейкстоун, Кайл Сандерленд, Лаймонд Линдерли, Юста Хантер и Седрик Иген, которого Бронзовый Джон самолично посвятил в рыцари.

Вооружённые воины с луной и соколом на щитах и доспехах заполнили почти всё пространство ристалища, ими командовал Джон Ройс. Одни сгоняли зрителей с трибун и направляли их в коридор, образованный другими стражниками. А те непреклонно поторапливали всех к выходу. Саймонд Темплтон распоряжался, кто может остаться на поле. Лорды и рыцари озадаченно смотрели на Роберта, оглядывали стражников, переговаривались и требовали разъяснений. Тирион Ланнистер уже был там, вместе со своей

охраной. В ту сторону неслась Аня Уэйнвуд, размахивая руками и что-то крича. Темплтон преградил ей дорогу. На западной стороне Джаспер Редфорт выводил из леса конницу под белыми знамёнами с красной башней. Копьями и мечами всадники прогоняли прочь зрителей с пригорка и деревьев. А потом встали у низкой ограды арены сплошной стеной из щитов и копий. Как только с ристалища выпроводили последнего зрителя, ворота закрыли и тоже приставили стражу.

— Что происходит, дядя? — ошарашенно спросила Лиза.

Он смотрел на поле.

— Наш сокол взлетает, — сказал гордо. Затем повернулся к ней и ласково добавил: — Не мешай ему, милая. Он справится.

С южной трибуны уже спустился Илис Уэйнвуд. Опираясь на трость, он шёл в окружении Тристона Сандерленда, Утора Толлетта и Гилвуда Хантера со всей быстротой, на которую был способен.

Талли ещё раз оглядел поле, обнажил меч и кивнул:

— Нам пора. Держитесь рядом, леди.

Причитания сира Илиса все услышали издали.

— Да что же такое творится? Что же вы сделали, милорд...

Его голос срывался, а дряблые щёки дрожали. Рука с трудом удерживала трость. Когда он увидел Грай, слёзы брызнули у него из глаз.

— Как же вы меня порадовали, милорд, когда привезли девочку моей Дженни... как же осчастливили старика! А теперь... теперь вы лишили меня внука... Вы раскроили ему голову, словно тыкву... Вы вырвали мне сердце, милорд... Зачем, ради Семерых, вы сделали это?!

Во всём облике Роберта не было и намёка на раскаяние или сочувствие. Лишь надменность и неприкрытая ярость.

— Надеюсь, теперь вы наконец-то прекратите называть его Гарри-Наследником... сир, — процедил он.

Уэйнвуд вытаращил заплаканные глаза, открыл рот, потом закрыл.

— Надеюсь, теперь вы прекратите мечтать сделать Гаррольда лордом Долины, — снова почти выплюнул Роберт.

Леди Аня подалась вперёд.

— Вы не в себе, мой мальчик, — сказала она запальчиво. — Сначала вы ни с того ни с сего убили Гаррольда, а теперь обвиняете сира Илиса...

— Нет, миледи! — рявкнул Роберт, не дав ей договорить. И она отступила, такой яростью сверкали его глаза. А он вкрадчиво добавил: — Я ни в чём его не обвиняю. Его — нет... а вот вас...

Роберт выпрямился, расправил плечи и протянул арах вперёд, почти касаясь груди старой леди. Он заговорил в полной тишине, чеканя каждое слово:

— Я, Роберт Аррен, лорд Орлиного Гнезда, защитник Долины и истинный Хранитель Востока, обвиняю вас, Аня Уэйнвуд, в покушении на мою жизнь. Два с половиной года назад вы продали меня горцам. По условиям сделки они должны были меня убить. Я обвиняю вас в измене, миледи! Вам есть, что сказать?

Леди Аня не шелохнулась, не отодвинувшись от острия клинка ни на дюйм. Её губы поджалась, сделавшись похожими на куриную гузку, седые брови задрожали от негодования.

— Это уже слишком! — сказала она гневно, а потом глянула на Лизу: — До меня

доходили слухи, что Роберт скорбен разумом, но я не хотела верить... Но теперь! Теперь, когда меня обвиняют, что я знаюсь с дикарями! Это... это слишком!

Талли сжал локоть Лизы, призывая к молчанию. Роберт тоже не ответил — он смотрел за спину леди Анье, ожидая, пока идущий от ворот в окружении двух стражников мужчина приблизится. А потом снова заговорил, указывая арахом в его сторону:

— Я, Роберт Аррен, обвиняю вас, Мортон Уэйнвуд, в покушении на мою жизнь. Я обвиняю вас в измене, сир. Вам есть, что сказать?

Сир Мортон — встрепанный, безоружный, но спокойный — опустил голову и промолчал. Однако когда стража подвела следующего пленника, он вздрогнул, а леди Анья испуганно вскрикнула.

— Я, Роберт Аррен, обвиняю вас, Доннел Уэйнвуд, в покушении на мою жизнь. Я лишаю вас титула Рыцаря Ворот и обвиняю в измене.

А стражники вели очередного пленника.

— Я, Роберт Аррен, обвиняю вас, Роланд Уэйнвуд, в покушении на мою жизнь. Я обвиняю вас в измене.

Поток не прекращался — подводили следующего.

— Я, Роберт Аррен, обвиняю вас, Герольд Графтон, в покушении на мою жизнь. Я обвиняю вас в измене.

И следующего.

— Я, Роберт Аррен. Обвиняю вас, Джайлс Графтон. В покушении на мою жизнь. Я обвиняю вас в измене.

И следующего.

— Я. Роберт Аррен. Обвиняю вас. Оливия Графтон. В покушении на мою жизнь. Я обвиняю вас в измене.

Мужчины стояли спокойно, но глаз не поднимали. Леди Оливия упала на колени и разрыдалась:

— Пощадите моего сына, милорд... пощадите...

Роберт брезгливо дёрнулся и отодвинулся, когда трясущиеся руки потянулись, чтобы ухватиться за его колени.

— Как вы пощадите меня? — спросил он.

— Сжальтесь над бедной матерью...

На шее Роберта задёргалась жилка.

— Как вы сжалились над моей?!

Он повернулся к леди Анье:

— Хотите что-нибудь сказать, миледи?

— Вы не вправе... — она гордо подняла подбородок, — не вправе обвинять нас без суда... Я требую суда Совета лордов Долины!

— Вы вправе требовать суда Совета лордов... — согласился Роберт так охотно, что все пленники разом воззрились на него. После чего свирепо оскалился и заговорил зло и отрывисто: — Но хочу, чтобы вы знали, миледи. Я не женюсь, пока не закончу это дело. Поэтому, если вы не признаетесь сейчас... и будет суд... пощады не ждите!

— Обгорелые рассказали, как всё было. А хозяйка борделя рассказала остальное. Я на три месяца отложил свадьбу, чтобы её разыскали. Чтобы допросили её, моего второго оруженосца, ваших слуг и всех шлюх ваших сыновей и внука. И если будет суд, и мне снова придётся перенести свадьбу... — он скрипнул зубами, — клянусь Семерыми, я воспользуюсь

всеми правами, данными мне законом! Я воспользуюсь всеми привилегиями, что положены мне по праву рождения и моего положения! И я не только казню вас всех!

Его ноздри раздувались, а голос подрагивал от гнева.

— Ни одному законному сыну ни одной из ваших дочерей я не позволю взять имя Уэйнвудов. И ни одному бастарду ваших сыновей. Ваше имя будет запрещено на территории Долины, как имя изменников и преступников! Ваш род забудут. Я уничтожу Железную Дубраву. Она моя по праву пострадавшего! Там спилят все дубы и сожгут их. Привезут камнемёты и разрушат ваш замок до основания. Уйдут годы, миледи, но все обломки до самого крохотного куска перевезут к побережью. Их погрузят на корабли, а потом сбросят в Узкое море. Я не позволю ничего строить на месте Дубравы. Там всё порастёт травой, и люди забудут о ней.

Роберт чуть помолчал и добавил:

— Но если вы сознаетесь здесь и сейчас, я пощажу вашего младшего сына.

— Но он и так невиновен, милорд... — вскрикнул Роланд. — Уоллес ничего не знал...

— Сыновья отвечают по долгам главы рода, сир, — сказал ему Роберт. — Таков закон. Ваша бабушка об этом знает. — Он повернулся к ней: — Уоллес разделит вашу участь, миледи, если вы будете настаивать на суде Совета лордов. Я дам вам время подумать.

Роберт сделал шаг к окружённым стражей пленникам.

— Джайлс Графтон, вы были оруженосцем своего лорда, — сказал он. — Вы намеренно подбивали его на злые проделки и глупые шалости. Вы подговорили его сжечь на турнире знамя Уэйнвудов, убить животных в птичнике и на скотном дворе Железной Дубравы. Вы делали всё, чтобы ваш лорд выглядел сумасбродным. Это было несложно... учитывая уединённость его прошлой жизни и полное её незнание. Вы знали, что готовится похищение. Вы знали, что ваш отец участвует в заговоре. Вы не предупредили своего лорда. Вы предали его. Вы признаёте свою вину?

Молодой Графтон опустил голову. Его голос дрожал, когда он ответил:

— Да, милорд...

— Оливия Графтон, — Роберт развернулся, — вы знали о похищении. Знали, что ваш муж, лорд Герольд Графтон, участвует в заговоре. Вы не предупредили своего лорда. Вы признаёте свою вину?

Она так и не поднялась с колен. А на вопрос помотала головой.

— Пощадите, милорд... Как же я могла выдать родного сына и мужа? Как, милорд? Пощадите, молю...

Роберт задумался, рассматривая распростёртую на земле бесформенную кучу.

— Я мог бы пощадить вас, миледи. Единственную из всех, кто своими руками ничего не сделал. Только лишь утаил правду, спасая родных. Вы стали бы Молчаливой Сестрой, и до конца жизни искупали бы молчанием своё преступное молчание. Но я этого не сделаю. Потому что вы видели, как страдает моя мать... знали, что она проводит дни и ночи в септе... Именно с вами она делилась своим горем. Именно на вашем плече она рыдала! — По его телу пробежала судорога. — И вы ей сочувствовали! Вы её утешали! Это омерзительно, миледи... Срань драконья, да вы хуже, чем все они, взятые вместе! Вы признаёте свою вину?!

— Да, милорд... — прошептала леди Оливия.

Роберт повернулся к её мужу.

— Герольд Графтон, долгие годы вы утаивали большую часть таможенных сборов. И

нажили неплохое состояние. Уэйнвуды в долгах. Они не справились бы одни. Поэтому они позвали вас. — Роберт презрительно скривился. — Они знали, кого звать... Не первый раз Графтоны предают Арренов. Моими деньгами вы оплатили услуги леди Кассандры, хозяйки борделя «Одинокая чайка». А позже и её отъезд из Долины в Дорн. Вы участвовали в нападении на бордель и в убийстве девушек. Вы покушались на мою жизнь, милорд. Вы признаёте свою вину?

— Признаю, милорд. — Лорд Герольд не отвёл угрюмого взгляда.

Роберт удовлетворённо качнул головой и шагнул дальше.

— Доннел Уэйнвуд, вы сообщили своей матери о планах моих родителей. Вы написали ей, что они хотят устроить мне путешествие по Долине. Вы и далее сообщали ей, как идёт приготовление, и когда будет отъезд...

— Но я не желал вам зла, милорд, — перебил Доннел. Молодое открытое лицо исказил страх. — Семеро мне свидетели, не желал...

Роберт передёрнул плечами, голос стал угрожающим.

— Однако вы знали, как леди Аня распорядилась этими безобидными сведениями... знали, что готовят ваш брат и его сообщники. Вы не остановили их, и ничего не сказали своему лорду. Потому что желали ему добра?!

Доннел молчал, опустив голову.

— Вы признаете свою вину, сир?

— Да, милорд... и... я очень сожалею. Поверьте, я искренне сожалею...

Роберт его не слушал, он уже говорил следующему пленнику:

— Роланд Уэйнвуд, вы участвовали в битве на Зелёном Зубце. Вы знали Тиммета-Красную Руку и Ивера-дотракийца. Именно вы нашли потом Ивера. Именно вы передали Обгорелым предложение своей бабки. А потом привели их к тайному ходу в бордель. Вы предали своего лорда, сир! Вы признаёте свою вину?

Широкая выступающая нижняя челюсть выдвинулась вперёд ещё больше, длинное лицо стало строгим и торжественным.

— Да, милорд... — сказал Роланд.

— Мортон Уэйнвуд, леди Кассандра защищала вас до последнего, — обратился к нему Роберт. — Ведь она не только ваша давняя любовница, но ещё и мать вашего бастарда.

Сир Мортон вздрогнул и быстро взглянул на сына. Роланд приоткрыл рот. Роберт ухмыльнулся, разглядывая их.

— Челюсть Уэйнвудов не спутаешь ни с какой другой... — сказал он и презрительно скривился. После чего угрюмо процедил: — Вашему ублюдку не поздоровилось бы, сир. Поэтому вашей шлюхе пришлось мне всё рассказать. Вы знали о туннеле под стеной. И когда глупый маленький лорд захотел приобщиться к жизни взрослых мужчин, именно вы придумали, как воплотить в жизнь то, что задумала ваша мать. Леди Кассандра опоила мою стражу и девушек. А вы с ней притворились, будто вас тоже опоили.

Роберт помолчал, чтобы выровнять сбитое гневом дыхание.

— Во всём обвинили помощницу вашей любовницы, — сказал он. — Это было просто, ведь похищение расследовали вы. Вы сказали, что она подмешала зелье в вино и открыла дверь горцам. А потом сбежала с ними. Но это вы убили её и спрятали тело! — Роберту так и не удалось справиться с яростью. — Это вы, сир, открыли дверь тайного хода и пустили Обгорелых внутрь! Именно вы... капитан моей дорожной гвардии, который поклялся защищать меня в той поездке... Вы изменник и клятвопреступник, сир. Вы признаёте свою

вину?

— Признаю... — Сир Мортон встал на колени. — Пощадите моего сы... пощадите сына леди Кассандры, милорд. Он ещё совсем ребёнок... и он ни в чём не виноват.

Роберт равнодушно пожал плечами.

— Я тоже был не взрослым мужем, когда вы отправили меня на смерть. И тоже ничем не провинился перед вами.

Сир Мортон закрыл лицо руками, Роберт отвернулся.

— Почему вы просто не убили меня, леди Уэйнвуд? — Та возмущённо вскинулась, и Роберт понимающе кивнул: — Да, конечно... благородные леди и сирсы не убивают детей... своими руками. А вот чужими...

Он скрипнул зубами и перехватил арахх поудобнее. Леди Аня кинула быстрый взгляд на оружие, но не пошевелилась.

— Это вы придумали продать меня горцам, — сказал Роберт. — Они дикари и воюют с нами веками. Одним похищенным долинцем больше, одним меньше... Никто бы вас не заподозрил. Идея с запиской тоже была вашей. Ни у кого не должно было возникнуть сомнений, кто виновен в похищении.

Роберт внимательно рассматривал стоящую перед ним Аню.

— Даже когда вы уже связались с горцами, то не брезговали и по мелочам вредить мне. Вы поддерживали слухи о моём безумии, прилюдно жалея «скорбного умом лорда». По вашему наущению Джайлс подначивал меня на безобразия. Вы даже подарили мне коня с изъяном, в надежде, что он зашибёт меня.

Роберт замолчал, обвёл взглядом стоящих вокруг, проверяя реакцию на свои слова. Лица мужчин были суровы и непроницаемы. Бриенна хмурилась, с осуждением поглядывая на леди Аню. Лиза тоже смотрела на неё, но с негодованием, и бормотала ругательства. Грай с тревогой смотрела на деда.

— В своём желании сделать сира Хардинга лордом Долины вы проявили завидное упорство, — сказал Роберт, снова повернувшись к леди Анье. — Ведь сразу вождь Обгорелых не согласился, верно? Его сын вернулся с войны, нагруженный золотом. Зачем ему ещё? Зачем ему злить лордов Долины без особой для себя выгоды? Он послал вас дракону под хвост, миледи! Но вы не отступили. Вы предложили ему родовые валирийские кинжалы... Вам так хотелось моей смерти, что вы отдали родовое оружие людям, которых презираете...

Роберт снова прервался, чтобы чуть унять клокочущее бешенство.

— Ни у кого в горах нет оружия из валирийской стали... — придушенно прохрипел он. — Ни у одного племени никогда не было ни одного клинка! И Трёхпалый не устоял. Видели бы вы, миледи, как он смотрит на них. Не удивлюсь, если он с ними спит... Лишь раз Тиммет дал один из них мне в руки. Я видел клеймо. Я собственными глазами видел на рукояти сломанное колесо Уэйнвудов! — Он почти рычал: — Вы продали мою жизнь за два сраных ножа!

Леди Аня вздрогнула, но взгляд не отвела. Глаза Роберта хищно сощурились.

— Говорят, вы отменный игрок в кайвассу, миледи? — Она удивлённо вскинула брови, и он презрительно скривился: — Вероятно, вы воображали себя «драконом», который одним взмахом хвоста сбросил с доски слабого «ополченца». Вы были уверены, что изменили ход игры. Но кайвасса коварная игра. Бывает, что стоящий на приставном поле «требушет» может убить «дракона»... Кто мог ожидать от дикаря, что он захочет сыграть в свою

игру? — Роберт довольно ухмыльнулся: — Тиммет вас ловко надул, миледи.

Леди Аня недоверчиво посмотрела сначала на Грай, а затем снова на Роберта. Он злорадно рассмеялся, наслаждаясь её растерянностью, и пожал плечами:

— Я не знаю. На самом деле не знаю, почему Тиммет не выполнил свою часть сделки. Почему он пошёл на поводу у дочери и оставил меня в живых. Почему позволил пленнику дружить со своей дочерью... жить в одном шатре со своим сыном... рядом спать и вместе тренироваться. Я не знаю, почему он дал вам себя уговорить... и действительно ли всё дело в кинжалах. Кто разберёт этих дикарей, что у них на уме... Но я точно знаю другое. Я пощажу Уоллеса, обещаю. Вам нужно лишь сказать правду. Сейчас. Вы признаёте свою вину?

— Да.

Роберт выдохнул. Толпа зашумела. Илис Уэйнвуд пытался что-то сказать, в нетерпении постукивая тростью о землю.

— Гаррольд... Аня... Гаррольд... — Его голос никак не хотел подчиниться ему. — Он знал? Аня, он знал?

Она всё же опустила голову. Букли качнулись из стороны в сторону.

— Нет, дядя...

— Что же ты наделала, Аня? Что же ты наделала? Наш благородный, храбрый, ни в чём не повинный мальчик... мой бедный внук... — По его лицу текли слёзы.

Роберт смотрел на свой аракх. Кровь засохла и превратилась в бурую грязь. Он вложил оружие в ножны и развернулся к Рыцарю Девяти Звёзд.

— Сир Саймонд, вы глава Совета лордов Долины. У вас есть сомнения в законности того, что вы сегодня видели и слышали?

Темплтон чуть склонил голову.

— Нет, милорд. Вы были в своём праве.

Роберт удовлетворённо кивнул и отыскал взглядом Тириона Ланнистера.

— Лорд Тирион. Вы представитель... хм... королев. Хотите что-нибудь сказать?

Тирион поклонился. Всё это время он молчал и даже не пытался злословить, как обычно. Его взгляд был хмурым и озабоченным.

— Думаю, турнир у Чаячьей Башни войдёт в историю, как самый непредсказуемый... Моя сестра вас здорово недооценила, милорд. Зря она не настояла, чтобы поехал Джейме. На это стоило посмотреть. — Он задумчиво почесал нос. — Как полномочный представитель королевы Дейнерис, обещаю рассказать её величеству всё подробно. Полагаю, она согласится с сиром Саймондом, — после чего досадливо поморщился: — От себя лично добавлю, что тоже немного ошибся на ваш счёт... и вчера кое-кому наговорил лишнего. За что искренне извиняюсь. — Тирион снова церемонно поклонился, теперь уже в сторону Грай. А затем кивнул на пленников: — Что вы сделаете с этими людьми?

Роберт снисходительно усмехнулся, словно услышал глупость.

— Что делают в Вестеросе с теми, кто покушался на жизнь правителя? Их казнят.

— По традиции голову рубит тот, кто выносит приговор. Вы собственноручно отрубите им головы? — К Тириону постепенно возвращалось присущее ему нахальство.

— В Долине не рубят головы. Вам ли не знать? Изменников закуют в цепи. И в клетках отвезут в Орлиное Гнездо. Там поднимут наверх. Только для того, чтобы затем сбросить в Лунную дверь. Всех, кроме Уоллеса Уэйнвуда. Его отправят на Стену. Ночному Дозору нужны храбрые рыцари. Сир Уоллес им пригодится.

Леди Аня кинулась вперёд. Седрик Иген преградил ей путь, и она воскликнула в

замешательстве:

— Но вы обещали, милорд! Вы же обещали пощадить Уоллеса...

— Я сохраняю ему жизнь, миледи! — рыкнул Роберт с гневом. — Вам мало?!

— Но... но он последний из Уэйнвудов... и если он... если его... Но, милорд, так у него никогда не будет семьи... детей. Вы же уничтожаете наш дом! Вы лишаете род Уэйнвудов будущего...

— Равно как и вы хотели уничтожить род Арренов, миледи, — ледяным тоном отрезал Роберт.

Аня Уэйнвуд отступила назад, ошеломлённая таким вероломством, и в смятении оглядела окружающих её лордов, рыцарей и стражников, ища в их лицах поддержку.

— Вы не сделаете этого, лорд Роберт! — раздался решительный голос, и она с надеждой обернулась. Сир Илис смотрел на Роберта твёрдо и уверенно. Он уже не выглядел, как раздавленный горем старик, и словно стал выше ростом. Трость в руке не дрожала, спина была прямая, а подбородок упрямо выдвинут вперёд. — Ведь вы поклялись своей честью! — сказал он непреклонно.

— Да ну? Когда это? — Роберт склонил голову набок и с живым интересом ждал продолжения.

— Да, милорд! — воинственно вскричал сир Илис. — На Совете лордов вы сказали, что обязаны нашей семье! Семье Уэйнвуд! Если вы забыли, то я вам напомню! Вы при всех поклялись своей честью! При всех, милорд! Сказали, что... сказали... что... — он запнулся.

Роберт затаил дыхание, пожирая его взглядом. Губы растянулись в улыбке, больше похожей на оскал. А сир Илис повторял шёпотом слова той клятвы, и осознание их истинного смысла постепенно доходило до него, заставляя заикаться. В итоге он замолчал и потрясённо воззрился на Роберта, словно увидел нечто ужасное.

— Я сказал, что Аррены никогда не забудут, чем обязаны Уэйнвудам, — медленно, с расстановкой произнёс Роберт слова, которые застряли в глотке старого воина.

Роберт обвёл победным взглядом толпу, не скрывая своего торжества. Во всём его облике, позе, голосе сквозило неприкрытое, искреннее ликование.

— И кто упрекнёт меня, что сегодня я не сдержал своего слова, сир?!

Илис Уэйнвуд вскрикнул и зашатался.

Всё же возраст брал своё. Талли пропустил момент, когда Грай метнулась вперёд. Она подскочила к сире Илису и обхватила его руками, пытаясь удержать оседающее на землю тело. Ей ни за что было не справиться самой, если бы сзади того не подхватил под мышки Подрик Пейн. Грай обняла с трудом стоящего на ногах деда и прижалась к камзолу мокрой щекой, приговаривая: «Дедушка, милый дедушка...»

— Ваш план провалился, миледи, — тем временем говорил Роберт леди Анье. — И я даже верю, что теперь вы искренне преданы мне. Но это не значит, что я прощу вам те два года своей жизни... Я поклялся, что не забуду, чем обязан вам. Я признался при всех, что в долгу перед вами. Сегодня я выплатил вам долг. Сполна.

Грай продолжала цепляться за деда, зажмурив глаза. Её трясло от жалости и негодования. «Никто никого не убьёт. Даю вам слово», — сказала Бриенна. И не сдержала его. «Бриенне можно верить, а вот карлику нет», — сказал Чёрная Рыба. И обманул. «Аррены никогда не забудут, чем обязаны Уэйнвудам», — сказал Роберт. И убил Гаррольда. А ведь отец ей не раз говорил, что долины двуличны, подлые и беспричинно жестокие!

Дикари без чести и совести, которые не держат своего слова!

Голос Роберта настиг её, как удар хлыста:

— Он не умер, Грай.

Она открыла заплаканные глаза и недоверчиво покосилась.

— Твой кузен. — Голос был всё такой же суровый, но смотрел Роберт на неё с нежностью. — Он не умер. Я срезал с его башки добрый лоскут кожи... как кожуру с яблока. Кровищи много, но это не смертельно, Грай. Мейстер Леран сейчас занимается им.

Она ухватилась сильнее за вновь запатавшегося деда. Не у неё одной от слов Роберта голова шла кругом.

— Вашему внуку никогда больше не быть красавчиком, — сказал он сире Илису, — но его увечье не мешает ему продолжить свой род. Конечно, если он остепенится и перестанет ковать лишь бастардов.

Анья Уэйнвуд рухнула на колени.

— Благодарю, милорд... — прошептала она. — Да хранят вас Семеро!

Опасения Тириона Ланнистера, что эта поездка в Долину выйдет скучной, не оправдались — стремительность и непредсказуемость разворачивающихся перед ним событий заставляли трепетать его жадную до интриг душу. Он с живейшим любопытством рассматривал коленопреклонённую леди Анью.

— Её вы тоже выбросите в Лунную дверь? — с недоверчивой иронией спросил он у Роберта.

Тот сжал зубы и на миг смежил ресницы. Лицо конвульсивно дёрнулось. Перед мысленным взором вновь стоял сырой холодный сарай. Снова пахло мочой и рвотой. Мерзкая рожа Хагена злобно ухмылялась. Презрительно шурил единственный глаз Тиммет-Красная Рука. Невыносимая боль жгла шею от рвущих плоть клыков и когтей сумеречного кота.

— Первой, — сказал Роберт, открыл глаза и широко улыбнулся. — Я сброшу её первой.

— Женщину? — провокационно уточнил Тирион и скептически поджал губы.

— Она не женщина. — Роберт взглянул на собеседника сверху вниз, словно на неразумное дитя. — По-вашему, чем женщины отличаются от мужчин?

— Нуу, я знаю пару отличий... но думаю, вы сейчас не о них...

— Милосердием, — сказал Роберт таким тоном, что Тирион перестал ухмыляться. — Они отличаются от нас милосердием. — Он показал рукой в сторону Грай, обнимающей сира Илиса: — Вот это — женщина. И настоящая леди. Что было бы с нами, лорд Тирион если бы не такие, как моя Грай? А они, — он кивнул на Анью Уэйнвуд и Оливию Графтон, — не женщины. Они чудовища. А я защитник Долины. Мой долг убивать чудовищ.

— Почему тогда вы не убили Гаррольда? Гораздо проще было снести ему полбашки, чем счищать с неё кожуру... Но вы так не сделали. А теперь ещё и лечите его! И всё это только затем, чтобы чуть позже сбросить в Лунную дверь. — В голосе послышалось восхищение: — А вы знаете толк в развлечениях, милорд! Пожалуй, у вас есть все задатки стать моим кумиром...

— Осторожнее, лорд Тирион. — На скулах Роберта вздулись желваки, крылья носа дрогнули. — Кто-то находит вашу дерзость забавной, но не я. Я не убил сира Хардинга, потому что леди Тарт никогда не лжёт. И я не казню его. И на Стену не отправлю.

— Вы шутите? Я вам не верю... — Тирион выглядел неприятно озадаченным и

немного расстроенным. Не обращая внимания на мечущую на него гневные взгляды Анью, он продолжал недоумевать: — Это же из-за него вам пришлось прогуляться в горы. Он — главная причина ваших несчастий. И теперь вы говорите, что... Нет, я не верю... Это, наверное, такая шутка?

— Сир Хардинг — мой вассал. Он будет жить в Долине и служить мне. И будет живым напоминанием всем, кто вдруг однажды решит, что лучше знает, кому управлять Долиной. — Роберт обвёл пленников тяжёлым взглядом: — Драконий хер вам, а не Долина!

Первым на колени встал сир Саймонд Темплтон.

Глава 18. Роберт держит свои обещания. Всегда

Большая септа Чаячьего города была забита до отказа. Как и все семь подступов к ней. Казалось, сегодня сюда стеклись со всей Долины разряженные леди, лорды и рыцари, сквайры, купцы, крестьяне и прочий люд.

По усыпанной голубыми лепестками дорожке, ведущей в настежь распахнутые центральные ворота, медленно и степенно шагал сир Илис Уэйнвуд под руку со своей внучкой. Белоснежный меховой плащ почти полностью скрывал тонкую фигуру юной невесты. По бокам их сопровождали Бриенна Тарт и Миранда Редфорт, сзади шли семь маленьких девочек — младшие внучки Джона Ройса и Годрика Боррелла — с букетиками фиалок в руках. Процессию замыкал шафер невесты. На голове сира Гаррольда Хардинга, облачённого в доспех Братства Крылатых Рыцарей, был открытый шлем, на боку меч, а на плечах форменный плащ, заколотый отличительным знаком капитана личной гвардии лорда Долины — пряжкой в виде изогнутых серебряных крыльев.

Толпа приветствовала процессию восторженными криками, и стражники с трудом сдерживали натиск любопытствующей публики. Радостный гвалт время от времени заглушался звоном семи колоколов.

Богослужение во здравие лорда Долины только что закончилось. В септе пахло благовониями, в воздухе ещё витали отзвуки распевавших торжественные гимны голосов и священных текстов, что читал Главный септон Долины — один из Праведных, входящих в Совет Веры Семи Королевств. По случаю большого праздника в каждом из семи углов септы на всех семи алтарях украшенных самоцветами статуй богов лежали семигранные кристаллы горного хрусталя. Солнечный свет проникал через яркие витражи окон и, попадая на грани кристаллов, разбивался на мириады радужных бликов. Разноцветные отблески мерцали во все стороны, играли на лицах и одежде, отражались от доспехов мужчин и драгоценностей женщин.

В центре септы стоял Роберт Аррен в окружении Главного септона, Бриндена Талли, выполняющего на этой церемонии роль посажённого отца жениха, и шафера жениха Подрика Пейна. Все смотрели в открытые нараспашку ворота в ожидании невесты и её свиты.

Грай на миг замерла на входе, ослеплённая великолепием убранства храма и нарядами гостей, и стиснула сильнее пальцы деда. Тот ободряюще похлопал её другой ладонью по руке.

— Смелее, дитя, — сказал он.

Она шагнула внутрь, видя перед собой лишь одного Роберта. Ей больше не было страшно. Ведь Роберт обещал, что всё будет хорошо. А он всегда держал свои обещания.

В тот ужасный день Роберт так и не пришёл, даже перед сном не заглянул к ней в покои. Грай извелась, коря себя, что на турнире наделала таких глупостей, за которые Роберт никогда её не простит. А ведь отец ей уже один раз говорил! В горах, на церемонии Посвящения она при всём клане унизила Роберта, когда бросилась ему на помощь. И теперь на турнире в открытую пошла против него, кинувшись к деду — при всех подданных показала, на чьей она стороне. А потом, словно одного этого проступка было недостаточно, ещё и трусливо сбежала в замок.

Когда Саймонд Темплтон опустился на колени, Грай не удивилась. Издревле мужчины склоняли головы перед тем, кто могущественнее. Она никогда не боялась ни отца, ни брата, относясь как к должному к вызываемому ими в других людях страху и трепету. Но смотря на Роберта, принимающего клятву верности у этого высокомерного рыцаря, ёжилась от беспокойства. Это был не её Роберт.

Ни разу в жизни она не видела королей, но в тот момент точно знала, как они выглядят. Одной рукой Роберт сжимал рукоять аракха, другую завёл за спину, и стоял прямо и гордо, с выражением властной силы на лице. Грай не слышала, что говорит Темплтон, лишь видела, как Роберт величественно кивает, а затем переводит взгляд на других мужчин, в абсолютной уверенности, что те последуют примеру. Лорды и рыцари вставали на колени один за другим, и подбородок Роберта поднимался всё выше, губы сжимались плотнее. Грай отступила назад, когда сир Илис, с трудом опираясь на трость, приготовился к присяге, и Роберт одарил его таким же непреклонно-выжидающим взглядом, даже не заметив свою невесту.

Наверное, она бы упала, если бы её не поддержали сзади под локоть. Грай обернулась, увидела Бриенну и кинулась к ней в объятия, ища защиты. Ей хотелось убежать и куда-нибудь спрятаться. Словно почувствовав её смятение, Бриенна спросила шёпотом:

— Хотите, я провожу вас в замок, миледи?

И потом Грай до позднего вечера металась по комнате, пытаясь придумать оправдание своему побегу. Она бросила Роберта в такой важный момент в его жизни! Он победил своих врагов и имел право насладиться этой победой. А она, вместо того, чтобы быть рядом, разделить с ним радость, малодушно бежала, напуганная его отчуждённостью. И она ещё насмеялась над леди Долины, обвиняя их в трусости и излишней чувствительности!

По её просьбе септа и Гелла ушли пораньше, но Роберт так и не зашёл к ней пожелать доброй ночи, когда уже в сумерках с ристалища все вернулись в замок. Грай прорыдала до самого утра, представляя, как с позором вернётся в горы.

Ранним утром осторожный стук в дверь подбросил её из кресла. Миранда Редфорт застыла на пороге и в удивлении открыла рот:

— Держите меня Семеро... тебя что, пчёлы покусали?

— Нет, — Грай прижала ладони к опухшему лицу и снова начала всхлипывать, — Роберт... Роберт не пришёл. Он больше не любит меня, Миранда...

— Я так и знала! Просто сердцем чувствовала! Потому и пришла...

Она прикрыла за собой дверь и осмотрелась — посреди кровати мирно спал Сумрак, подушки были не смяты, камин давно потух.

— Какой же вздор, дорогая! Мой Джаспер тоже не пришёл. Только вот заявился. — Миранда фыркнула. — Роберт не захотел задерживать доклад королеве. И они всю ночь заседали на своём Совете... Доклад об измене, чтоб ты знала... да ещё и с покушением на убийство — это тебе не булочки с кухни таскать! — Она села в одно из кресел. — Темплтон при всех повторно допрашивал Уэйнвудов, Графтонов, мальчишку Линдерли, хозяйку борделя и того Обгорелого дотракийца. Как гонца с донесением отправили, Джаспер сразу и пришёл. Значит, скоро и Роберт будет... — Миранда осмотрела её ещё раз и снова насмешливо фыркнула: — Пффф! Ты похожа на спившегося кабатчика... Роберт придёт, а у тебя красные узкие глаза и нос как свёкла. А ну-ка, давай быстро...

Леди Редфорт развела бурную деятельность. Стражники разожгли камин, притащили лохань и тёплую воду, разбудили служанок. Миранда вернулась в свои покои за склянками с

разными притирками и примочками. Пока Грай мыли голову, она положила ей на глаза компресс. И когда пожаловал Роберт, Грай была свежая и румяная, в нарядном платье, с красиво уложенными волосами.

— Я принёс ваш шарф, миледи, — сказал он, когда двери за слугами и Мирандой закрылись. И протянул ей её зелёный шарф, чистый и выглаженный: — Вы вчера обронули.

Грай забыла о своих сомнениях и страхах. Забыла обо всех манерах, которым её учила септа. Она радостно взвизгнула и бросилась ему на шею.

— Я боялась, Роберт. Я так боялась за тебя... — пожаловалась она, заглядывая ему в глаза.

— Я должен был сделать это, Грай, — сказал он твёрдо, обнимая её. — Должен был сам разрубить этот узел. Ради нашей безопасности... и нашего будущего.

Она кивнула. Она всё понимала.

— Конечно, Роберт. Но это было очень страшно... — Она спрятала лицо у него на груди. — Бедный дедушка, бедный Гаррольд... Ты был такой... такой злой... — И призналась шёпотом: — Я боялась тебя, Роберт.

— Я больше не буду, — он поцеловал её волосы, — больше никогда не буду тебя так пугать. Всё будет хорошо, Грай. Вот теперь точно всё будет хорошо... Обещаю.

Она верила ему. Роберт держал свои обещания. Нужно было только внимательно слушать, что именно он обещает.

Главный септон возносил молитвы богам, и Грай шёпотом повторяла за ним, памятуя наставления септы Ксантии. Она опустила ресницы, украдкой оглядывая гостей. Гилвуд Хантер, лорд Длинного Лука, поглаживал пышные усы. Бенедар Белмор, затянувший своё выпирающее брюхо в нарядный камзол, отирал пот со лба. Коротышка Хортон Редфорт гордо стоял в окружении сыновей. Лысый череп Годрика Боррелла блестел в свете сотен свечей, словно смазанный жиром. Лиза не отрывала обожающего взгляда от Роберта. Бриенна смотрела на Грай и улыбалась. Вокруг них стояли Ройсы и Корбреи, Сандерленды и Брейкстоуны, Херси и Линдерли. Одни были в парчовых или кожаных кафтанах, другие в парадных доспехах, плечи многих покрывали плащи. Жёны и дочери, в лучших нарядах по последней моде, скромно стояли рядом.

Семикратно прочитав молитву, септон развернулся к зрителям и звучно объявил:

— Сегодня радостный день! Перед лицом Семерых я сочетаю браком Роберта Аррена из рода Арренов и Грай Уэйнвуд из рода Уэйнвудов! — После чего велел молодым: — Принесите взаимные обеты.

Они шагнули навстречу друг к другу и взяли за руки.

— Отец, прими мой обет... — вместе проговорили положенное.

— Я — её, и она моя! — громко и чётко сказал Роберт.

— Я — его, и он мой, — тише, но не менее твёрдо сказала Грай, глядя ему в глаза.

— С этого дня и до конца моих дней, — снова одновременно произнесли они.

Роберт ободряюще сжал пальцы Грай чуть сильнее.

— Кузнец, прими мой обет, — в полной тишине прозвучала дружная клятва.

— Я — её, и она моя! — Роберт улыбался.

— Я — его, и он мой... — Глаза Грай сияли.

— С этого дня и до конца моих дней.

— Воин, прими мой обет. Я — её, и она моя! Я — его, и он мой. С этого дня и до конца

моих дней.

— Мать, прими мой обет. Я — её, и она моя. Я — его, и он мой. С этого дня и до конца моих дней.

— Дева, прими мой обет. Я — её, и она моя. Я — его, и он мой. С этого дня и до конца моих дней.

— Старица, прими мой обет. Я — её, и она моя. Я — его, и он мой. С этого дня и до конца моих дней.

— Неведомый, прими мой обет. Я — её, и она моя. Я — его, и он мой. С этого дня и до конца моих дней.

Храм заполнили звуки свадебного гимна. Грай затрепетала, заворожённо наблюдая, как Роберт не спеша отстёгивал на ней пряжку белого плаща, снимал его и затем передавал стоящему наготове Гаррольду. Она едва удержалась, чтобы не хихикнуть от радостного возбуждения, когда восторженный гул и шёпот толпы стали громче — её свадебный наряд стоил того, чтобы в изумлении ахнуть. Платье, сшитое из однотонной серо-голубой парчи и достаточно простое по покрою — с плотно присобранными на плечах крылатыми рукавами по принятой в Долине моде и закрывающим горло воротником наподобие латного горжета — покрывала сверху тонкая серебряная сеть, перекрестия которой украшали сотни лунных камней разных оттенков: от молочно-перламутровых на груди до лазорево-чёрных по подолу.

Однако когда Роберт снял свой плащ, ахнула уже сама Грай. Чёрный и мохнатый, развёрнутый внутренней стороной наружу, плащ явил ей огромного белого сокола и луну на небесной лазури — подкладку, которую пришивала она сама ещё в Стылых Водах, заменили на новую, напоминающую знамя Арренов. Меха коснулись плеч Грай, и сокол накрыл её полностью, от шеи до пяток. Она на миг зажмурилась от счастья. «Я принесу тебе кота, любимая. Обещаю, — сказал ей Роберт в горах после церемонии Посвящения. — В главной септе Чаячьего города я накрою твои плечи плащом из его шкуры...» Грай открыла глаза и благодарно улыбнулась. Роберт держал свои обещания.

Разрешение Главного септона вернуло её в реальность.

— Можете поцеловать друг друга, — сказал он.

Роберт положил ей руки на плечи и наклонился.

— Этим поцелуем я клянусь тебе в любви, Грай, и признаю своей леди и женой, — сказал он, взял в ладони её лицо и поцеловал в губы.

— Этим поцелуем я клянусь тебе в любви, Роберт, и признаю своим лордом и мужем, — сказала она, потянулась к нему и поцеловала в ответ.

Главный септон воздел над их головами руки со священным семиграннным кристаллом, и торжественный голос разнёсся под сводом:

— Пред ликами Семи богов и стоящими здесь людьми я объявляю Роберта Аррена и Грай Уэйнвуд мужем и женой. Одна плоть, одно сердце, одна душа отныне и навеки! И да будет проклят тот, кто станет между ними!

Тирион Ланнистер чувствовал себя препаршиво — ему не нравилось то, чему он стал свидетелем в этот свой приезд в Долину. От увиденного было неуютно и крайне тревожно. Когда после турнира — самого необычного на его памяти — мужчины вдруг все как один начали вставать на колени, он поймал себя на мысли, что сам чуть не бухнулся. Кто бы мог подумать, что тщедушный заморыш, сопливый и слабовольный, вырастет в неглупого,

дерзкого и непредсказуемого правителя, способного и с мечом постоять за себя? Но больше всего Тириона беспокоило то чудовищное вероломство, с которым лорд Долины сокрушил своих недругов, хладнокровно выкосив подчистую два знатных рода. От такого поганца можно ждать чего угодно.

За церемонией бракосочетания Тирион наблюдал рассеянно — он видел такое много раз. Да и голову занимали более важные мысли. Лишь в самом конце он отвлёкся от невесёлых дум, когда Роберт развернул свой косматый плащ и тот полыхнул небесной синью. Жених укрыл чёрным мехом невесту, и на её спине на всеобщее обозрение расправил крылья белый шёлковый сокол. А гости зашептались.

— Говорят, милорд сам убил зверя! — придушенно доложил окружающим богато одетый горожанин с седой бородой и кустистыми бровями.

— Что хоть за зверь-то?

— Медведь это, знамо дело...

— Сам ты медведь! Откуда у медведя белые полосы? Кот это сумеречный!

— Тише вы!

— Говорят, голыми руками убил! — сказал какой-то молодой рыцарь, восторженно тараща глаза.

— Чего?!

— Лорд Боррелл рассказывал... а ему Обгорелые рассказывали.

Тирион фыркнул, с презрительной иронией оглядывая воодушевлённых небылицами болтунов.

— Горцы — известные вруны! Они тебе ещё не то наговорят! — возразил кто-то из них.

Тирион согласно кивнул. Благодарение Семерым, не все здесь доверчивые простаки.

— Милорд руками взял кота за пасть и разорвал на части! — не унимался юнец.

— Хватит выдумывать! — влез в разговор следующий. — Ножами он убил. С двух рук. Кот с дерева на него прыгнул.

— Вот я и говорю! — снова радостно зашептал бородач. — Милорд сам зверя убил! Своими собственными руками! Был бы жив лорд Джон, гордился бы сыном!

— А как он Уэйнвудам наподдал! — присоединился к разговору ещё один охотник молотить языком.

— Даа, крутенько милорд начал...

— С изменниками так и надо! А то целоваться с ними, что ли?!

— Хмм... больно неожиданно... Никто ведь и подумать не мог!

Тирион досадливо скривился — именно это его больше всего и тревожило.

— Может, и поздновато наш сокол взлетел, но зато как лихо! Сразу ввысь! — не унимались болтуны.

Тирион закатил глаза. И всё же не выдержал — это было выше его сил.

— С такого пинка, какой ему горцы отвесили, не то что сокол, даже петух бы взлетел, — желчно проскрипел он, не обращая ни к кому конкретно.

Вокруг враз воцарилась тишина. Стало слышно, как потрескивают свечи.

— Если желаете, лорд Ланнистер, можем вам устроить. — Над Тирионом склонился какой-то златокудрый бугай с злыми голубыми глазами. — Посмотрим, как взлетите вы.

— Львы не летают, невежа. Их лапы непригодны для полётов, — с достоинством сказал Тирион и стал пробираться к выходу, куда уже направились молодожёны и самые важные гости. Охранники прикрывали его отход, больше похожий на бегство.

— Это смотря как пнуть, — донеслось ему в спину. — Если спыряка засадить со всей дури... то карликовый лев точно полетит... вверх тормашками...

Храм огласил дружный гогот. Главный септон недовольно шикнул на возмутителей спокойствия.

От сарказма не полегчало, и дальше всё складывалось только хуже. Тирион жалел, что является почётным гостем и не может уйти со свадебного пира пораньше. Его посадили слева от Грай, но наблюдать ему приходилось лишь её затылок — девчонка не отрывала влюблённого взгляда от своего молодого мужа. И, судя по всему, ещё не забыла их последнюю встречу на турнире, поэтому настороженно косилась всякий раз, когда Тирион обращался к ней. Он пытался унять накопившееся раздражение, едва сдерживаясь, чтобы не отпустить какую-нибудь скабрёзную шуточку по поводу предстоящей ночи.

— А правда ли, миледи, что Роберт сам убил того зверя, чья шкура сейчас на ваших плечах? — поинтересовался он светским тоном, всё-таки справившись с досадой.

Грай радостно улыбнулась и вздохнула с нескрываемым облегчением.

— Истинная правда, лорд Тирион! — с жаром ответила она. — Роберт тогда чуть не погиб, но он выполнил приказ вождя! Сумеречный кот очень хитрый. Даже опытному охотнику непросто его добыть. А Роберт в первый раз пошёл один...

— Он ходил на охоту один? — Тирион не смог скрыть удивления. И когда Грай снова с готовностью закивала, искренне обрадованная его изумлению, то отвёл взгляд, смущённый её простодушием — давно он не встречал настолько неподдельно чистых сердцем людей. Этим девчонка немного напоминала ему Сансу.

— Роберт был в горах совсем один девять дней, милорд. Он упал с дерева и подвернул ногу, а потом чуть не утонул в болоте... а потом его чуть кот не сожрал, подрал ему всю шею и ухо погрыз. Никто не верил, что Роберт вернётся. — Грай запнулась и виновато потупилась. — Я тоже не верила... Даже хотела... — Она снова остановилась, задумалась, упрямо мотнула головой: — Неважно... Роберт вернулся! Ведь он обещал принести мне кота! И принёс... — Она посмотрела на своего собеседника и просияла.

Тирион постарался, чтобы его ответная улыбка не получилась слишком кислой.

— Повезло ему... — протянул он, и Грай снова согласно закивала.

— Это всё Огненная ведьма, милорд! Она наслала на него кота! И помогла его одолеть. А всё потому, что Роберт принёс ей свой дар. И она приняла его. Вот так-то, милорд!

— Дар? Но у него вроде обе руки целые... — Тирион недоверчиво выгнул бровь. Он видел выжженную глазницу Красной Руки и знал цену обугленным пальцам Обгорелых. Только эти полоумные дикари могли с собой такое сотворить. Поэтому спросил с любопытством: — Что же наш лорд подарил этой ненасытной любительнице горелого человеческого тела?

— Своё сердце, — шепнула ему Грай на ухо, и он отпрянул. Она вздёрнула подбородок и важно пояснила: — Роберт поставил на него Огненную печать. И теперь его оберегают не только ваши Семь богов, но и Огненная ведьма...

Тирион вновь крепко задумался, благо Грай занялась делом — Роберт повёл её танцевать.

Семь музыкантов весь вечер играли на скрипках, арфе и флейтах. Семь менестрелей развлекали гостей балладами и шуточными песенными состязаниями, превознося красоту и скромность невесты, доблесть и мудрость жениха. Но сейчас они объединились, чтобы вместе спеть новобрачным «Два сердца бьются, как одно», и разгорячённые танцами пары

отошли в стороны, освободив место для Грай и Роберта.

Если бы не отличное летнийское вино, Тирион тут же бы и ушёл. В Большом чертоге становилось всё шумнее, но ему было скучно — никто не спешил развлекать его беседой, да и он сам не особо стремился очередной раз выслушивать от местных, какой их лорд смелый и великодушный. Тирион выискивал глазами Подрика, но тот где-то затерялся в толпе. Однако когда Роберт вернулся за стол, и всё вокруг вдруг разом стихло — и музыка, и разговоры — Тирион насторожился. Похоже, предстояло что-то важное.

Роберт громко и торжественно перечислял заслуги отличившихся подданных, а затем награждал их — командование своей армией поручил Джасперу Редфорту, Террансу Линдерли пожаловал титул Рыцаря Ворот. Время от времени Тирион недовольно хмыкал, не забывая прикладываться к кубку. Но от следующего объявления чуть не поперхнулся.

— Сир Саймонд Темплтон, — громко сказал Роберт, и Рыцарь Девяти Звёзд поднялся. — За верную службу и преданность дому Арренов я назначаю вас мастером над кораблями Долины!

Гости заговорили разом, кто-то пьяно хохотнул. Ещё недавно Тирион бы тоже рассмеялся, услышав такое. Сейчас же он лишь крепче сжал кубок.

— Благодарю, милорд. Это большая честь. — Темплтон сдержанно поклонился. — Жаль только, что кораблей у Долины нет.

— Так исправьте это, сир! — не терпящим возражений тоном сказал Роберт. — Сделайте так, чтобы они появились! Или вы думали, что тогда на Совете я болтал языком, как рыночный зазывала?

— Нет, милорд... я так не думал.

— Покупайте корабли у железнорождённых. — Роберт продолжал сердиться. — Посмотрите остатки флота Ланнистеров и Станниса Баратеона... пока мы не начали делать свои корабли. Ищите хороших корабелов. И место для верфи. Мы будем строить свой флот!

— Да, милорд, — новоиспечённый мастер снова поклонился, однако высказал свои сомнения: — Но на это нужны деньги... много денег, милорд.

— Это не ваша забота, сир Саймонд, — отрезал Роберт и обвёл взглядом парадный зал: — Леди Бриенна Тарт!

Бриенна встала и поклонилась.

— Да, милорд. — В голубых глазах читался вопрос.

— За верную службу и преданность дому Арренов я назначаю вас начальником таможни порта Чаячьего города.

В зале ахнули, зашущукались, Тирион скептически скривился. Бриенна в растерянности захлопала белёсыми ресницами.

— Вы не хотите, чтобы я вернулась с вами в Орлиное Гнездо... м-милорд? — Ей не удалось скрыть обиду в голосе.

Роберт улыбнулся.

— Мне нужна твоя помощь, Бриенна, — доверительно сказал он. — Здесь. Сир Саймонд требует с меня денег, и много. Нужно не только увеличить таможенные сборы, но и сделать так, чтобы они не попадали мимо казны, как раньше. Даже твои недруги не подвергают сомнению твою честность... На этом месте мне нужен именно такой человек. Я не справлюсь без тебя, Бриенна.

— Хорошо, милорд, — с готовностью кивнула она, но села за стол опечаленная.

— Леди Лиза Аррен! — назвал Роберт следующее имя.

Лиза вздрогнула и заозиралась вокруг, ища, кого это сын спрашивает. Увидев, что все смотрят на неё, она настороженно встала.

— За верную службу и преданность дому Арренов я назначаю вас мастером рудного дела.

— Меня?! — неверяще, на грани возмущения спросила она. — Но почему меня, Роб... милорд?

Тирион тоже очень хотел бы это знать. Он с трудом удержался, чтобы не отвесить челюсть. В Долине творилось нечто, не поддающееся объяснению.

Если с Бриенной Роберт разговаривал сердечно, с ласковой убедительностью, то с матерью говорил сухо и властно, как сюзерен с вассалом, от которого ждут лишь повиновения:

— Вы долгие годы самостоятельно управляли моими рудниками, миледи. И управляли успешно. Так что оставьте излишнюю скромность, сейчас мне не до вашего жеманства. У меня слишком много дел. Нужно открыть новые рудники. Нужно увеличить добычу железа. И найти тех, кто готов его покупать. Вы готовы служить своему лорду?

— Конечно, милорд... — Лиза всё ещё не могла оправиться от потрясения.

— Я рассчитываю на вас... матушка. — Роберт наконец улыбнулся ей. — Вам не придётся самой объезжать рудники, как это делал прежний мастер. Я дам вам хорошего помощника. Управляющий рудниками будет решать вопросы на месте. Под вашим бдительным руководством... Лорд Сандерленд! — позвал он.

Тристон Сандерленд дёрнулся было со своего места, но Роберт смотрел не на него.

— Рейлон Сандерленд! — повторил он нетерпеливо, и однорукий сын лорда Трёх Сестёр поднялся. — За верную службу и преданность дому Арренов я жалую вам башню Бейлишей и прилегающие земли. Подойдите. — Рейлон поспешно вышел из-за стола и приблизился, провожаемый завистливыми взглядами. Роберт протянул ему свиток, перевязанный золотистой лентой: — Это грамота, подписанная её величеством. Отныне вы лорд Сандерленд-форта. Вы можете выбрать себе герб и девиз, которые будут наследовать ваши сыновья. Также я назначаю вас управляющим рудниками Арренов.

— Благодарю, милорд, — с чувством сказал новый лорд, но потом с сомнением глянул на свою культю: — Но смогу ли я...?

Роберт пожал плечами.

— Говорят, сир Джейме Ланнистер научился владеть мечом левой рукой. А вам переучиваться не надо. Я надеюсь, лорд Тирион не откажется помочь... расскажет про золотую руку брата, чтобы наши кузнецы сделали для вас такую же.

Тирион невозмутимо кивнул. Хотя мог поклясться, что Роберт видит его тщательно скрываемое удивление и досаду, и наслаждается этим. Как оказалось, это ещё был не конец.

— Бринден Талли! — позвал Роберт, и тот медленно и с достоинством поднялся.

Роберт снова смотрел приветливо, в глазах читалось неподдельное уважение и признательность. И заговорил он проникновенно, приязненно улыбаясь:

— Ещё раз выражаю вам свою искреннюю благодарность за всё, что вы сделали для Арренов... милорд. — На последнем слове Талли удивлённо вскинулся, а Роберт продолжил: — Вместе с докладом об измене и изменниках я отправил в Красный замок прошение о жаловании вам титула лорда. Сегодня у меня нет на руках королевской грамоты, но есть письмо. Королева удовлетворила моё прошение, бумаги уже в пути. За вашу верную службу и преданность дому Арренов я жалую вам замок Графтонов и титул лорда Чаячьего города. Вы

можете выбрать себе герб и девиз, которые будут наследовать ваши сыновья.

— Благодарю, милорд.

— Полагаю, вы догадываетесь, лорд Талли, что это не только награда, — Роберт хмыкнул, — но и призыв служить своему лорду далее. Вам предстоит сделать этот город привлекательным для чужеземных торговцев. Казне Долины нужны деньги. Вы, милорд, леди Тарт и леди Аррен вместе с лордом Рейлоном должны сделать всё, чтобы сиру Темплтону было на что построить нам корабли.

— Да, милорд. — Талли поклонился.

Тирион Ланнистер не стал дожидаться провожания молодых в спальню — ему срочно нужно было остаться одному, чтобы хорошенько всё обдумать. Ему срочно нужно было возвращаться к своей королеве, чтобы рассказать новости.

Поварята сновали туда-сюда, заставляя столы праздничными угощениями — томлёным на костре мясом, печёными овощами, жареными на углях крабами, омарами и разной рыбой, мочёными ягодами, соленьями, пряными кореньями и травами. Гости ели и пили без усталости, танцевали, переговаривались, смеялись. Менестрели распевали свои самые заводные песни, музыканты взмокли, подыгрывая им.

Огненная вода, доставленная с гор вместе с остальными свадебными подарками специально для торжественного застолья, развязывала языки молчунам, побуждала скромников лихо отплясывать, делала тихонь задирами, а задир буянами. В одном углу лорд Тростон заплетающимся языком наставлял облагодетельствованного сына, советуя, что в первую очередь тот должен сделать на вверенных ему рудниках и в своей скромной обители, теперь гордо именуемой Сандерленд-фортом. Рейлон, ещё ошарашенный случившимся, слушал и покорно кивал, с трудом понимая, где находится. Миранда Редфорт хохотала, глядя, как неуклюже Оссифер Липпс, пригласивший её на танец, пытается повторить за ней движения и прыгает козлом. Подрик и мейстер Леран, сдвинув со стола тарелки, боролись на руках, крича от натуги. У выхода из зала Лин Корбрей пихал в грудь Терранса Линдерли, призывая согласиться, что быть капитаном Братства Крылатых Рыцарей гораздо почётнее, чем Рыцарем Ворот. Терранс в ответ насмеялся, глумливо интересуясь, какая разница, раз Лин не является ни тем, ни другим. Назревала драка. Робар Вайдман пытался их урезонить, но лишь нечленораздельно мычал, икая в перерывах.

У распахнутого настежь окна стоял лорд Долины, вдыхал ночной воздух и поглядывал на Грай и Лизу, о чём-то увлечённо беседующих. К нему подошёл Бринден Талли.

— Корабль с дотракийцем сегодня в полдень покинул гавань, — доложил он.

Роберт кивнул:

— Хорошо.

— Приспешник драконьей королевы сбежал в свои покои. Выглядел расстроенным...

Роберт хмыкнул:

— Тоже неплохо...

— Вы что-нибудь ответили ему на предложение Дейнерис?

Роберт покачал головой:

— Я сказал, что мне нужно переговорить с членами Совета лордов Долины. Что такие решения не принимаются единолично.

— Но вы уже решили, что будете делать?

— Нам нужны корабли, — озабоченно нахмурился Роберт, не отвечая на вопрос прямо. — Долине срочно нужен свой флот.

— Корабли нужны, вы правы, милорд. Но даже они не помогут нам против драконов...

— А что поможет? — Роберт с надеждой взглянул на своего главного советника.

— Говорят, оружейники Королевской Гавани сделали огромные арбалеты... называются скорпионы. Говорят, ими можно убить дракона.

— Нам нужны такие скорпионы, лорд Талли. Как можно скорее. Займитесь этим лично.

— Да, милорд...

Роберт наконец расслабился. Когда скрипки запиликали с новой силой, менестрели грянули хором и песню сразу подхватили почти все гости, он от души рассмеялся и кивнул Грай, приглашая её на танец:

— В Чаячьем городе девушка ждёт, хей-хо, хей-хо!

Жди и надейся, твой милый придёт, хей-хо, хей-хо!

За годы разлуки любовь наградит, хей-хо, хей-хо.

Страстью и нежностью сердце пронзит, хей-хо, хей-хо...

* * *

Лиза отложила отчёт управляющего рудниками и потёрла глаза. В малой горнице Орлиного Гнезда, с недавнего времени превращённой в её личный кабинет, канделябры стояли повсюду: два на огромном дубовом столе, два на низком буфете и даже на широком подоконнике. Все бумажные дела она старалась переделать, пока солнце находилось высоко, но сегодня не успела. Однако ни боль в глазах, ни усталость в затёкшей спине и шее не могли омрачить её радость от того, что доходы с железных копей неуклонно росли. Даже с учётом вычета одной пятой части, которую Долина уплачивала Обгорелым в обмен на возможность спокойно работать.

Когда Рейлон предложил Лизе делиться с ними доходами, она жутко возмутилась такой расточительностью. Но после двух особо дерзких нападений Раскрашенных Псов на обозы с оружием и длительных переговоров с Красной Рукой, была вынуждена уступить, согласившись, что пятая часть за сохранение имущества и жизней стражников — это не так уж и много. С тех пор Обгорелые не только сами прекратили малейшие поползновения поживиться чужим добром, но и охраняли рудники и обозы от других горцев. Радовал Лизу и серьёзный подход молодого лорда Сандерленда к документации, в которой она ни единого раза не нашла ни одной ошибки в подсчётах.

Дверь распахнулась без предварительного стука, и на пороге появилась запыхавшаяся Гелла Боррелл.

— Миледи, лорд Роберт поднимается! — выпалила она и тут же в испуге убежала, завидев проскользнувшего в дверь Сумрака.

Лиза вышла из-за стола и кинулась к сыну, протянув к нему руки. Он зашёл в кабинет, обнял её и поцеловал в щёку.

— Здравствуй, матушка.

— Здравствуй, родной. Есть новости?

— Всё готово. Мы выступаем завтра утром. Я поднялся попрощаться. — Роберт наклонился и почесал кота за ухом. Тот довольно рыкнул.

Лиза нахмурилась. Она так и не смирилась с решением сына выдвинуть армию Долины на север, чтобы помочь Сансе и Джону Сноу освободить Винтерфелл от Рамси Болтона.

«Что тебе до проблем бастарда?» — спросила она, когда Роберт заверил изнурённого и обеспокоенного посланника Старков, что поможет, и приказал созывать знамёна. «Мне нет до него никакого дела, матушка, — ответил он. — Но Санса — моя кузина. Я должен помочь ей вернуть её родной дом». «У тебя много своих нерешённых вопросов, милый, — пробовала отговорить его Лиза. — Флот... летающая на драконах девчонка... горцы, которые обещали принести тебе клятву верности, но что-то не особо торопятся...» «Они никогда и не принесут её мне, если я буду отказывать в помощи друзьям и близким, — сказал он. — Если я сейчас откажу, горцы будут думать, что я так же поступлю и с ними, когда помощь понадобится им. Как они могут поклясться в верности тому, кто бросает в беде даже родных?» В тот день Лизе осталось только развести руками — спорить с Робертом было совершенно невозможно. На каждое её возражение он приводил доводы, с которыми она не могла не согласиться.

— Привезли скорпионы, — сказал Роберт, продолжая чесать кота за ухом. — Один Линдерли установит у себя на Красных Вратах, второй завтра по частям поднимут сюда. Проследи, чтобы его поставили во внутреннем дворе. Албар Ройс присмотрит за сборкой. — Он шагнул к матери и взял её за руки. — Вам с Грай нечего бояться, матушка... Второй Висеньи в Орлином Гнезде я не допущу!

— Тебе обязательно ехать? — умоляюще спросила она и, видя, как сын раздражённо отдернул руки, упрямо добавила: — У тебя есть командующий армией. Пусть он и едет...

— Хватит, я всё решил. Где Грай?

— А где ещё может быть эта дикая горная коза? — спросила Лиза, в голосе которой, однако, не было злости, а лишь возмущение непослушанием неразумного ребёнка.

— Ммм... срань... я же просил... — с упрёком бросил Роберт и направился к двери.

— Мне что, связывать её? — с обидой воскликнула Лиза, а потом кинулась следом: — Погоди...

Роберт остановился и с удивлением взглянул на мать. Та как-то странно сначала потупилась, потом её глаза забегали, губы то поджимались, то она их закусывала.

— На тот случай, если ты задержишься... если всё случится без тебя. — Пальцы суматошно гладили его плечи, перебирали застёжки на дублете. — Она сказала... сказала, что если будет мальчик... она хочет, чтобы вы назвали его Джоном. — Лиза наконец отважилась посмотреть на сына.

Он пожал плечами:

— Это хорошее имя.

— О, так ты не против? — Она обрадованно заглянула ему в глаза, прикоснулась к щеке. После чего прижалась лицом к груди и зашептала: — Это очень правильно, Роберт... очень хорошо. Это значит, что Джон Аррен вернётся домой. А это хорошо... это правильно... — Она подняла голову и сказала уже твёрдо: — Место Джона Аррена здесь, в Орлином Гнезде! Его место в Долине. Джон вернётся домой... это хорошо, сын.

— Если это хорошо, матушка, почему ты плачешь?

— Вот ещё! — Лиза поспешно вытерла глаза. — Придумаешь тоже! И вообще, тебе пора, скоро начнёт темнеть... Беги к ней! Беги... — Она деланно нахмурилась, подтолкнула его к выходу, подбавив в голос строгости: — И запрети ей лазить туда! Она жена лорда Долины! В конце концов, это неприлично! — Роберт рассмеялся, поцеловал мать в голову и поспешно вышел из кабинета. Сумрак следовал за ним по пятам, словно тень. А Лиза продолжала вдогонку, в уже пустой дверной проём: — Неприлично это... недопустимо...

ведь она носит моего внука...

Много лет назад Лиза сказала Роберту, что он единственный мужчина в её жизни, которого она будет любить до конца своих дней. Но теперь чётко осознавала, что солгала тогда. Скоро должен был появиться на свет новый Джон Аррен, и она уже всем сердцем любила его. Лиза никогда не испытывала нежных чувств к старшему Джону Аррену, но сейчас знала точно — младшего она станет любить за двоих. А Долиной всегда будут править лишь истинные Аррены!

Роберт шагал по коридорам и проходам, Сумрак неслышно следовал сзади. Выйдя в узкую галерею, потолок которой терялся где-то в вышине, он остановился, восхищённый. Это было единственное место в замке, где стену сложили не из тартского белого мрамора, а из местного серого гранита. Грай, увидев её первый раз, сказала, что стена очень мрачная. «Вот бы её раскрасить!» — сказала она. Роберт, не задумываясь, согласился. Он и предположить не мог, во что это выльется. Пока Грай делала набросок на бумаге, потом раскрашивала его, делала замеры, расчёты и разбивала на квадраты, мастера возводили строительные леса под самый потолок. Потом она бегала по мосткам, шустрая, словно белка, размечала стену, командовала рабочими. «Когда ты говорила, что мечтаешь рисовать картинки, я думал, это будут книги», — сказал ей Роберт, когда она закончила верхний ярус. «Я тоже, — призналась она честно. — Но я тогда не знала, что можно ещё и так...»

Сейчас панно было практически закончено — справа красовался Чайчий город, за ним виднелось море и корабли, на переднем плане буйно зеленела трава, а слева вдали сверкали снежными вершинами Лунные горы. Почти все леса разобрали, остался небольшой участок посередине. Грай стояла на мостках в двух ярдах от пола и сосредоточенно дорисовывала предпоследний квадрат.

— Я слышу тебя, Роберт Аррен, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты так и не научился бесшумно ходить. Топаешь, как раненый вепрь... погоди, не ругайся, я уже спускаюсь.

В удобных кожаных сапожках, мальчишеских широких штанах и заляпанной краской просторной полотняной рубашке, Грай походила на растолстевшего сына пекаря. Она поставила медное ведёрко с краской на половицы мостков, развернулась спиной к лестнице и начала аккуратно спускаться. Роберт придерживал её сначала за ноги, потом за талию, и помалкивал, дожидаясь, пока она очутится на твёрдом полу. Но потом уже не стал сдерживаться.

— Седьмое пекло, миледи... Я же просил больше туда не лазить! — Роберт осторожно обнял её за плечи, целуя в волосы. Она радостно подняла голову, подставляя губы. — Я знаю, какая ты ловкая. Я видел, как ты лазаешь по деревьям... — он погладил её по животу, — но сейчас ты не одна, любимая. — Он прижал её к себе. — Срань драконья, вдруг бы ты упала?!

— Ты снова грязно ругаешься, Роберт... Ты всегда ругаешься, когда злишься. — Грай хихикнула и сморщила нос: — Фи, какая невоспитанность.

— Конечно, злюсь. Я боюсь, когда вижу тебя там.

— А септа Ксантия говорит, что настоящий лорд никогда не должен ругаться... Он не может говорить плохие слова, особенно в присутствии леди. Что бы ни случилось...

Роберт отодвинулся, многозначительно посмотрел ей в глаза и прищурился.

— Вот как? Не может, значит...

Он медленно расстегнул дублет и вытащил рубашку из штанов, не отводя от

заинтригованной жены загадочного взгляда. Затем поймал её ладонь, поцеловал в запястье и засунул себе под рубашку. И нащупав её пальцами борозды от ожога, строго спросил:

— Что это, Грай?

— Ммм... Огненная печать? — Она всё ещё непонимающе смотрела на него.

— Правильно. Что она означает? — Роберт не стал ждать ответа, и ответил сам: — Она означает, что я не только лорд, но ещё и Обгорелый. А ты знаешь, кто такие Обгорелые, Грай?

Она хотела хихикнуть, но Роберт смотрел очень серьёзно, его брови сурово нахмурились.

— Это дикари и грубияны, — вновь сам ответил он, поглаживая ей спину другой рукой. — Они даже разговаривать по нормальному не умеют, только и делают, что сквернословят.

Она всё-таки улыбнулась, уже догадываясь, куда он клонит.

— Так что твой муж — единственный лорд во всём Вестеросе, кто имеет законное право ругаться, когда ему вздумается! — торжественно закончил он, победно ухмыляясь. — Так и передай своей септе.

Грай прыснула:

— Перестань, Роберт...

— Что перестань? — Он уже обнимал её обеими руками, но Грай не вытащила свою ладонь из-под его рубашки и продолжала поглаживать впадинки клейма. Её пальцы касались легко, словно ещё могли причинить боль, обрисовывая силуэт раскрывшего крылья сокола.

— Перестань оттачивать на мне своё мастерство. Твоя матушка говорит, что с тобой невозможно спорить. Она тебе довод, ты ей десять...

— Так пусть не спорит...

— А мой отец ещё в горах говорил, что у тебя коварный язык... что ты всегда найдёшь, как выкрутиться...

— А твой брат добавлял, что языком трепать — не мечом махать.

— Он ошибался... Если бы он видел тебя тогда на турнире, он бы так не сказал...

Грай притихла, прижалась крепче, спрятав лицо у мужа на груди.

— Я боюсь, Роберт... я так не хочу, чтобы ты уезжал...

— Я должен помочь Сансе. А потом всё будет хорошо... вот увидишь. Мы поедem к ней в гости, или она приедет к нам. Она тебе понравится. Санса — настоящая леди. Как и ты. Ты ей тоже понравишься... Ей понравятся твои рисунки... А ещё есть Арья. Она совсем другая. Говорят, она пропала, но она обязательно найдётся. Она не из тех, кто даст себя в обиду. Когда она была здесь, у неё был свой собственный меч. И ещё она хорошо стреляла из лука. Поэтому ей ты тоже понравишься. Я должен им помочь. Понимаешь, любимая? Я слышал, как на свадьбе гости говорили, что сокол Долины взлетел очень стремительно... Но знаешь, что я думаю? Неважно, как взлетишь. Главное, как полетишь дальше. Я должен им помочь...

Она кивнула. Она всё понимала. Просто ей было очень страшно.

— Я вернусь, Грай.

— Правда? — Она подняла на него блестящие от слёз, но полные надежды глаза. — Ты обещаешь?

— Обещаю...

Она верила. Роберт всегда держал свои обещания.

Больше книг на сайте - Knigoed.net